

ВЕКТОР НАУКИ

Тольяттинского
государственного
университета
Серия: Юридические науки

Основан в 2010 г.

№ 2 (33)

2018

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор

Заместители главного редактора:

Вершинина Светлана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Литинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор
Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор
Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент
Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук
Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор
Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
Лясковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор
Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор
Тимофеева Елена Александровна, доктор педагогических наук, доцент
Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор

Ответственный секретарь

Битюкова Юлия Владимировна

Входит в перечень рецензируемых научных журналов, зарегистрированных в системе «Российский индекс научного цитирования».

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-40002 от 27 мая 2010 г.).

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020, Россия, Самарская область, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

Тел.: (8482) 54-63-64

E-mail: vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт: <http://www.tltsu.ru>

Подписано в печать 29.06.2018.

Выход в свет 12.10.2018.

Формат 60×84 1/8.

Печать оперативная.

Усл. п. л. 7,0.

Тираж 50 экз. Заказ 3-465-18.

Цена свободная.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Заместители ответственного редактора:

Вершинина Светлана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Хачатуров Рудольф Левонович, доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, Россия)

Редколлегия:

Авакян Рубен Осипович, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности, ректор
(Ереванский университет «Манц», Ереван, Республика Армения).

Власенко Николай Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия).

Дорская Александра Андреевна, доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Зазнаев Олег Иванович, доктор юридических наук, профессор
(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Зелиньски Яцек, доктор гуманитарных наук, профессор
(Естественно-Гуманитарный Университет в г. Седльце, Польша).

Исаев Николай Алексеевич, доктор юридических наук, профессор
(Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия).

Калинин Сергей Артурович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
(Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь).

Ковальский Ежи Сергей Чеславович, кандидат юридических наук
(Университет Лазарского, Варшава, Польша).

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор
(Российская академия народного хозяйства при Президенте РФ, Москва, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор
(Самарский национально исследовательский университет им. Академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лепс Андо, доктор юридических наук, профессор
(Правовая академия Таллинского университета, Таллин, Эстония).

Ляковска Катажина, доктор юридических наук, профессор
(Университет в Белостоке, Польша).

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Саратовский филиал Учреждения Российской академии наук Института государства и права РАН, Саратов, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор
(Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Оспенников Юрий Владимирович, доктор юридических наук, профессор
(Самарская гуманитарная академия, Самара, Россия).

Погодин Александр Витальевич, доктор юридических наук, доцент
(Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия).

Ревина Светлана Николаевна, доктор юридических наук, профессор
(Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия).

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
(Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, кандидат юридических наук, профессор
(Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Ударцев Сергей Федорович, доктор юридических наук, профессор, директор НИИ правовой политики и конституционного законодательства
(Казахский гуманитарно-юридический университет, Астана, Республика Казахстан).

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Н.И. Бородина.....	5
ОТКАЗ ОТ РЕАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА И ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ А.С. Гамбарян.....	10
ПРОГРАММА ПО ПРОФИЛАКТИКЕ РЕЦИДИВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОСУЖДЕННЫХ УСЛОВНО. ЧАСТЬ I. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕВЕНЦИЯ Е.А. Дядченко.....	18
РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНИК ПРОФЕССОРА И.А. ИВАННИКОВА «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ» (ИВАННИКОВ И.А. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ. 2-Е ИЗД., ОБНОВЛЕННОЕ. ТАГАНРОГ: ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, 2018. 354 С.) Т.А. Золотухина.....	25
ГЕНЕЗИС КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ О РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ОСУЖДЕННЫМИ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ С.А. Копыткин, В.В. Горовой.....	27
ИСТИНА КАК ОСНОВАНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ В.А. Лазарева.....	31
ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И САМОУПРАВЛЕНИЕ ВО ВЗГЛЯДАХ ТЕОРЕТИКОВ РОССИЙСКОГО АНАРХИЗМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА И.А. Прохоренко.....	36
К ВОПРОСУ ОБ ИТОГОВОМ СУДЕБНОМ РЕШЕНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В ОТНОШЕНИИ УМЕРШЕГО А.Р. Тахаутдинова, Ю.О. Мещерякова.....	41
ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ СОБСТВЕННИКОВ МНОГОКВАРТИРНОГО ДОМА В СВЕТЕ ПРИНЯТИЯ СТ.181.5 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Е.В. Чуклова, Д.А. Купцов.....	46
О СООТНОШЕНИИ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ И ПРАВА НА ЗАЩИТУ С.В. Юношев.....	52
НАШИ АВТОРЫ.....	57

CONTENT

TOPICAL ISSUES OF REGULATION OF THE CONSTITUTIONAL LEGAL STATUS OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION N.I. Borodina.....	5
THE WAIVER OF SUBJECTIVE RIGHT AND THE ENFORCEMENT OF PROCEDURAL RIGHTS A.S. Ghambaryan.....	10
THE PROGRAM FOR THE PREVENTION OF THE RECURRENT CRIMES AND DELINQUENCY OF THE MINORS SENTENCED CONDITIONALLY. PART I. PSYCHOLOGICAL PREVENTION E.A. Dyadchenko.....	18
REVIEW OF THE TEXTBOOK OF PROFESSOR I.A. IVANNIKOV “THE THEORY OF STATE AND LAW: CONTEMPORARY PROBLEMS” (IVANNIKOV I.A. TEORIYA GOSUDARSTVA I PRAVA: SOVREMENNYE PROBLEMY [THEORY OF STATE AND LAW: CONTEMPORARY PROBLEMS]. 2ND ED. IZD. OBNOVLENNOE. TAGANROG, YUZHNY FEDERALNYY UNIVERSITET PUBL., 2018. 354 P.) T.A. Zolotukhina.....	25
THE GENESIS OF CRIMINALISTIC KNOWLEDGE ABOUT THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY THE DEFENDANTS WITH MENTAL DISORDERS S.A. Kopytkin, V.V. Gorovoy.....	27
THE TRUTH AS A GROUND FOR THE DIFFERENTIATION OF A FORM OF ACTION V.A. Lazareva.....	31
STATE, LAW, AND SELF-GOVERNMENT IN THE VIEWS OF THEORETICIANS OF RUSSIAN ANARCHISM OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES I.A. Prokhorenko.....	36
THE QUESTION OF FINAL JUDGMENT ON THE CRIMINAL CASE AGAINST THE DECEASED A.R. Takhautdinova, J.O. Meshcheryakova.....	41
THE PROBLEM OF THE PROTECTION OF RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF THE JOINT OWNERS OF A MULTI-APARTMENT HOUSE IN THE CONTEXT OF THE ADOPTION OF THE ARTICLE 181.5 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION E.V. Chuklova, D.A. Kuptsov.....	46
CONCERNING THE INTERRELATION OF THE DEFENDANT’S RIGHT TO HAVE COMPETENT LEGAL ASSISTANCE AND THE RIGHT OF DEFENSE S.V. Yunoshev.....	52
OUR AUTHORS.....	57

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГЛАМЕНТАЦИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2018

Н.И. Бородина, преподаватель кафедры «Конституционное и административное право» Института Права Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: конституционно-правовой статус; Президент РФ; полномочия Президента РФ; гарантии Президента РФ; регламентация правового статуса Президента РФ.

Аннотация: Данная статья посвящена изучению конституционно-правового статуса Президента РФ, его элементов и особенностей, которые не раскрыты либо недостаточно раскрыты в современном российском законодательстве. Дается определение понятию «статус Президента», предпринимается попытка разграничения понятий «статус», «правовой статус» и «конституционно-правовой статус», а также попытка определения верной терминологии. Анализируются подходы к пониманию элементов статуса и дается их обоснование. Приводится актуальный перечень элементов конституционно-правового статуса Президента РФ, сформированный в доктрине конституционного права. Рассматриваются полномочия, функции, гарантии осуществления деятельности Президента РФ, а также изучается порядок их приобретения и утраты. Говорится о соотношении статуса кандидата в Президенты и статуса Президента РФ. Приводятся положительные примеры оценки конституционно-правового статуса в зарубежном законодательстве. В статье предлагается более подробно рассмотреть предложенные юридической наукой элементы и внести ряд изменений в федеральное законодательство. Изучается разнообразная по своей структуре и наполнению нормативно-правовая база, закрепляющая статус Президента РФ, выявляется её несовершенство. Видится необходимым создание отдельного нормативно-правового акта, в котором нашли бы отражение: весь объем полномочий Президента, его ответственность, гарантии осуществления его деятельности, порядок и основания получения конституционно-правового статуса Президента РФ, а также порядок и основания его утраты и иные концептуальные вопросы статуса Президента РФ. Проведенная работа позволяет выявить основные пробелы и проблемы в области закрепления конституционно-правового статуса Президента РФ, а также предложить варианты их решения.

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что институт президентства имеет уже достаточно длительную историю в Российской Федерации, до сих пор существуют проблемы, связанные как с доктринальным пониманием конституционно-правового статуса Президента России, так и с реализацией его элементов на практике. Наличие законодательных пробелов наряду с несовершенством практического осуществления закрепленных законом положений препятствует полноценному развитию и функционированию института Президентства. Такая ситуация характерна не только для России, но также и для иных стран постсоветского пространства, в частности для института Президентства Республики Таджикистан.

В российской юридической доктрине нет единого подхода к пониманию статуса Президента, так отдельные ученые именуют его правовым статусом [1], другие конституционным статусом [2], третьи – конституционно-правовым статусом [3]. Наиболее полным определением является следующее: конституционно-правовой статус Президента России – это закрепляемая нормами Конституции Российской Федерации и иных актов – источников конституционного права устойчивая, но динамичная система элементов, выражающих его особенность как главы российского государства положение российского Президента в государстве и обществе относительно других субъектов права.

Первичный анализ юридической доктрины показывает, что базисным элементом правового статуса является комплекс прав и обязанностей. Если учесть то, что непосредственно «юридические связи всегда существуют относительно субъектов права, то упрощенно понятие правового статуса можно свести к положению

субъекта в юридических связях, в соответствии с правилами поведения, установленными государством, по отношению к другим субъектам, участвующим в этих связях» [4, с. 25].

Точки зрения на определение понятия «правового статуса» можно свести к двум направлениям: «абстрактному» и «реальному». «Абстрактный» подход демонстрирует, что все права и обязанности субъектов любых правоотношений закрепляются законодателем, что впоследствии позволяет дать определенные гарантии соблюдения прав и выполнения обязанностей. С другой стороны, сторонники «реального» подхода демонстрируют, что исходным началом правового статуса является именно то отношение, в связи с которым и возникли рассматриваемые права и обязанности. Санкционирование государством проводится уже во вторую очередь, а права и обязанности субъектов не являются неизменными: они могут преобразовываться с ходом времени, чтобы лучше отвечать интересам сторон правоотношения.

Закрепление статуса Президента в Российской Федерации и Республике Таджикистан имеет общую специфику. Основным нормативным документом, закрепляющим институт Президентства, является Конституция, при этом отсутствует комплексный акт, посвященный статусу Президента, равно как и законодательное определение указанного конституционно-правового статуса. На законодательном уровне закрепляются лишь отдельные элементы. В данной работе исследовался состав и содержание конституционно-правового статуса Президента РФ в сравнении с конституционно-правовым статусом Президента Республики Таджикистан.

Цель работы – анализ правовой регламентации конституционно-правового статуса Президента РФ и Президента РТ и возможности заимствования положительного правового опыта.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В науке конституционного права выдвигаются различные предложения относительно состава конституционно-правового статуса Президента РФ. К единому мнению ученые [5] приходят лишь в отношении основного элемента правового статуса – прав и обязанностей, то есть собственно полномочий Президента РФ.

Помимо главного элемента, некоторые ученые включают в перечень составляющих частей конституционно-правового статуса Президента порядок приобретения статуса, порядок утраты статуса [6], гарантии осуществления прав и обязанностей субъекта [7], принципы их осуществления [8], ответственность перед государством и обществом [9].

Однако не со всеми элементами, представленными в данной структуре, можно согласиться. Так не является целесообразным включение в структуру конституционно-правового статуса Президента РФ таких положений как приобретение статуса и его утрата. В первом случае все очевидно. Лицо, претендующее на получение конституционно-правового статуса Президента РФ, в процессе его баллотирования на пост Президента РФ, участия в референдуме не является Президентом, вплоть до его избрания и последующей инаугурации.

На данном этапе следует сказать, что лицо обладает статусом Кандидата в Президенты РФ. В случае, если действующий Президент РФ баллотируется на новый срок, имеет место ситуация, когда он является обладателем как статуса Президента, так и статуса кандидата в Президенты. Такое разделение требуется для разграничения функционала и реализации прав и обязанностей, которые напрямую зависят от статуса.

Что касается вопроса включения в структуру конституционно-правового статуса Президента РФ порядок его утраты, то здесь ситуация двоякая. Процедура утраты статуса начинается, когда лицо еще обладает статусом Президента, однако по какой-либо причине более не может им обладать. Относительно принципов как основных начал реализации Президентом РФ своего статуса, то они имеют важное значение и при этом находят полноценное отражение в нормах, регламентирующих конституционно-правовой статус Президента РФ. В связи с этим, отдельное рассмотрение данных принципов имеет в большей степени теоретическую ценность и не требует дополнительного закрепления [10].

Исходя из всего вышесказанного, дальнейший анализ элементов конституционно-правового статуса Президента Российской Федерации будет базироваться на следующем их перечне:

- 1) ценностно-функциональное предназначение Президента в государстве и обществе;
- 2) конкретные правовые возможности и полномочия Президента РФ и порядок их осуществления;
- 3) гарантии надлежащего осуществления предназначения, возможностей, долженствований Президента Российской Федерации;
- 4) ответственность Президента РФ (моральная, политическая, юридическая)

Данный список элементов был сформирован исходя из того, что именно они дают наиболее полную характеристику положения Президента относительно государства и общества.

Функции и полномочия, а также публичные права Президента РФ являются элементами его компетенции. Таким образом, компетенция Президента РФ представляет собой правовое образование, связывающее в одно целое первый и второй элементы в статусе Президента РФ. Полномочия Президента – это закреплённая Конституцией Российской Федерации совокупность прав и обязанностей Президента, объем и характер которых обусловлен его статусом, местом и ролью в системе разделения властей [11]. Самый общий блок полномочий Президента РФ предусмотрен Конституцией РФ, однако круг его прав и обязанностей расширяется, посредством закрепления в иных нормативно-правовых актах прав и обязанностей Главы Государства в разных отраслях права. Это существенно осложняет анализ его конституционно-правового статуса и понимание полного объема его полномочий.

Особое значение в области реализации полномочий Президента РФ является срок, в пределах которого может осуществляться весь объем прав и обязанностей, собственно срок избрания Президента РФ. В соответствии с положениями ст. 81 Конституции РФ Президент избирается на срок в шесть лет. При этом, согласно действующим положениям Конституции РФ, одно лицо не может избираться более чем на два срока подряд. Законодательно срок нахождения Президента РФ в должности был увеличен Федеральным Конституционным Законом от 30 декабря 2008 г. N 6-ФКЗ «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы».

Данное изменение может быть подвергнуто критике в связи с его «антидемократичностью» – ограничению процесса сменяемости власти. Данную проблему поднимал в своей работе А.А. Кондрашев [12], указывая на важность изменения контингента чиновников, а также смены лиц на посту Президента РФ. Мы склонны не соглашаться с этой позицией. Специфика стран-правопреемников СССР такова, что не позволяет проводить прямую аналогию с европейскими государствами. Изменение государственного строя, формирование нового государства требует нахождения у власти опытного руководителя, проводящего на протяжении десятилетий единую политику, позволяющую постепенно вывести страну на достойный уровень. Кроме того, искусственное ограничение срока пребывания в должности нарушает право свободного волеизъявления народа и не дает ему избрать кандидата, который положительно зарекомендовал себя на посту Президента и которого население видит достойным главой государства.

Частично решить данную проблему на законодательном уровне удалось в Республике Таджикистан, посредством внесения соответствующих поправок в Конституцию страны. Первая поправка данного рода была внесена по результатам референдума 2003 года в ч. 4ст. 65 Конституции РТ и увеличивала количество сроков нахождения одного лица в должности Президента подряд с одного до двух. В феврале 2018 года был создан проект Закона РТ, вносящего поправки в Конституцию, который на рассмотрении в парламенте Республики

Таджикистан. Данный проект подразумевает отмену положения о сроках для лица, обладающего в соответствии с Законом РТ «Об Основателе Мира и национального единства – Лидере Нации» статусом Лидера Нации. Данным статусом обладает Президент РТ Эмомали Рахмон в связи с его ролью в становлении Республики Таджикистан. Таким образом, постсоветская законодательная практика показывает, что президентский срок может быть увеличен, а ограничения на сроки избрания – снято [13].

Функции Президента – это основные направления его деятельности. На основе этого утверждения можно выделить следующие функции Президента РФ, объединяющие в себе круг его полномочий: функция гаранта Конституции РФ, функция взаимодействия с органами законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, функция охраны суверенитета страны, функция по определению основных направлений внутренней и внешней политики [14]. В юридической науке уделяется мало внимания изучению собственно функций Президента РФ, это обусловлено их тесной связью с полномочиями Президента и отсутствием искусственно сформированных учеными классификаций функций. Куда более важным является изучение полномочий президента, круга его прав и обязанностей, которые реализуются в первую очередь во взаимодействии с иными органами государственной власти.

Эволюция института президентства в России на протяжении всех этапов его существования в целом осуществлялась в сторону экспансии компетенции других органов. Очевидно, что данный функциональный перечень достаточно широк и внеконституционен, превышает пределы компетенции института, что затрудняет их эффективную реализацию.

Так, в частности, сегодня институтом президентства выполняются нетипичные для главы государства функции других действующих институтов власти (Конституционного Суда, Уполномоченного по правам человека и др.) – а именно функции конституционного гаранта (вместо функции гаранта суверенитета РФ, проистекающей из содержания положений клятвы Президента при вступлении в должность, а также полномочий главы государства как Верховного главнокомандующего ВС РФ и до сих пор не имеющей регламентации на конституционном уровне), гаранта прав и свобод человека и гражданина, гаранта прав и свобод личности и мер по их защите и т.п. (что, в частности, широко реализовано сегодня на законодательном уровне федеральных субъектов – Республики Адыгеи, Бурятии, Северной Осетии, Татарстана и др.) [15].

В этой связи возникает необходимость закрепления функции определения основных направлений внутренней и внешней политики в будущем Федеральном законе «О статусе Президента Российской Федерации». Первый и единственный проект Федерального закона N 97012298-2 «О статусе Президента Российской Федерации», внесенный депутатом Государственной Думы Ю.М. Нестеровым, в первом чтении был отклонен Постановлением Государственной Думы от 10.04.2003 N 3860-III ГД.

Гарантиями деятельности Президента России является система условий, средств и способов, обеспечивающих правовые возможности для реализации полно-

мочий, которыми он наделен. Гарантии являются необходимым элементом статуса Президента Российской Федерации, так как позволяют осуществлять ему свою деятельность независимо от чьего-либо воздействия, материальных и иных условий [16; 17].

Правовые гарантии. Среди них можно отметить законодательно регламентированное регулирование его деятельности в соответствии с Конституцией РФ, ФКЗ, ФЗ и иными нормативно-правовыми актами. Организационные гарантии. Под этими гарантиями понимается совокупность условий, при помощи которых Президентом РФ осуществляется его деятельность в процедурно-процессуальном плане. Материальные гарантии заключаются в материальном обеспечении Президента РФ всеми необходимыми для работы материалами. Социальными гарантиями являются меры по обеспечению социальных прав Президента РФ. Гарантии деятельности Президента РФ в большинстве своем законодательно не урегулированы, хотя требуют закрепления в нормативно-правовых актах. Единственной гарантией деятельности, которая прямо закреплена в Конституции РФ, является гарантия его независимости, предусмотренная ст. 91 Основного закона. Что касается иных групп гарантий, таких как правовые, организационные, материальные и иные, то они предусмотрены в большей степени юридической доктриной и в меньшей степени отдельными нормативно-правовыми актами.

Президент России в рамках Конституции РФ страны несет этическую, моральную, политическую и юридическую ответственность. Проблема систематизации мер данных видов ответственности в отсутствие законодательного акта о статусе Президента РФ представляет несомненный интерес и является в настоящее время актуальной. Конституцией РФ возможность привлечения Президента РФ к ответственности не предусмотрена. Президент РФ может быть отрешен от должности только на основании обвинения в государственной измене или совершении тяжкого преступления (ст. 93 Конституции РФ) [18].

Полагаем, необходимо ввести соответствующие конституционные дополнения, чтобы урегулировать вопросы ответственности Президента РФ. Например, стоило бы закрепить в Конституции РФ положение том, что Президент РФ должен публично признавать свою вину за принятые решения, нанесшие существенный вред государству и гражданам страны, а также прописать дополнительную ответственность за нарушение Конституции РФ и законов государства.

Необходимо отметить: в Конституции РФ прописано, что основанием наступления конституционно-правовой ответственности является выдвижение конкретного обвинения. Хотя из общих российских правовых правил следует, что основанием является само правонарушение, т. е. сам факт его совершения. Поэтому можно сделать вывод, гипотетически предположив, что, если Президент РФ совершит тяжкое преступление или государственную измену, он может быть отрешен от должности Советом Федерации, но может и сохранить свой пост (Конституция РФ этого не исключает) [19].

Полагаем, что следует внести в Конституцию РФ такие основания отрешения от должности Президента РФ, как нарушение Конституции РФ, несоблюдение законов и присяги.

Что касается ответственности Президента РТ, то Конституция РТ, не включает в себя положений об отрешении Президента [20]. Судить о его конституционно-правовой и иной ответственности можно исходя из ст. 72 Конституции РТ, где указано, что «Президент лишается права неприкосновенности в случае совершения им государственной измены на основании заключения Конституционного суда и с согласия двух третей голосов от общего числа членов Маджлиси милли и депутатов Маджлиси намояндагон, голосующих на каждом из них раздельно» [20, с. 771]. Как и конституционно-правовая ответственность Президента РФ, ответственность в РТ не является абсолютной, даже установленный факт государственной измены не влечет отрешения Президента от должности, лишения неприкосновенности автоматически. Данное решение остается на усмотрение парламента страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очевидно, что конституционно-правовой статус Президента РФ нормативно практически не урегулирован, по поводу его структуры и элементов ведут споры ученые. Для решения данной проблемы необходимо создание комплексного нормативно-правового акта, закрепляющего весь объем полномочий Президента, его ответственность, гарантии осуществления его деятельности, порядок и основания получения конституционно-правового статуса Президента РФ, а также порядок и основания его утраты и иные концептуальные вопросы статуса Президента РФ.

В связи с этим требуется уточнение статуса Президента РФ посредством внесения изменений в Конституцию РФ с одновременной разработкой и принятием Федерального конституционного закона «О Президенте Российской Федерации». Данный правовой акт детально и полно закрепил бы конституционно-правовой статус Президента РФ. Что касается изменений, то в первую очередь следует внести изменения, связанные с избирательным лимитом Президента РФ, который нарушает права избирателей.

При этом представляется необходимым ужесточение ответственности Президента, исключение лазеек для того, чтобы избежать конституционно-правовой и иной ответственности. Данную проблему можно решить посредством внесения изменения в положения ст. 93, прописав обязанность по отрешению Президента РФ императивно взамен о возможности по решению Совета Федерации на основании обвинения, выдвинутого Государственной Думой. Таким образом можно уравновесить правовое положение Президента РФ, дав ему больше возможностей, при этом строго ограничить меры ответственности.

Для более оперативного регулирования предлагается издать аналогичный федеральный закон «О статусе Президента РФ». В данном нормативно-правовом акте следует четко прописать элементы статуса Президента РФ, внести полный перечень его полномочий, а также уточнить гарантии деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Краснов М.А. Глава государства: рецепция идеи «отцовства» // Гражданское общество и правовое государство. 2008. № 6. С. 39–42.

2. Поярков С.Ю. Президент Российской Федерации как идеологический институт российского конституционализма // Право и политика. 2009. № 7. С. 1422–1427.
3. Сахаров Н.А. Институт президентства в современном мире. М.: Юридическая литература, 1994. 176 с.
4. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Саратовский университет, 1987. 294 с.
5. Осавелюк А.М., Осавелюк Е.А. Об особенностях правового статуса Президента России // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 54–58.
6. Авдеенкова М., Дмитриев Ю. Понятие основ правового статуса человека и гражданина // Право и жизнь. 2004. № 2. С. 31–37.
7. Лепешкин А.И. Правовое положение советских граждан. М.: Юридическая литература, 1966. 56 с.
8. Воеводин Л.Д. Содержание правового положения личности в науке советского государственного права // Советское государство и право. 1965. № 2. С. 42–50.
9. Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права. Саратов: Саратовский университет, 1972. 292 с.
10. Нерсисянц В.С. Конституционализм как общегосударственная идеология // Конституционно-правовая реформа в Российской Федерации: сборник статей. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2000. С. 6–7.
11. Дмитриев Ю.А., Журавлев А.Л. Правовой статус Президента Российской Федерации. М.: Юристъ, 1997. 326 с.
12. Кондрашев А.А. Сменяемость власти как конституционная ценность // Российский юридический журнал. 2016. № 3. С. 90–99.
13. Мовчан А.О., Николаев А.М. Специфика и проблемы правового регулирования статуса главы государства в Российской Федерации и зарубежных странах // Современное право. 2016. № 8. С. 26–30.
14. Гончаров В.В. Место и роль института Президента Российской Федерации в системе исполнительной власти в стране // Юридический мир. 2010. № 3. С. 55–61.
15. Крючкова Е.А. К вопросу о компетенции Президента РФ в гуманитарной сфере: конституционно-правовые проблемы // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 3. С. 115–126.
16. Кутафин О.Е. Глава государства. М.: Проспект, 2015. 560 с.
17. Баглай М.В., Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. М.: БЕК, 1998. 519 с.
18. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
19. Юридическая ответственность органов и должностных лиц публичной власти / под ред. И.А. Алексеева, М.И. Цапко. М.: Проспект, 2017. 128 с.
20. Конституции государств Азии. В 3 т. Т. 2. Средняя Азия и Индостан. М.: Норма, 2010. 1024 с.

REFERENCES

1. Krasnov M.A. Head of the state: the reception of the idea of “paternity”. *Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo*, 2008, no. 6, pp. 39–42.
2. Poyarkov S.Yu. President of the Russian Federation as the ideological institute of Russian constitutionalism. *Pravo i politika*, 2009, no. 7, pp. 1422–1427.
3. Sakharov N.A. *Institut prezidentstva v sovremennom mire* [Institute of presidency nowadays]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1994. 176 p.
4. Matuzov N.I. *Pravovaya sistema i lichnost* [Legal Framework and Personality]. Saratov, Saratovskiy universitet Publ., 1987. 294 p.
5. Osavelyuk A.M., Osavelyuk E.A. Features of the Legal Status of the President of Russia. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2016, no. 11, pp. 54–58.
6. Avdeenkova M., Dmitriev Yu. The concept of basics of legal status of a man and a citizen. *Pravo i zhizn*, 2004, no. 2, pp. 31–37.
7. Lepeshkin A.I. *Pravovoe polozhenie sovetskikh grazhdan* [The legal status of Soviet citizens]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1966. 56 p.
8. Voevodin L.D. The content of legal status of a person in the science of Soviet state law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1965, no. 2, pp. 42–50.
9. Matuzov N.I. *Lichnost. Prava. Demokratiya. Teoreticheskie problemy subektivnogo prava* [Person. Rights. Democracy. Theoretical Problems of Subjective Law]. Saratov, Saratovskiy universitet Publ., 1972. 292 p.
10. Nersesyants V.S. Constitutionalism as a national ideology. *Konstitutsionno-pravovaya reforma v Rossiyskoy Federatsii: sbornik statey*. Moscow: Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN Publ., 2000, pp. 6–7.
11. Dmitriev Yu.A., Zhuravlev A.L. *Pravovoy status Prezidenta Rossiyskoy Federatsii* [The legal status of the President of the Russian Federation]. Moscow, Yurist' Publ., 1997. 326 p.
12. Kondrashev A.A. Removability of state power as a constitutional value. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2016, no. 3, pp. 90–99.
13. Movchan A.O., Nikolaev A.M. Specificity and Problems of Legal Regulation of the Head of State Status in the Russian Federation and Foreign Countries. *Sovremennoe pravo*, 2016, no. 8, pp. 26–30.
14. Goncharov V.V. The place and the role of the institute of the President of the Russian Federation in the system of executive power in the country. *Yuridicheskiy mir*, 2010, no. 3, pp. 55–61.
15. Kryuchkova E.A. To the question of competence of the President of the Russian Federation in the humanitarian sphere: constitutional and legal problems. *Leningradskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2012, no. 3, pp. 115–126.
16. Kutafin O.E. *Glava gosudarstva* [Head of State]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 560 p.
17. Baglay M.V., Tumanov V.A. *Malaya entsiklopediya konstitutsionnogo prava* [The small encyclopedia of constitutional law]. Moscow, BEK Publ., 1998. 519 p.
18. Constitution of the Russian Federation: approved by the referendum on the 12th of December 1993: as amended by the Federal Laws on the amendments to the Constitution of the RF dated the 30th of December 2008 N 6-FKZ, dated the 30th of December 2008 N 7-FKZ, dated the 05th of February 2014 N 2-FKZ, dated the 21st of July 2014 N 11-FKZ. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2014, no. 31, st. 4398.
19. Alekseeva I.A., Tsapko M.I., eds. *Yuridicheskaya otvetstvennost organov i dolzhnostnykh lits publichnoy vlasti* [Legal responsibility of public authorities and officials]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 128 p.
20. *Konstitutsii gosudarstv Azii. Srednyaya Aziya i Indostan* [Constitution of Asian States. Central Asia and Hindustan]. Moscow, Norma Publ., 2010. Vol. 2, 1024 p.

**TOPICAL ISSUES OF REGULATION OF THE CONSTITUTIONAL LEGAL STATUS
OF THE PRESIDENT OF THE RUSSIAN FEDERATION**

© 2018

N.I. Borodina, lecturer of Chair “Constitutional and administrative law”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: constitutional legal status; President of the RF; powers of the RF President; guarantees of the RF President; regulation of legal status of the RF President.

Abstract: This paper covers the study of the constitutional legal status of the President of the Russian Federation, its elements and special aspects that are not articulated or poorly articulated in the current Russian legislation. The author defines the concept of “the status of the President”, makes an attempt to distinguish the concepts of “status”, “legal status”, and “constitutional legal status” and to determine proper terminology. The approaches to the understanding of the status’s elements are analyzed and substantiated. The paper contains the actual list of the elements of the constitutional legal status of the RF President developed within the constitutional law doctrine. The author considers the powers, functions, and guarantees of the implementation of activities of the RF President and studies the procedure of their acquisition and loss. The paper tells of the co-relation of the status of a Presidential candidate and the status of the RF President, gives the positive examples of the evaluation of the constitutional legal status in the foreign legislation and suggests considering in details the elements offered by the juridical science and making some amendments to the national law. The regulatory basis, diversified in its structure and content and confirming the status of the RF President, is studied and its imperfection is highlighted. The author observes the necessity to create a single regulatory legal act reflecting the entire powers of the President, his responsibility, guarantees of the implementation of his activities, the procedure and the basis for the acquisition of the constitutional legal status of the RF President, as well as the procedure and the basis for its loss and other conceptual issues of the status of the RF President. The conducted study allows identifying the main gaps and problems in the sphere of confirming the constitutional legal status of the President of the RF and offering their alternative solutions.

ОТКАЗ ОТ РЕАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА И ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ

© 2018

А.С. Гамбарян, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой «Теория и история государства и права»
Российско-Армянский университет, Ереван (Республика Армения)

Ключевые слова: отказ от права; субъективные права; принудительная реализация; права на судебную защиту; права обвиняемого на защиту; права обжалования судебного акта.

Аннотация: В данной статье обсуждается вопрос ограничения отказа от субъективных прав в контексте принудительной реализации процессуальных прав. Автор отмечает, что сущность субъективного права заключается в том, что человек свободен в решении пользоваться данным правом или нет. Принудительная реализация субъективного права в целом противоречит его сущности. Только человек решает, что для него хорошо, а что плохо. На основании этого суждения автор делает вывод, что никто не может принудительно пользоваться каким-либо своим правом. В то же время, автор пишет, что в исключительных случаях законом может быть предусмотрена возможность принудительной реализации процессуальных прав. Исходя из определенных публичных интересов, государство, в отдельных ситуациях, отклоняется от требования реализации лицом своих субъективных прав и предусматривает законом механизмы их принудительной реализации. В статье автор обсуждает принудительную реализацию права обвиняемого на защиту, права на судебную защиту, права обжалования судебного акта. Также рассматриваются случаи принудительной реализации права на судебную защиту в рамках процессуального права РА.

В данной статье автор выделяет институт обязательного участия защитника как процессуальный механизм принудительной реализации права обвиняемого на защиту. Перечислены случаи, когда участие защитника обязательно, независимо от желания обвиняемого.

Автор делает вывод о том, что никто не может принудительно пользоваться каким-либо своим правом. В исключительных случаях законом может быть предусмотрена возможность принудительной реализации процессуальных прав. Государство, в отдельных ситуациях, отклоняется от требования реализации лицом своих субъективных прав и предусматривает законом механизмы их принудительной реализации.

ВВЕДЕНИЕ

Сравнительный анализ отказа от прав показывает, что это понятие не имеет единого восприятия, что свидетельствует о его богатом содержании. Можно выделить следующие концепции отказа от права: концепция отказа от объективного права и концепция отказа от субъективного права. В данной работе мы не затронем сложные вопросы по поводу объективных и субъективных прав и множество подходов, что является темой отдельного исследования, а лишь отметим наше восприятие отказа от объективных и субъективных прав.

В самом широком смысле, говоря об отказе от субъективного права мы имеем в виду проявления определенного поведения лица в конкретной ситуации (правомерное и неправомерное деяние), из чего вытекает, что он не желает реализовать свое субъективное право или отказывается от правовой защиты этого права.

Отказ от субъективного права проявляется следующими способами:

- 1) отказ от реализации субъективного права;
- 2) отказ от субъективного права, дачей согласия на вмешательство в право;
- 3) отказ от субъективного права, путем совершения неправомерного (противоправного) деяния (forfeiture by wrongdoing).

В этой статье обсудим вопросы ограничения отказа от субъективных прав в контексте принудительной реализации процессуальных прав.

Сущность субъективного права заключается в том, что человек свободен в решении пользоваться им или нет, однако, истории права известны случаи, когда человек не мог распоряжаться своим правом: приостано-

вить его или отказаться от него. Европейский суд по делу «Альбер и Ле Конт против Бельгии» (Albert and Le Compte v. Belgium, 10.02.1983г.) постановил: «По общему признанию, природа некоторых прав, обеспечиваемых Конвенцией, такова, что она исключает возможность отказа от права на их осуществление, но то же нельзя сказать о других правах». В литературе отмечается, что Европейский суд этим решением, по сути, объявил о делении прав, гарантированных Конвенцией, на две группы: права, от которых можно отказаться, и права, отказ от которых не допускается. Европейский суд, однако, прямо не установил тот перечень прав, которые входят в эти две группы. Европейский суд также не разработал общие и абстрактные критерии, на основании которых можно было бы определить перечень этих прав. В настоящее время по этому вопросу ведутся только доктринальные дискуссии (doctrinal speculation), а прецедентное право Европейского суда развивается поэтапно, из чего пока невозможно составить полное представление [1].

Американские юристы отмечают, что суды как минимум на теоретическом уровне соглашаются, что можно отказаться от большинства прав, но существуют некоторые права, от которых отказаться невозможно, так как они существенно связаны с процессом собирания фактов, например, право на защиту [2].

Л.И. Петражицкий критикуя теорию воли и теорию интересов восприятия субъективного права, отмечал, что существуют права, которыми человек не может распоряжаться и не может приостановить их даже при большом желании и интересе. В качестве примеров автор отмечал право мужа или жены, которое принадлежало им,

вне зависимости от их воли, принудительное наследство, известное римскому праву *Heredes sui et necessarii*, согласно которому некоторым лицам против их воли или желания передавались права и обязанности умершего, что могло обанкротить этого человека, однако он не мог избежать этого, так как отказ от права наследования не допускался [3].

Относительно принудительного наследования отметим, что *Heredes sui et necessarii* являлись лица, находящиеся в момент смерти наследодателя под его непосредственной властью, например, рабы. Раб определялся наследником, когда наследодатель был в долгах. Позднее по преторскому праву *heredes sui et necessarii* мог отказаться от наследства – *jus abstinendi*, и тем самым избежать неприятных последствий принятия наследства [4].

В настоящее время принудительная реализация субъективного права в целом противоречит его сущности. С. Егоров отмечает, что только человек решает, что для него хорошо, а что плохо. На основании этого суждения автор делает вывод, что никто не может принудительно пользоваться каким-либо своим правом [5]. Сказанное вытекает из принципа самостоятельности человека и исключения патриархального подхода государства к человеку.

Современные немецкие юристы отмечают, что версия отсутствия полномочий распоряжения собственными основными правами проблематична в тех случаях, когда затрагиваются не общественные блага, а в случаях, когда лицу, наделенному основными правами, против его воли, в пользу него же, принуждается защита основных прав. Это характерно, например, для судебной практики, когда фиксируется нарушение достоинства человека относительно так называемых *Peer-Show* в тех случаях, когда сами оголяющиеся женщины, не видят ничего отрицательного в этом. Например, вызывает подозрение, когда законом запрещается альтруистское донорство органа исходя из интересов донора, кроме тех случаев, когда между донором и получателем органа имеется специальная личная связь (однако это одобряет Федеральный конституционный суд, NJW 1999, 3399) [6].

В то же время, необходимо зафиксировать, что в исключительных случаях законом может быть предусмотрена возможность принудительной реализации процессуальных прав. Исходя из определенных публичных интересов, государство, в отдельных ситуациях, отклоняется от требования реализации лицом своих субъективных прав и предусматривает законом механизмы их принудительной реализации. И.Л. Петрухин отмечает, что в ряде случаев государство существенно заинтересовано в том, чтобы субъективное право было реализовано даже вопреки воле его обладателя, т. е. под принуждением. При этом, субъективное право не превращается в обязанность. Речь идет лишь об обязательной реализации права в случаях, когда субъект по возрасту, из-за психических недостатков или в силу иных причин не в состоянии понять значение предоставленной ему правовой возможности для защиты собственных законных интересов. Это отдельные исключения из общего правила, согласно которому, на усмотрение субъекта права оставляется решение вопроса, воспользоваться своим правом или добровольно отказаться от его осу-

ществления. Свободная личность, как правило, не может быть принуждаема к реализации своих субъективных прав. Принудительное осуществление субъективных прав – это несвобода или ограниченная свобода, поскольку при таком подходе личность рассматривается лишь как средство достижения публичных интересов. С другой стороны, не всякая личность способна понять, что предоставленное ей субъективное право служит ее же интересам. Такой субъект не вполне свободен в своем выборе нужного варианта поведения. Он может допустить ошибку, отказавшись от реализации своего субъективного права, и причинить вред своим же интересам. В этих случаях общество может и должно прийти гражданину на помощь, добившись реализации субъективного права. Тем самым общество раздвигает границы социальной свободы, преодолевая затруднения отдельных граждан в реализации их субъективных прав, вызванных болезнью, несовершеннолетием и другими причинами, ограничивающими правовую дееспособность. В нашей литературе вопрос о принудительном осуществлении субъективного права, предоставленного участнику процесса, в таком аспекте не поднимался.

Между тем в ряде случаев государство существенно заинтересовано в том, чтобы субъективное право было реализовано даже вопреки воле его обладателя, т. е. под принуждением. При этом субъективное право не превращается в обязанность. Речь идет лишь об обязательной реализации права в случаях, когда субъект его по возрасту, из-за психических недостатков или в силу иных причин не в состоянии понять значение предоставленной ему правовой возможности для защиты собственных законных интересов. Это отдельные исключения из общего правила, согласно которому на усмотрение субъекта права оставляется решение вопроса о том, воспользоваться своим правом или добровольно отказаться от его осуществления [7].

Государство может предусмотреть механизмы принудительной реализации субъективных прав, если четко обосновывается отсутствие сознательных или волевых элементов отказа от субъективных прав их носителями или наличие иного общественного интереса. Например, наличие у обвиняемого психической болезни или временного психического расстройства является основанием для обязательного участия защитника. В таком случае, если обвиняемый отказывается от защитника, то согласно ч. 2 ст. 72 УПК РФ, орган уголовного преследования имеет право не принять отказ обвиняемого от защитника и назначить защитника или сохранить полномочия назначенного защитника.

Если публичный интерес, оправдывающий или обосновывающий принудительную реализацию субъективных прав, не видим, то принудительная реализация субъективных прав может создать более опасную ситуацию, чем в том случае, когда их носитель имел бы возможность отказаться от субъективных прав. Представим гипотетический пример. Так, подсудимый, находящийся под арестом, письменно обращается к суду, сообщив, что отказывается от своего процессуального права участия на судебном заседании, так как не хочет слышать ложные показания, представленные против него. Обвиняемый также сообщает, что в ходе судебного заседания его интересы будет представлять защитник. Суд, рассматривающий дело, разъясняет подсудимому,

что согласно ст. 302 УПК РА, судебное разбирательство происходит с участием подсудимого, явка которого в суд обязательна, следовательно, подсудимый не вправе отказаться от участия в судебном разбирательстве, в противном случае он будет доставлен в суд принудительным образом. В день судебного заседания обвиняемый отказывается выходить из места содержания заключенных и заявляет, что если попробуют доставить его в суд силой, то он покончит с жизнью. Служба сопровождения Полиции РА сообщает о сложившейся ситуации суду, однако, последний разъясняет, что по закону участие обвиняемого обязательно, следовательно, Полиция РА обязана обеспечить его участие на судебном заседании. На основании поручения, Полиция РА доставляет подсудимого в соответствующую комнату административного здания суда. До начала судебного заседания Полиция РА обнаруживает, что обвиняемый покончил с собой. В конкретном примере необходимо отдельно рассмотреть, имеется ли та правомерная цель, для защиты которой была предусмотрена принудительная реализация процессуального права обвиняемого на участие в судебном заседании, не обеспечивает ли, само собой, участие защитника реализацию процессуальных прав обвиняемого, не вмешалось ли государство в право на жизнь обвиняемого, принудительно реализовав его процессуальное право?

Цель работы – рассмотрение вопросов принудительной реализации права обвиняемого на защиту, права лица на судебную защиту и права на обжалование судебных актов.

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО НА ЗАЩИТУ

Процессуальным механизмом принудительной реализации права обвиняемого на защиту является институт обязательного участия защитника. Законом предусматриваются случаи, когда участие защитника обязательно, независимо от желания обвиняемого, то есть, защитник назначается в силу закона, независимо от того, хочет ли этого обвиняемый или нет. И.Я. Фойницкий отмечал, что защита по делам уголовным нужна не только в интересах подсудимого, но и в интересах всего процесса [8].

Институт обязательного участия защитника является одним из наиболее важных приобретений современной уголовной юстиции, однако, становление этого института имеет исторические корни. Например, Германский Устав 1876 года: Защита необходимая обязательно назначается судом, по требованию самого закона, при разбирательстве дела в судебном заседании (но не на предварительном следствии); закон, безусловно, требует от суда назначение защитника: по делам глухонемых, немых и несовершеннолетних, и в делах о признании сумасшествия [8].

В настоящее время в праве Европейского Союза отмечается, что государства должны предпринимать дополнительные шаги для защиты прав обвиняемых, принадлежащих к уязвимым группам (инвалиды, дети), например, привлекая третьих лиц для их защиты. В проекте Директивы Европейского Союза о средствах защиты «О процессуальных гарантиях для детей, привлеченных в уголовном процессе в качестве подозреваемых или обвиняемых» установлено, что дети не мо-

гут отказаться от права на защитника [9]. Кроме этого, руководством Европейской комиссии о процессуальных гарантиях уязвимых лиц запрещается принимать отказ уязвимых лиц от права на защиту [10]. По делу Пановиц против Кипра (*Panovits v. Cyprus*, 11.12.2008 г.) Европейский суд по правам человека отметил: «...Учитывая уязвимость несовершеннолетнего подозреваемого и дисбаланс сил, который является результатом сущности уголовного производства, отказ от важного права, предусмотренного ст. 6, может быть принят лишь в случае, если оно было выражено без сомнения, и власти предприняли все необходимые меры для того, чтобы удостовериться, что он полностью осведомлен о своем праве на защиту, и в случае необходимости может понимать следствия своего поведения. 29.06.2009 г. Кассационный суд РА по делу ЕКРД /0436/01/08 подтвердил нарушение права, так как один из подсудимых был несовершеннолетним.

И.Я. Фойницкий отмечал, что сюда, далее, следует отнести укоренившуюся в судебной практике теорию, по которой защита составляет лишь благодеяние для подсудимого, от которого он может отказаться по своему усмотрению. Так, сенатом неоднократно разъяснялось, что если председатель, даже без всяких заслуживающих уважения причин, не назначил защитника подсудимому и не поставил его о том в известность, но подсудимый при открытии заседания не просил об отсрочке разбирательства для приискания себе защитника, то оставление его без защиты не служит поводом кассации (1868 № 702, Тарасова; 1870 № 48, Федорова и др.; 1870 № 652, Савинова; 1874 № 346, Максимовой). Равным образом сенат признавал, что назначение председателем для защиты такого лица, которое не принадлежит к составу присяжных поверенных и не состоит в числе кандидатов на судебные должности, не составляет нарушения закона, если подсудимый против этого не возражал (1871 № 1471, Сологубского). Другими словами, сенат считает возможным покрывать все отступление от закона по предмету назначения защитника согласием на них подсудимого, забывая, что защитник призывается служить не только и даже не столько общим интересам правосудия. Лишь изредка в практике судебных мест проскальзывает более правильное отношение к защите; сюда принадлежит приведенное уже сенатское решение по делу Федорова и Фирфарова (1878 № 2), которым признано, что о назначении защитника несовершеннолетним подсудимым председатели должны позаботиться независимо от заявлений самих подсудимых [11].

В современных российских источниках указывается, что в соответствии с законодательством, действовавшим с 1961 по 2002 г., по общему правилу, отказ обвиняемого от защитника был обязательен для лица, осуществлявшего производство по делу, даже тогда, когда закон предусматривал обязательное участие защитника в процессе. Только в нескольких случаях, когда отказ обвиняемого от защитника был не обязательен для лица, осуществлявшего производство по делу, он должен был указывать причины своего отказа в удовлетворении требования обвиняемого. Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству РФ, во всех случаях отказа от защитника следователь и суд обязаны выяснить причину отказа и установить, является ли

волеизъявление обвиняемого свободным и добровольным и нет ли причин для признания такого отказа вынужденным и причиняющим вред его законным интересам [12].

В случае принудительной реализации права на защиту «уязвимого» обвиняемого, защитник должен быть наиболее активным и предприимчивым, чтобы от имени своего доверителя реализовать все процессуальные права, которые в конкретном случае вытекают из его интересов.

По поводу принудительной реализации права на защиту (назначение публичного защитника) в случае удаления подсудимого из зала судебных заседаний, Конституционный суд РА 13.02.2018 г. в решении ПКС - 1403 отмечает, что,

Во-первых, публичный защитник может быть назначен без согласия подсудимого только в интересах правосудия, каковым, в частности, является обеспечение эффективности судебной защиты, права на разумный срок судопроизводства и принципа состязательности в уголовном процессе.

Во-вторых, подсудимый должен быть осведомлен о следствиях оставления защитником зала суда в случае удаления подсудимого из зала судебных заседаний. Так как юридическая помощь может иметь значительное влияние в процессе обеспечения эффективной реализации основных прав и свобод, то отказ от защитника должен быть добровольным и осознанным, а лицо должно быть заранее осведомлено о следствиях отказа.

В-третьих, если назначается публичный защитник, однако в дальнейшем подсудимый хочет иметь защитника, выбранного им самим, то полномочия публичного защитника могут сохраниться судом в интересах правосудия, что не может стать преградой участию защитника, выбранного подсудимым.

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ

Вопрос отказа от права на судебную защиту (право на правосудие) не воспринимается однозначно. Права

в сфере правосудия, особенно право на судебную защиту, С. Алексеев называл «правом иметь права», от которого нельзя отказаться. Он отмечал, что: «...Если феномен права имеет глубокие природные корни, то, по всей видимости, одним из его естественных выражений в условиях цивилизации становится «право на право», реализуемое главным образом, в требованиях правосудного решения, в других конституционных правах в области юстиции, правосудия. Наиболее яркое из них – право человека на решение конфликтной ситуации в правосудном порядке. Отказ от такого права, от его использования не только упрочен в моральном отношении (и об этом прямо говорил Кант в своих лекциях в Кенигсбергском университете в 1780–1782 гг.), но и существенно подрывает сами основы правового статуса гражданина, лишает его истинно правового значения» [13].

В советском и постсоветском российском процессуальном праве широкое распространение имеет тот подход, что отказ от права обращения в суд недействителен (ст. 3 ГПК от 1964г., ч. 2 ст. 3 ГПК РФ, ч. 1 ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса). В процессуальном праве принято, что недействительность отказа от права

на обращение в суд имеет универсальный характер, поскольку и право на судебную защиту, гарантированное Конституцией РФ (ст. 46), имеет всеобщий и универсальный характер [14]. В отличие от российского права, в армянском позитивном праве (Гражданско-процессуальный и Административно-процессуальный кодексы) не предусмотрены нормы о недопустимости (недействительности) отказа от права обращения в суд.

Одним из способов отказа от права на судебную защиту является то, когда участники правоотношений заключают соглашения, в соответствии с которыми изначально отказываются от каких-либо своих притязаний, которые могут возникнуть в дальнейшем, в том числе от права на судебную защиту. Например, согласно п.п. 3 и 4 ст. 16 закона РА «О примирителе финансовой системы», соответствующая финансовая организация, посредством заключения письменного соглашения с Офисом примирителя финансовой системы, может отказаться от права оспаривать решения Примирителя финансовой системы. Центральный банк и Офис на своих веб – сайтах публикуют список тех организаций, которые не заключили соглашения об отказе от права оспаривать решения Примирителя финансовой системы. Из данной нормы вытекает, что финансовые организации заключают письменный договор о том, что также отказываются от права на обжалование в суде решений Примирителя финансовой системы. Этот способ предварительного (в рамках регулирующих правоотношений) отказа от права на судебную защиту не соответствует правомерным условиям отказа от субъективных прав, в частности, требованию о том, что отказ от права должен быть конкретным, должно быть право, подлежащее отказу, или юридические факты, необходимые для его возникновения, при условии которых лицо может решить: отказаться или пользоваться своим субъективным правом. Кроме того, последствия предварительного в рамках регулирующих правоотношений отказа от права на судебную защиту непредсказуемы: лицо, которое предварительно отказывается от права на судебную защиту, не может предвидеть характер правонарушений, которое совершит другая сторона правоотношений в будущем, какие последствия для него возникнут в связи с этим правонарушением.

Даже те авторы, которые в целом выступают за отказ от права на защиту, принимают, что нельзя отказаться от тех правовых возможностей, которые еще не наступили: поскольку охранительное субъективное право еще не возникло, то нельзя от него заранее и отказаться, т.е. отсутствует объект отказа [15].

Таким образом, неприемлем тот способ отказа от права на судебную защиту, когда стороны правоотношений предварительно (в рамках регулирующих правоотношений) заключают договор об отказе от права на требование, в том числе от права на обращение в судебные органы с целью восстановления нарушенных прав.

В данной работе под отказом от права на судебную защиту имеются в виду те случаи, когда по факту правонарушения рождаются конкретные защитные правоотношения, однако, носитель права отказывается от обращения в суд, а если обратился в суд, то отказывается от своего иска или жалобы, в результате чего производство в суде прекращается. Например, исторически в английском гражданском праве право иска, вытекающее

из договора, прекращается в силу одного из следующих оснований: (I) в силу отказа (release) (§ 354) Право иска, вытекающее из нарушения договора, прекращается отказом (release), когда управомоченная на иск сторона отказывается от своей претензии посредством документа за печатью. Обещание не предъявлять иска не создает обязательства, если оно не является «отказом за печатью» (release under seal) или не совершено за встречное удовлетворение [16].

Возможность отказа от права на судебную защиту в рассматриваемом смысле не абсолютна. В процессуальном праве РА предусмотрены случаи принудительной реализации права на судебную защиту. Они в основном относятся к тем ситуациям, когда несмотря на то, что лицо, обратившееся в суд или орган уголовного преследования, отказывается от своего иска, жалобы, однако, производство продолжается, что обусловлено публичным интересом. Так, согласно ч. 1 ст. 108 Административного процессуального кодекса РА, истец вправе без какой-либо мотивации отказаться от своих требований полностью или в части до окончания судебного разбирательства. В этом случае Административный суд выносит определение о прекращении производства по делу в той части требования, от которой истец отказался, за исключением тех дел, рассмотрение которых вытекает из интересов общества или государства (дела об оспаривании правомерности нормативно-правовых актов).

Другой пример в уголовного процессе. По делу частного обвинения частный обвинитель (потерпевший) может отказаться участвовать в уголовном правосудии (от права на судебную защиту). Отдельные российские юристы отмечают, что свобода потерпевшего распоряжаться своим правом отказаться от правосудия, его желание разрешить возникший конфликт без помощи и вмешательства государства – это его законный интерес, стоящий выше по своей ценности, чем публичный интерес по делам о преступлениях, отличающихся невысокой степенью общественной опасности [17].

Потерпевший (жертва) по делу частного обвинения может отказаться от уголовного процесса (права на защиту, правосудия) двумя способами: 1) не представив заявление для привлечения лица к уголовной ответственности, 2) примирившись с обвиняемым. По указанным двум случаям потерпевший, по существу, отказывается от уголовного процесса, так как, в результате его позиции, государство отказывает в возбуждении уголовного дела (не осуществляет уголовного преследования) или прекращает производство по уголовному делу. Встречаются ситуации, когда обусловлено публичным интересом, уголовное преследование по делам частного обвинения возбуждается и осуществляется независимо от воли и желания потерпевшего. В данном случае право на судебную защиту частного обвинителя (потерпевшего) реализуется принудительно.

Случаи принудительной реализации права на судебную защиту частного обвинителя (потерпевшего), обусловленной публичным интересом, следующие:

Первое: принудительная реализация права на судебную защиту жертв, находящихся в беспомощном, либо по иным объективным причинам в незащищенном состоянии. В силу ст.ст. 33 и 183 УПК РА, возможность возбуждения уголовного дела по частному обвинению

и осуществлению уголовного преследования по нему зависит от желания и волеизъявления заявителя обращаться в орган уголовного преследования для защиты его прав и законных интересов посредством привлечения преступника к уголовной ответственности. Если лицо, права которого были нарушены, и которое в силу своего беспомощного положения или по иным объективным причинам, не может защищать свои права и законные интересы, и если причина возбуждения уголовного дела является законной, а основания достаточными, то в данной ситуации решение о возбуждении уголовного дела должно быть принято в общем порядке, предусмотренном для возбуждения уголовных дел публичного обвинения, независимо от наличия жалобы заявителя (постановление КП-73/08 Кассационного суда РА от 26.12.2008 года).

Второе: принудительная реализация права на судебную защиту жертвы семейного насилия. Потерпевшие (жертвы) по делам семейного насилия (по делам частного обвинения) периодически представляют сообщение о преступлении, однако, в дальнейшем отказываются от права на правосудие, не представляя заявление о привлечении лица к уголовной ответственности или примиряясь с обвиняемым. О правовой позиции необходимости осуществления уголовного преследования по делам частного обвинения в случае отсутствия жалобы жертвы семейного насилия высказал Европейский суд по правам человека по делу Опуз против Турции (Opuz v. Turkey, 09.06.2009г.).

Согласно п. 10 «Руководства о едином подходе возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела в порядке частного обвинения», утвержденном приказом председателя Следственного комитета РА от 17.11.2014 г., в случае отказа заявителя (потерпевшего) от своего заявления (жалобы) по делам семейного насилия, преследуемым в частном порядке, уголовное дело возбуждается или уголовное производство продолжается в публичном порядке, если есть опасность повторного совершения преступления в отношении потерпевшего. В рамках надлежащего расследования по уголовным делам, возбужденным по делам семейного насилия в условиях отсутствия жалобы заявителя, следователь выясняет тяжесть преступления, характер вреда, причиненного потерпевшему (физический или психический вред), применение оружия, наличие угроз после нападения, влияние, оказанное на детей, проживающих дома (в том числе психическое), возможность повторного совершения преступления, возможность продолжительной опасности для безопасности или здоровья потерпевшего, либо иного лица, нынешнее положение взаимоотношений обвиняемого с потерпевшим, влияние этих взаимоотношений на продолжение уголовного преследования, вопреки воли потерпевшего, и так далее.

30.12.2017 г. Национальное собрание РА дополнило ст. 183 УПК РА пунктом 3, согласно которому: «Прокурор вправе независимо от представления жалобы потерпевшим возбудить уголовное дело по преступлениям, предусмотренным ч. 1 данной статьи в случае насилия в семье, если лицо не может защищать свои правомерные интересы из-за своего беспомощного состояния или в силу факта наличия зависимости от лица, совершившего предполагаемое преступление.»

В таком случае уголовное дело возбуждается и расследуется в общем порядке, предусмотренном данным кодексом и уголовное преследование не прекращается в случае примирения потерпевшего и обвиняемого.

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА ОБЖАЛОВАНИЯ СУДЕБНОГО АКТА

Обжалование судебных актов является важнейшим правом участников процесса. Они самостоятельно решают пользоваться правом на обжалование или нет, и свободно могут отказаться от реализации права на обжалование, однако, в процессуальных системах предусмотрены (или в прошлом были предусмотрены) случаи, когда режим обжалования действует (или действовал) независимо от желания участника процесса. В таком случае можно говорить о принудительной реализации права на обжалование.

Первое: в современных состязательных процессах судебный акт может быть пересмотрен при наличии жалобы, в то время как, в инквизиционных процессах режим обжалования действовал даже в тех случаях, когда обвиняемый отказывался от права на обжалование судебного акта (ревизионный порядок обжалования). С. Познышев отмечал, что суть ревизионного порядка обжалования заключалась в том, что судебные акты передавались в следующую инстанцию в силу закона, независимо от того, есть ли жалоба или нет [18].

Второе: Отзыв жалобы является одной из форм отказа обжалования судебного акта, однако, оно тоже не абсолютно. Законодательством могут быть предусмотрены иные формы запрета или ограничения отзыва жалобы. Например, в уголовном процессе Японии предусмотрено, что если приговором суда первой инстанции было назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, то лицо не имеет право отзывать апелляционную жалобу. Такие апелляционные жалобы называются «неотзываемые» и являются гарантиями пересмотра приговоров, предусматривающих наиболее строгое наказание [19]. Согласно ч. 4 ст. 383 УПК Монтенегро (был принят 18.08.2009 г.), обвиняемый не вправе отказаться от права на обжалование или отозвать жалобу, если в отношении него было применено наиболее строгое наказание.

Согласно ч. 3 ст. 386 УПК Швейцарии (был принят 05.10.2007 г., в редакции от 01.07.2015 г.), отказ от обжалования или отзыв жалобы является окончательным, за исключением тех случаев, когда сторону побудили отказаться от обжалования путем обмана, совершения преступного деяния, либо предоставления недостоверной официальной информации [20].

Ч. 5 ст. 556 Уголовно-процессуального закона Латвии (был принят 21.04.2005 г. [21]) были предусмотрены интересные основания принудительной реализации права на обжалование судебных актов. Согласно указанной статье, отзыв апелляционной жалобы не является обязательным для суда, если: 1) апелляционную жалобу отзывает несовершеннолетний или лицо, которому вследствие его физических или психических недостатков обеспечивается защита в обязательном порядке, либо защитник или представитель несовершеннолетнего или такого лица; 2) суд апелляционной инстанции устанавливает очевидное нарушение Уголовного закона или настоящего Закона, вследствие которого обжалуе-

мое решение подлежит отмене или изменению для уменьшения объема обвинения, смягчения наказания или прекращения дела.

Подобное ограничение отзыва жалобы соответствует философии принудительной реализации субъективных прав уязвимых лиц: если для несовершеннолетнего лица или лица с ограниченными психическими возможностями законом предусмотрено обязательное участие защитника (принудительная реализация права на защиту), то по той же логике, если суд первой инстанции вынес, например, судебный акт, нежелательный для несовершеннолетнего подсудимого, то по закону необходимо, либо предусмотреть рассмотрение судебного акта апелляционным судом *ex officio*, либо норму обязательного обжалования защитником судебного акта. При этом, судебный акт является неблагоприятным для несовершеннолетнего подсудимого, если 1) несовершеннолетний подсудимый был признан виновным по судебному акту, в то время как, подсудимый заявлял о своей невиновности (сказанное относится также к случаю признания частично виновным); 2) несмотря на то, что несовершеннолетний подсудимый признал себя виновным в суде, а суд вынес обвинительный приговор, однако, у защитника была противоположная позиция относительно его вины; 3) обвинительным приговором суд назначил такой вид или меру наказания, которая отличается от вида или меры наказания, представленных в речи защитника.

Третье: по осложненным обвинениям *In personam* могут возникнуть ситуации, когда один из соисполнителей, признанных виновными по приговору, обжаловал судебный акт, а другой – нет. В такой ситуации, согласно ч. 1 ст. 385 УПК РА, апелляционный суд рассматривает судебный акт в рамках оснований и обоснований апелляционной жалобы. В основе такого подхода лежит модель классической апелляции, обусловленной идеей диспозитивности, согласно которой вышестоящая инстанция рассматривает дело в той мере, в какой оно было обжаловано (*tantum devolutum quantum appellatum*).

Одновременно, необходимо рассмотреть те случаи, когда в описанной ситуации апелляционный суд по части подсудимого, обжаловавшего судебный акт, выносит оправдательный судебный акт, например, на основании отсутствия события преступления, в то время как, другой подсудимый, который не обжаловал судебный акт, продолжает нести наказание в случае, когда по оценке Апелляционного суда событие преступления отсутствует. По этому вопросу процессуалист дореволюционного периода И. Фойницкий отмечал: «Отмена приговора может воспоследовать только в том объеме, который намечен жалобщиком и только по отношению к тем лицам, которые принесли жалобу. Новый германский Устав уголовного судопроизводства вводит любопытное расширение этого общего правила: если по данному делу принесена жалоба одним или вообще некоторыми из всего числа подсудимых и кассационная инстанция нашла ее уважительною, то приговор суда может быть отменен по отношению ко всем подсудимым; здесь интерес публичный берет верх над интересом искомым» [8, с. 555].

В случае модели «нет жалобы, нет пересмотра судебного акта», когда отсутствует апелляционная жалоба, то Апелляционный суд РА не может пересмотреть

судебный акт по части подсудимого, не обжаловавшего его. Вследствие этого нарушаются:

1) публичный интерес, так как относительно одного и того же обстоятельства имеются два судебных акта, противоречащих друг другу, что отрицательно сказывается на авторитете судебной власти;

2) частный интерес, так как подсудимый продолжает нести меры уголовно-правового воздействия в том случае, когда Апелляционный суд РА по части подсудимого, обжаловавшего судебный акт, высказался, что отсутствует событие преступления. При этом, такая ситуация возникает также и в тех случаях, когда Апелляционный суд подтверждает процессуальные нарушения, искажающие законность всего производства суда первой инстанции, например, рассмотрение дела судьей суда первой инстанции, подлежащим отводу, или рассмотрение с нарушением правил подсудности.

Указанные интересы оправдывают ту позицию, согласно которой, право на обжалование в части подсудимого, не обжаловавшего судебный акт, должно быть реализовано принудительно, и то, что судебный акт должен быть пересмотрен даже в случае отсутствия его жалобы.

ВЫВОДЫ

Никто не может принудительно пользоваться каким-либо своим правом. В исключительных случаях законом может быть предусмотрена возможность принудительного реализации процессуальных прав. Исходя из определенных публичных интересов, государство, в отдельных ситуациях, отклоняется от требования реализации лицом своих субъективных прав и предусматривает законом механизмы их принудительной реализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Drooghenbroeck Sebastien Van. Does the Theory of Waiver of Fundamental Rights Offer Solutions to Settle Their Conflicts? // *When human rights clash at the European Court of human rights. Conflict or harmony?* England: Oxford University press, 2017. P. 58–75.
2. Blank D.P. Plea Bargain Waivers Reconsidered: A Legal Pragmatist's Guide to Loss, Abandonment and Alienation // *Fordham Law Review*. 2011. Vol. 68. № 6. P. 2011–2094.
3. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. В 2 ч. Ч. 2. М.: Юрайт, 2016. 295 с.
4. Пухан И., Поленак-Акимовская М. Римское право: базовый учебник. М.: ЗЕРЦАЛО, 2000. 411 с.
5. Егоров С.Н. Аксиоматические основы теории права. СПб.: Лексикон, 2001. 272 с.
6. Закс М. Конституционное право II: Основные права. Часть I. Теория основных прав. Ереван: Тигран Мец, 2015. 254 с.
7. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М.: Наука, 1984. 239 с.
8. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб.: Альфа, 1996. 607 с.
9. Proposal for a Directive on procedural safeguards for children suspected or accused in criminal proceedings. UK: European Commission, 2013. 24 p.

10. Handbook on European law relating to access to justice. Luxembourg: European Union, 2016. 220 p.
11. Фойницкий И.Я. Защита в уголовном процессе как служение общественное. СПб.: типо-лит. А.М. Вольфа, 1885. 64 с.
12. Шаров Г. Принуждение к реализации субъективных прав недопустимо // *Новая Адвокатская газета*. 2014. № 7. 1–15 апреля.
13. Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М.: НОРМА, 1998. 409 с.
14. Юдин А.В. Недействительность отказа от права на обращение в суд в цивилистическом процессе: теоретико-практические проблемы // *Вестник Гражданского процесса*. 2017. Т. 7. № 3. С. 11–33.
15. Суслов А.А. Особенности отказа от отдельных видов субъективных прав // *Пролог: журнал о праве*. 2017. № 3. С. 12–21.
16. Свод английского гражданского права. Т. I. Общая часть. Обязательственное право. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 303 с.
17. Дмитриева Л.З. Право потерпевшего на отказ от уголовного правосудия // *Актуальные вопросы уголовного процесса современной России: межвузовский сборник научных трудов*. Уфа: РИО БашГУ, 2003. С. 100–104.
18. Познышев С.В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М.: Тип. Г.А. Леман, 1913. 337 с.
19. Волосова Н.Ю., Волосова М.В. Уголовно-процессуальное законодательство Японии: сравнительное исследование. М.: Юрлитинформ, 2016. 240 с.
20. Трефилов А.А. Уголовный процесс зарубежных стран. Т. 1. М.: НИПКЦ Восход-А, 2016. 1004 с.
21. Уголовно-процессуальный закон Латвии, принятый в 2005г.: потерял силу // *Законы Латвии по-русски*. URL: pravo.lv/likumi/29_upz.html.

REFERENCES

1. Drooghenbroeck Sebastien Van. Does the Theory of Waiver of Fundamental Rights Offer Solutions to Settle Their Conflicts? *When human rights clash at the European Court of human rights. Conflict or harmony?* England, Oxford University press Publ., 2017, pp. 58–75.
2. Blank D.P. Plea Bargain Waivers Reconsidered: A Legal Pragmatist's Guide to Loss, Abandonment and Alienation. *Fordham Law Review*, 2011, vol. 68, no. 6, pp. 2011–2094.
3. Petrazhitskiy L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey nrvstvvennosti* [Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality]. Moscow, Yurayt Publ., 2016. Ch. 2, 295 p.
4. Pukhan I., Polenak-Akimovskaya M. *Rimskoe pravo* [Roman law]. Moscow, ZERTsALO Publ., 2000. 411 p.
5. Egorov S.N. *Aksiomaticheskie osnovy teorii prava* [Axiomatic foundations of the theory of law]. Sankt Petersburg, Leksikon Publ., 2001. 272 p.
6. Zaks M. *Konstitutsionnoe pravo II: Osnovnye prava. Teoriya osnovnykh prav* [Constitutional Law II: Fundamental Rights. Theory of Fundamental Rights]. Erevan, Tigran Mets Publ., 2015. Ch. I, 254 p.
7. Petrukhin I.L. *Svoboda lichnosti i ugovolno-protsessualnoe prinuzhdenie* [Freedom of the Person

- and Criminal Procedure Coercion]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 239 p.
8. Foynitskiy I.Ya. *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva* [Course of Criminal Trial]. Sankt Petersburg, Alfa Publ., 1996. Vol. 2, 607 p.
 9. *Proposal for a Directive on procedural safeguards for children suspected or accused in criminal proceedings*. UK, European Commission Publ., 2013. 24 p.
 10. *Handbook on European law relating to access to justice*. Luxembourg, European Union Publ., 2016. 220 p.
 11. Foynitskiy I.Ya. *Zashchita v ugovnom protsessе kak sluzhenie obshchestvennoe* [Defense in criminal procedure as public service]. Sankt Petersburg, tipo-lit. A.M. Volfa Publ., 1885. 64 p.
 12. Sharov G. The enforcement of subjective rights is inadmissible. *Novaya Advokatskaya gazeta*, 2014, no. 7, 1-15 April.
 13. Alekseev S.S. *Samoe svyatoe, chto est u Boga na zemle. Immanuel Kant i problemy prava v sovremennuyu epokhu* [The Most Sacred the God has on Earth. Immanuel Kant and the Issues of Law of the Contemporary Epoch]. Moscow, NORMA Publ., 1998. 409 p.
 14. Yudin A.V. Invalidity of waiver of the right of recourse to the courts in civil procedure: theoretical and practical issues. *Vestnik Grazhdanskogo protsessа*, 2017, vol. 7, no. 3, pp. 11–33.
 15. Suslov A.A. Some features of waiver of certain types of the subjective rights. *Prolog: zhurnal o prave*, 2017, no. 3, pp. 12–21.
 16. *Svod angliyskogo grazhdanskogo prava. Obshchaya chast. Obyazatelstvennoe pravo* [Abridgement of English Civil Law. General Part. Law of Obligations]. Moscow, Yurid. izd-vo NKYu SSSR Publ., 1941. Vol. I, 303 p.
 17. Dmitrieva L.Z. The Victim's Right of Refusal of Criminal Justice. *Aktualnye voprosy ugovnogo protsessа sovremennoy Rossii: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Ufa, RIO BashGU Publ., 2003, pp. 100–104.
 18. Poznyshchikov S.V. *Elementarnyy uchebnyy kurs russkogo ugovnogo protsessа* [Elementary textbook Russian criminal trial]. Moscow, Tip. G.A. Leman Publ., 1913. 337 p.
 19. Volosova N.Yu., Volosova M.V. *Ugovno-protsessualnoe zakonodatelstvo Yaponii: sravnitelnoe issledovanie* [Criminal procedure legislation of Japan: a comparative study]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 240 p.
 20. Trefilov A.A. *Ugovnyy protsess zarubezhnykh stran* [Criminal Procedure of Foreign Countries]. Moscow, NIPKTS Voskhod-A Publ., 2016. Vol. 1, 1004 p.
 21. Criminal Procedure Law of Latvia enacted in 2005: became void. *Zakony Latvii po-russki*. URL: pravo.lv/likumi/29_upz.html.

THE WAIVER OF SUBJECTIVE RIGHT AND THE ENFORCEMENT OF PROCEDURAL RIGHTS

© 2018

A.S. Ghambaryan, doctor of Sciences (Law), professor,
Head of Chair of Theory and History of State and Law
Russian-Armenian University, Yerevan (The Republic of Armenia)

Keywords: waiver of rights; subjective rights; enforcement; right to judicial protection; right of defense; right to appeal a judicial act.

Abstract: The paper discusses the issues of limiting the waiver of subjective rights in the context of the enforcement of procedural rights. The author notes that the essence of a subjective right is that a person is free to decide whether to use this right or not. The enforcement of a subjective right contradicts with its essence. Only a person decides what is good or bad for him or her. Based on this view, the author concludes that no one can enforce any of his or her rights. At the same time, the author writes that, in the exceptional cases, the law may provide for the possibility of the procedural rights enforcement. Based on the certain public interests, the state, in certain situations, refuses to comply with the requirement to exercise by a person his or her subjective rights and provides for the mechanisms of their enforcement by law. In the paper, the author discusses the enforcement of the defendant's right to defense, the right to judicial protection, the right to appeal a judicial act, and considers the cases of the enforcement of the right to judicial protection as a part of the procedural law of the RA.

In the paper, the author emphasizes the institution of the obligatory participation of a defender as a procedural mechanism of enforcement of the defendant's right to defense. The cases when the participation of a defender is mandatory regardless of the wishes of an accused are listed.

The author concludes that no one can enforce any of his or her own rights. In the exceptional cases, the law may provide for the possibility of the procedural rights enforcement. In certain situations, the state refuses to comply with the requirement to exercise subjective rights by a person and provides for mechanisms of their enforcement by the law.

**ПРОГРАММА ПО ПРОФИЛАКТИКЕ РЕЦИДИВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ОСУЖДЕННЫХ УСЛОВНО.
ЧАСТЬ I. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРЕВЕНЦИЯ**

© 2018

Е.А. Дядченко, кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник организационно-научного
и редакционно-издательского отдела Самарского юридического института ФСИН России
Самарский юридический институт ФСИН России, Самара (Россия)

Ключевые слова: несовершеннолетние; осужденные условно; рецидив; повторная преступность; факторы риска; профилактика; превенция; ресоциализация; социальная адаптация; психологическая коррекция; консультирование; психотерапия; программа.

Аннотация: В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года в качестве одной из главных задач обозначено снижение рецидива преступлений среди лиц, отбывающих наказание. В связи с этим, большое научное и практическое значение приобретает проблема профилактики рецидивных преступлений и правонарушений несовершеннолетних, осужденных условно, занимающих важное место в деятельности психологических служб учреждений и органов, исполняющих наказания без изоляции от общества.

Профилактика рецидивных преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних осужденных условно выступает приоритетным направлением совершенствования деятельности уголовно-исполнительных инспекций (далее – УИИ) ФСИН России. Сегодня УИИ ФСИН России, как звено общей системы профилактики правонарушений и преступлений несовершеннолетних должны создавать необходимые условия для их успешной ресоциализации с целью формирования готовности подростка к саморазвитию, самоопределению и ответственному отношению к своей жизни, а также стремлению к законопослушному поведению.

В данной работе научно обосновываются результаты экспериментальной апробации программы профилактики рецидивных преступлений и правонарушений несовершеннолетних, осужденных условно. Предлагается механизм организации эффективного функционального взаимодействия психологов УИИ ФСИН России с гражданскими специалистами психологами (психотерапевтами), раскрываются проблемные аспекты их совместной деятельности по психологическому сопровождению различных категорий несовершеннолетних, осужденных условно. На основе анализа анкетного опроса несовершеннолетних, осужденных условно, проводится оценка эффективности деятельности гражданских психологов, результаты которой демонстрируют формирование у 35,7 % – просоциальных ценностей в стремлении к законопослушному поведению, а также возникновение у 21,6 % – желания трудоустроиться. Итоги реализации предлагаемой программы отражены в выводах, позволяющих констатировать, что привлечение гражданских специалистов психологов для оказания психологической помощи несовершеннолетним, осужденным условно, способствует оптимизации деятельности психологических служб УИИ ФСИН России за счет рационального распределения кадровых ресурсов в сфере профилактики рецидивных преступлений и правонарушений несовершеннолетних, осужденных условно.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие профилактики правонарушений несовершеннолетних включает в себя совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения [1]. Это требует реализацию комплекса общих и специальных мероприятий на общегосударственном, правовом, общественном, экономическом, медико-санитарном, педагогическом, социально-психологическом уровнях социальной организации во взаимодействии с органами исполнительной власти и институтами гражданского общества.

Компаративный анализ научных публикаций свидетельствует о том, что до настоящего времени среди ученых активно ведутся дискуссии по вопросу распределения функциональных обязанностей между органами исполнительной власти и институтами гражданского общества в организации процесса ресоциализации осужденных и социальной адаптации в обществе [2]. Одни

считают, что функции по социальной адаптации осужденных прерогатива органов местного самоуправления, поскольку они располагают материальными и административными ресурсами по трудовому и бытовому обустройству осужденных [3; 4]. Другие говорят, что обязанности по ресоциализации осужденных должны быть исполнять общественные организации, или патронажные общества, обязывая остальных государственных и местных органов власти оказывать помощь и содействие [5]. Третьи, опираясь на опыт зарубежных стран (например, Франция, Германия, Норвегия), считают, что сегодня возникла необходимость создания патронажной службы при администрации муниципальных образований, которая позволила бы распределить обязанности по ресоциализации осужденных между органами МВД, местного самоуправления и общественными организациями [6]. Например, М.С. Рыбак перед патронажной службой ставит такие цели, как: оказание помощи отбывшим наказание в трудовом и бытовом устройстве, законопослушном поведении и устранении последствий пребывания в изоляции, а также осуществление учета лиц, отбывших наказание и иные меры принудительного характера, помещение

в общежития временного проживания центров социальной адаптации, координация деятельности по оказанию социальной помощи, надзор за лицами, отбывшими наказание, при содействии органов внутренних дел [7]. Мы поддерживаем позицию М.Ю. Баранова в том, что социальная адаптация осужденных требует создание системы ресоциализации на основе органов местного самоуправления, служб социальной помощи и специализированных центров ресоциализации [8]. Г. Радов пишет «Ресоциализация осужденных – это дело всего народа. И мы должны так построить систему, чтобы каждая социальная институция гражданского общества нашла свое место в этом механизме» [9, с. 42]. Мы поддерживаем позицию данного ученого и считаем, что участие в процессе ресоциализации и социальной адаптации несовершеннолетних осужденных условно специалистов различного профиля (органы местного самоуправления, занятости населения, образования и здравоохранения, общественности, реабилитационных центров и иных организаций) [10] является необходимым условием соблюдения требований Европейских правил (2008 год) [11] в отношении несовершеннолетних, осужденных к мерам уголовно-правового характера, не связанных с изоляцией от общества [12]. Так, один из основополагающих принципов Европейских правил гласит: «Любая система уголовного правосудия в отношении несовершеннолетних должна использовать достижения различных наук и областей знаний, привлекать все заинтересованные ведомства и участвовать в социальных программах в отношении несовершеннолетних для обеспечения целостного подхода к работе с несовершеннолетними и непрерывности надзора за ними (принцип участия общественности и непрерывности надзора)» [13, с. 206].

Анализ зарубежной практики свидетельствует о том, что реализация основных функций по осуществлению надзора, контроля и оказания социальной и психологической помощи несовершеннолетним осужденным к альтернативным и иным мерам наказания возложена на Службу пробации [14]. В ряде европейских стран Служба пробации может выполнять и иные функции на стадии после вынесения приговора [15]: работа с семьями несовершеннолетних осужденных, электронный мониторинг, сопровождающий исполнение альтернативных санкций и мер, постпенитенциарный контроль, помощь в социальной адаптации несовершеннолетним осужденным условно и лицам, освобожденным из пенитенциарных учреждений. Значительный опыт работы с различными категориями осужденных без изоляции от общества, в том числе и несовершеннолетними, накоплен в Великобритании и США. Например, в США формы и методы социальной работы с осужденными без изоляции от общества подразделяются на категории лиц: совершившие преступления небольшой тяжести, не представляющие опасности для общества и не требующие строгого контроля (простая пробация) и совершившие тяжкие преступления и имевшие ранее судимость (интенсивная пробация). Существуют три модели интенсивной пробации: легальная, контроля рецидива и реабилитационная модель, включающая обязательное прохождение осужденными курсов реабилитации. При реабилитационной модели «Служба пробации выступает в роли органов социальной защиты», обязан-

ностью которых становятся обязательное трудоустройство осужденных, прохождение ими образовательных программ, а также привлечение (по необходимости) к принудительному лечению от алкоголизма или наркомании [16, с. 245].

В целом анализ практики зарубежных стран показывает, что деятельность Службы пробации осуществляется при непосредственном взаимодействии с государственными, частными организациями и местными органами самоуправления, чтобы способствовать вовлечению осужденных в жизнь в общества [13; 14; 16]. Так, например, во Франции, значительная часть специалистов, по социальной работе, Службы социальной реинтеграции [17] занимается в системе пробации с лицами, осужденными к альтернативным мерам наказания, не связанным с лишением свободы [18]. В Голландии и Японии механизм действия системы пробации включает широкое привлечение общественных организаций и граждан-волонтеров к работе с осужденными [16]. Таким образом, перспектива преобразования УИИ ФСИН России в Службу пробации, полноценно реализующей функции профилактики рецидива преступлений, на наш взгляд является конструктивной новацией [19] в рамках реализации Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р [20]. В связи с этим, уже сегодня психологам УИИ ФСИН России крайне важно налаживать тесные контакты с гражданскими специалистами психологами, социальными педагогами учреждений общей системы профилактики правонарушений несовершеннолетних к процессу ресоциализации и социальной адаптации подростков в обществе. Это в свою очередь будет способствовать оптимизации социальной и психологической работы с несовершеннолетними осужденными условно «группы рецидивного риска». Ведь, на данный момент приходится констатировать, что штатная численность психологов УИИ составляет всего 364 человека по России. Средняя нагрузка на одного психолога – 1500 тыс. осужденных, что существенно отражается на качестве психологической работы с различными категориями осужденных и в первую очередь на несовершеннолетних. Поэтому, в организации профилактической работы с несовершеннолетними, склонными к совершению рецидивных преступлений и правонарушений в период нахождения на учете в УИИ ФСИН России представляется важным реализовать концепцию субъектно-соучаствующего подхода в соответствии с международной Конвенцией о правах ребенка и отечественными традициями «некарательной педагогики ресоциализации» [21]. Данная концепция позволяет осуществлять учет психологических закономерностей и механизмов ресоциализации несовершеннолетних при включении их в разноплановые программы [22] (социальные, правовые, профессионально-образовательные, трудовые, психокоррекционные, нравственно-духовные, досугово-бытовые и иного характера), которые организуются на основе широкого привлечения представителей институтов гражданского общества и гражданских специалистов гуманитарного профиля [23]. При этом указанный комплекс ресоциализационных программ должен разрабатываться с учетом действия механизма декриминализации

в подростково-молодежной среде [24], т.е. на ослаблении воздействия факторов риска совершения ими повторных преступных деяний. С учетом психической незрелости и дефектов в ценностно-нормативной системе подростков [25] объектом профилактического воздействия должна быть, на наш взгляд, коррекция у них искажений (деформаций, рассогласований) направленности личности.

Цель работы – разработка программы по профилактике рецидивных преступлений и правонарушений несовершеннолетних, осужденных условно на основе привлечения к процессу ресоциализации и социальной адаптации несовершеннолетних, осужденных условно представителей учреждений и органов общей системы профилактики правонарушений и преступлений данной категории лиц (психологов УИИ, педагогов психологов, клинических психологов, психотерапевтов, социальных педагогов, врачей наркологов, психиатров и иных специалистов).

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Исследование проведено на базе уголовно-исполнительных инспекций Федеральной службы исполнения наказаний Самарской области. Всего в исследовании приняли участие 194 несовершеннолетних, осужденных условно. Для оказания несовершеннолетним квалифицированной психологической помощи были привлечены: 7 сертифицированных гражданских специалистов психологов (педагоги-психологи, психологи-консультанты, психотерапевты), 5 студентов – волонтеров, обучающихся на пятых курсах психологических факультетах гражданских высших образовательных организаций.

Деятельность сертифицированных гражданских психологов включала в себя следующие формы работы: диагностическое интервьюирование несовершеннолетних осужденных, вновь поставленных на учет в УИИ ФСИН России, а также состоящих на профилактическом учете; индивидуальное консультирование и коррекция (по инициативе несовершеннолетних осужденных/запросу инспекторов); психотерапевтическая работа по направлениям сертификации; проведение социально-психологических тренингов и групповых психокоррекционных мероприятий; индивидуальное консультирование родственников несовершеннолетних, осужденных условно по инициативе подростков либо родственников. Оценка эффективности деятельности гражданских специалистов психологов проведена с использованием экспертного анкетного опроса в формате фокус-групп.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Экспериментальная апробация программы по профилактике рецидивных преступлений и правонарушений несовершеннолетних, осужденных условно, позволила определить основные направления психопрофилактической работы с несовершеннолетними осужденными условно в период их нахождения под контролем УИИ ФСИН России:

1) психологическая превенция – комплекс социально-психологических мероприятий, направленных на предупреждение повторных преступлений и правонарушений несовершеннолетних, осужденных условно

в течение всего срока нахождения их под контролем УИИ ФСИН России во взаимодействии с психологами (включая специалистов по социальной работе, социальных педагогов) органов и учреждений общей системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (рис.1);

2) психологическая интервенция криминогенного потенциала личности несовершеннолетних осужденных, состоящих на учете в УИИ ФСИН России. Особенности проведения психокоррекционной работы в рамках данного направления деятельности с несовершеннолетними, осужденными условно «группы рецидивного риска» будет представлено во II части настоящей работы.

В настоящей работе остановимся на основных результатах построения организационного механизма взаимодействия гражданских психологов и психологов УИИ ФСИН России для оказания психологической помощи несовершеннолетним, осужденным условно.

Так, привлечение гражданских специалистов для организации психологической работы с несовершеннолетними, осужденными условно, в рамках указанных направлений деятельности позволило определить максимальный объем психологических услуг, который может выполнить качественно один психолог в месяц при нагрузке на 60 человек: первичная консультация – 1 раз; индивидуальная коррекция – 1,5 раза; групповые психокоррекционные мероприятия – 2 группы в количестве до 15 человек по 4 занятия в каждой группе – всего 8 занятий; психопрофилактическая беседа с лицами, страдающими алкогольной/наркотической зависимостью – 2 раза.

По результатам проведения гражданскими психологами первичного консультирования и индивидуальной коррекционной работы с несовершеннолетними, осужденными условно, только у 20–25 % несовершеннолетних была сформирована мотивация к решению своих личностных проблем, ставших причиной совершения ими преступления, а также отмечено их стремление к законопослушному поведению. Именно с данной категорией, как отмечали гражданские психологи, и нужно продолжать дальнейшую работу, так как достичь 100 % исправления всех несовершеннолетних, осужденных условно, со слов гражданских специалистов практически невозможно.

В процессе проведения психокоррекционной работы у большинства несовершеннолетних, осужденных условно, наблюдалась реакция сопротивления психологическому воздействию (в пассивной форме). Заинтересованность в результатах психокоррекции и искреннее стремление к изменению своей личности в позитивном направлении присутствовало только 30 % подростков. Выполнение психокоррекционных упражнений вызывало у каждого третьего несовершеннолетнего, осужденного условно трудности и напряжения, они не желали говорить о своих недостатках, ошибках, комплексах, вскрывать существующие у них глубинные внутриличностные конфликты, самостоятельно искать способы разрешения своих проблем и решать задачи собственного исправления и развития.

В ходе проведения эксперимента гражданскими специалистами отмечается нецелесообразность использования групповых форм работы с несовершеннолетними,

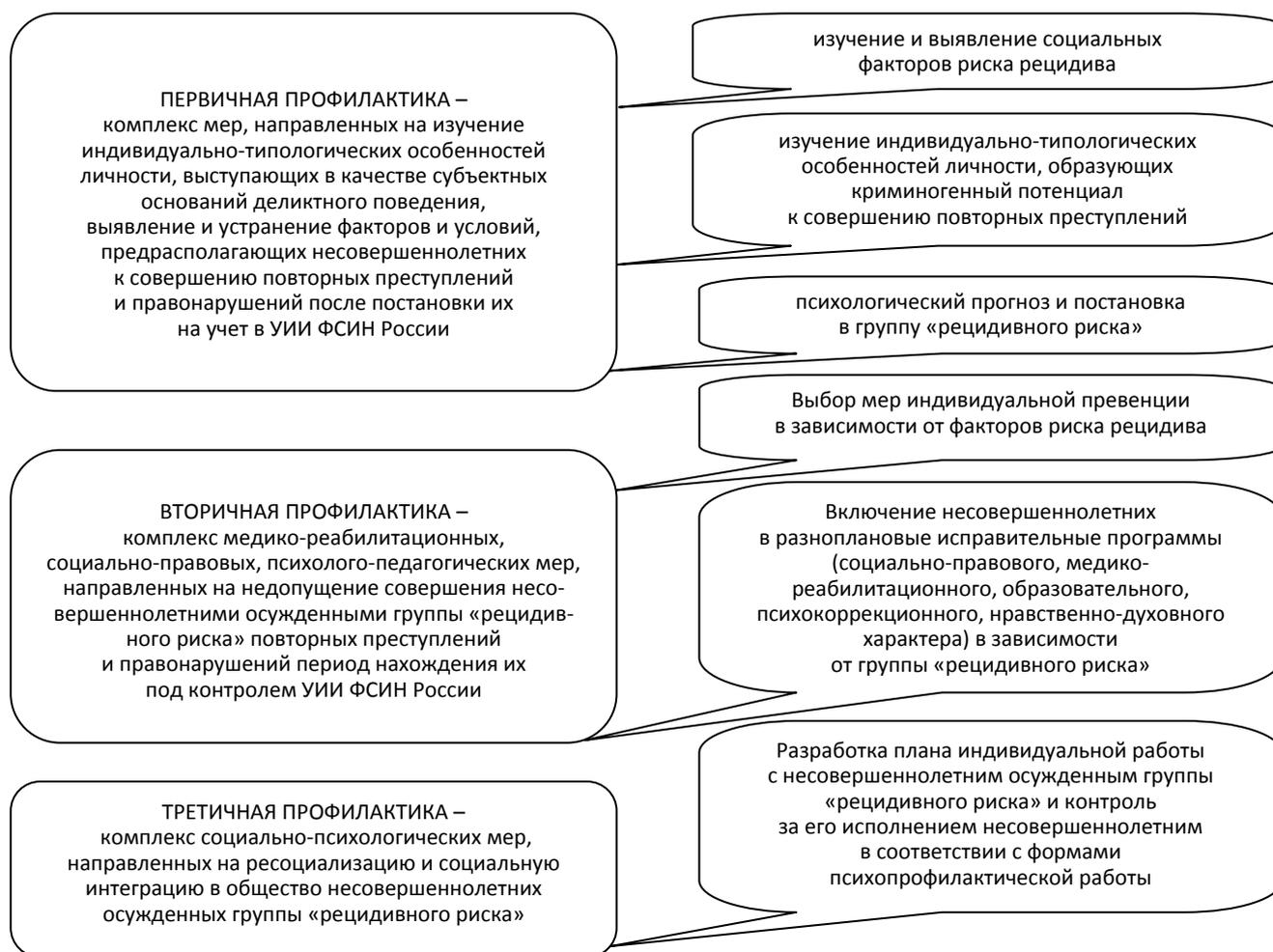


Рис. 1. Психологическая превенция рецидивных преступлений и правонарушений несовершеннолетних, осужденных условно

осужденными условно, за преступления против половой неприкосновенности личности, так как негативное отношение к ним со стороны окружающих формирует у них устойчивые защитные реакции даже в группе себе подобных, препятствует самораскрытию, усиливает чувство социальной обособленности. Стратегия их поведения носит активно-оборонительный характер. С данной категорией несовершеннолетних, осужденных условно должна проводиться индивидуальная психотерапия квалифицированным специалистом – психиатром/психотерапевтом. Наряду с этим, все привлеченные специалисты-психологи высказывали мнение, что для проведения качественной терапии несовершеннолетних, осужденных условно «группы рецидивного риска» требуется более длительное время и больший объем психокоррекционных мероприятий, чем несовершеннолетних, не состоящих на профилактическом учете. Отмечена целесообразность прохождения несовершеннолетними, осужденными условно с наркотической и алкогольной зависимостью медико-реабилитационных программ в специализированных учреждениях.

В целом, изучение мнения несовершеннолетних, осужденных условно, о работе гражданских специалистов психологов показало, что большинство несовершеннолетних, осужденных условно (92,8 %) посещали их консультации добровольно, по собственному жела-

нию. Только 7,2 % несовершеннолетних осужденных «группы рецидивного риска» отметили, что не желали общаться со специалистами.

Ответы на вопрос: «*Опишите манеру общения специалиста с Вами?*» распределились следующим образом: 31 % осужденных отмечают корректную, доброжелательную и уважительную манеру общения гражданских специалистов; располагающий и дружественный стиль общения понравился 21,4 % несовершеннолетним, осужденным условно. 11,9 % подростков описывают манеру общения гражданских специалистов как обычную, нормальную, другие 16,7 % – как поучительную, наставительную, советующую. 16,6 % несовершеннолетних, осужденных условно вообще восприняли консультирование их специалистами, как приятное свободное общение.

В целом, все исследуемые несовершеннолетние положительно отзываются о проведенной с ними работе, в частности психологической. Так, на вопрос: «*Что Вам понравилось?*» 23,8 % ответили, что понравилось все, что происходило на индивидуальной консультации, 19 % несовершеннолетним больше всего понравилось общение, 16,7 % – отмечают манеру разговора и открытость гражданских специалистов. Для 14,3 % осужденных наиболее важным считают оказанную им психологическую помощь, 11,9 % – особо отмечают профессионализм

психологов. 23,8 % осужденных понравилось общение со специалистами на различные темы: о жизни, о семье и др. Только 9,5 % осужденных ничего не понравилось в проведенной с ними работе.

Интересные ответы были получены на вопрос: «С какой целью Вы пришли на прием к психологу?». Так, для основной целью посещения подростками психолога явилось получение психологического заключения (35,7 %), новых знаний о себе, об окружающем мире (28,6 %), решение личных проблем взаимоотношения с родителями, а также из-за желания изменить себя, свое отношение к жизни и окружающим (14,3 %), интерес общения со специалистом (11,9 %). Цель посещения гражданских психологов отсутствовала у 9,5 %.

С целью оценки эффективности групповой психокоррекционной работы с несовершеннолетними осужденными, состоящими на учете в УИИ ФСИН России, респондентам предлагалось ответить на вопрос: «Какой эффект лично для Вас дали групповые занятия?». Было выявлено, что только 33,3 % подростков посещали групповые занятия, их ответы распределились следующим образом: 24,1 % – подростков с интересом посещали занятия, 21,4 % – смогли получить ответы на некоторые свои вопросы, так как на занятиях обсуждали различные проблемы, 35,8 % – признали, что после занятий стали более спокойными, изменились, осознали ценности.

В целом, после работы с гражданскими специалистами психологами у 35,7 % несовершеннолетних, осужденных условно, прояснились жизненные цели и задачи, 21,5 % – отметили, что после индивидуальных консультаций их жизненные цели укрепились, они поняли, что хотят в жизни, к чему надо стремиться. С положительной стороны следует отметить факт, появления у 26,1 % несовершеннолетних, осужденных условно, желания продолжить работу с психологами, о чем свидетельствуют их ответы: «кое-что прояснилось», но «еще работать надо». При ответе на вопрос: «Как повлияли на Вас занятия с гражданскими психологами?» наиболее типичными ответами несовершеннолетних, осужденных условно были: «мы увидели себя со стороны глазами других людей...», «стали сдержаннее и терпимее, стараемся услышать и понять мнение другого человека...», «определенно чувствуешь себя лучше, увереннее, сильнее...», «укрепился позитивный настрой на будущее...».

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

1. Психологическая превенция и психологическая интервенция являются основными направлениями психологической профилактики рецидивных преступлений и правонарушений несовершеннолетних, осужденных условно в период их нахождения под контролем УИИ ФСИН России.

2. Привлечение гражданских специалистов психологов позволяет повысить качество психологической работы с несовершеннолетними, осужденными условно за счет приведения нагрузки на одного психолога к нормативным требованиям штатной численности психологов УИИ ФСИН России.

3. Работа с несовершеннолетними, осужденными условно, имеющими алкогольную/наркотическую зави-

симости требует привлечения сертифицированных специалистов психотерапевтов, врачей – психиатров, наркологов, работающих в Областных наркологических и психоневрологических диспансерах.

4. Постановка несовершеннолетних, осужденных условно, на профилактический учет в «группы рецидивного риска» и выбор мер индивидуальной превенции должны осуществляться психологами УИИ ФСИН России на основе психологического прогноза риска совершения ими рецидивных преступлений в период нахождения под контролем УИИ ФСИН России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотелось бы отметить, что наиболее оптимальной моделью развития психологической службы УИИ ФСИН России в условиях реформирования УИС будет являться рациональное сочетание деятельности штатных психологов при совместном участии в процессе ресоциализации и социальной адаптации несовершеннолетних, осужденных условно представителей гражданского общества при качественном пересмотре функциональных обязанностей штатных психологов.

В продолжение данной работы авторами проводится исследование особенностей психологической интервенции криминогенного потенциала личности несовершеннолетних, осужденных условно «группы рецидивного риска», состоящих на учете в УИИ ФСИН России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РФ. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ.
2. Мартыненко Б.К. Ресоциализация // Энциклопедия пенитенциарного права. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2013. С. 436–437.
3. Шмаров И.В. Предупреждение преступлений среди освобожденных от наказания. М.: Юридическая литература, 1974. 136 с.
4. Агамов Г., Лысягин О. Социальная адаптация и профилактика рецидива // Российская юстиция. 1994. № 7. С. 44–46.
5. Познышев С.В. Очерк основных начал науки уголовного права. Общая часть. М.: Юридическое издательство Наркомюста, 1923. 300 с.
6. Галикеев Р.Г., Чакубаш Ю.В. Ресоциализация как цель исполнения наказания // Биологическое и социальное в личности преступника и проблемы ее ресоциализации: сборник материалов Межвузовской научно-практической конференции. Уфа: Уфимская высшая школа, 1994. С. 133–135.
7. Рыбак М.С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. Саратов: Саратовская государственная академия права, 2001. 211 с.
8. Баранов Ю.В. Проблемы стадий ресоциализации осужденных к лишению свободы (вопросы теории и практики) // Реализация уголовной ответственности: история, современность и перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции. Костанай: КУИС МЮРК, 2005. С. 192–197.
9. Радов Г. Тюрьма как особый вид социальной клиники // Тюремная реформа в посттоталитарных странах:

- международный семинар. Донецк: Донецкий мемориал, 1998. С. 39–42.
10. РФ. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства РФ: от 14 октября 2010 г. № 1772-р // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.
 11. О Европейских правилах для несовершеннолетних правонарушителей, по отношению к которым применены санкции или ограничительные меры уголовно-правового характера: рекомендации N CM/Rec(2008)11 Комитета министров Совета Европы // Законы России. URL: zakoniros.ru.
 12. Хуторская Н.Б., Арбузова С.А. Содержание международных пенитенциарных стандартов // Энциклопедия пенитенциарного права. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2013. С. 206–207.
 13. Хуторская Н.Б. Альтернативные санкции и меры, применяемые в зарубежных государствах // Энциклопедия пенитенциарного права. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2013. С. 239–240.
 14. Пункт 42 Правил Совета Европы о пробации. URL: gm.coe.int/16806ffc98.
 15. Марков В.П. Пробация в зарубежных странах // Энциклопедия пенитенциарного права. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2013. С. 245–246.
 16. Овчинникова Н.А. Цель, задачи и средства ресоциализации // Энциклопедия пенитенциарного права. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2013. С. 442–443.
 17. Яковлева Е.И. Система сил обеспечения внутренней безопасности Франции // Труды Академии управления МВД России. 2009. № 4. С. 94–100.
 18. Дядченко Е.А., Поздняков В.М. Рецидив преступлений несовершеннолетних, осужденных без изоляции от общества: криминологический и психологический аспекты // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 3. С. 39–47.
 19. РФ. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ: от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.
 20. Поздняков В.М. Психологическое обеспечение ресоциализации несовершеннолетних осужденных в воспитательных центрах с использованием системы общественных воздействий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2012. № 1. С. 87–94.
 21. Дядченко Е.А. Психологическое прогнозирование рецидивных преступлений несовершеннолетних, осужденных без лишения свободы. Самара: АСТАРД, 2014. 230 с.
 22. Поздняков В.М. Задачи пенитенциарных психологов при современной реформе уголовно-исполнительной системы России // Психология и право. 2012. № 3. С. 132–142.
 23. Чиркина Р.В. Изменение установок противоправного поведения личности у несовершеннолетних : дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 277 с.
 24. Дядченко Е.А. Особенности личности несовершеннолетних, осужденных без изоляции от общества, и причины совершения ими повторных преступлений // Сравнительно-правовой анализ практики применения Европейской конвенции по правам человека в системах исполнения наказаний России и зарубежных стран: материалы Международной научно-практической конференции. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2011. С. 103–104.

REFERENCES

1. RF. About bases of system of prevention of offenses in the Russian Federation: Federal law the act of 23.06.2016, no. 182-FZ. (In Russian)
2. Martynenko B.K. Resocialization. *Entsiklopediya penitentsiarnogo prava*. Samara, Samarskiy yuridicheskiy institut FSIN Rossii Publ., 2013, pp. 436–437.
3. Shmarov I.V. *Preduprezhdenie prestupleniy sredi osvobozhdennykh ot nakazaniya* [Prevention of crimes among those released from punishment]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1974. 136 p.
4. Agamov G, Lysyagin O. Social adaptation and prevention of relapse. *Rossiyskaya yustitsiya*, 1994, no. 7, pp. 44–46.
5. Poznyshhev S.V. *Ocherk osnovnykh nachal nauki ugolovno prava. Obshchaya chast* [Sketch of the basic principles of the science of criminal law. Common part]. Moscow, Yuridicheskoe izdatelstvo Narkomyusta Publ., 1923. 300 p.
6. Galikeev R.G., Chakubash Yu.V. Resocialization as a goal of punishment. *Biologicheskoe i sotsialnoe v lichnosti prestupnika i problemy ee resotsializatsii: sbornik materialov Mezhhuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Ufa, Ufimskaya vysshaya shkola Publ., 1994, pp. 133–135.
7. Rybak M.S. *Resotsializatsiya osuzhdennykh k lisheniyu svobody: problemy teorii i praktiki* [Re-Socialization of convicts to imprisonment: problems of theory and practice]. Saratov, Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava Publ., 2001. 211 p.
8. Baranov Yu.V. Problems of stages of re-socialization of convicts to deprivation of liberty (theory and practice). *Realizatsiya ugolovnoy otvetstvennosti: istoriya, sovremennost i perspektivy: sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Kostanay, KUIS MYuRK Publ., 2005, pp. 192–197.
9. Radov G. Prison as a special kind of social clinic. *Tyuremnaya reforma v posttotalitarnykh stranakh: mezhdunarodnyy seminar*. Donetsk, Donetskii memorial Publ., 1998, pp. 39–42.
10. RF. The concept of development of the penal system of the Russian Federation until 2020: the order of the Government Russian Federation: 14 October 2010 year, no. 1772-R. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 2010, no. 43, st. 5544.
11. Recommendation CM/Rec (2008)11 of the Committee of Ministers to member states on the European Rules for juvenile offenders subject to sanctions or measures. *Zakony Rossii*. URL: zakoniros.ru.
12. Khutorskaya N.B., Arbuzova S.A. The Content of international prison standards. *Entsiklopediya penitentsiarnogo prava*. Samara, Samarskiy yuridicheskiy institut FSIN Rossii Publ., 2013, pp. 206–207.
13. Khutorskaya N.B. Alternative sanctions and measures applied in foreign countries. *Entsiklopediya penitentsiarnogo prava*. Samara, Samarskiy yuridicheskiy institut FSIN Rossii Publ., 2013, pp. 239–240.

14. Paragraph 42 of the Council of Europe's Rules on Probation. URL: rm.coe.int/16806ffc98.
15. Markov V.P. Probation in foreign countries. *Entsiklopediya penitentsiarnogo prava*. Samara, Samarskiy yuridicheskiy institut FSIN Rossii Publ., 2013, pp. 245–246.
16. Ovchinnikova N.A. Purpose, objectives and means of re-socialization. *Entsiklopediya penitentsiarnogo prava*. Samara, Samarskiy yuridicheskiy institut FSIN Rossii Publ., 2013, pp. 442–443.
17. Yakovleva E.I. The system of internal security forces of France. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, 2009, no. 4, pp. 94–100.
18. Dyadchenko E.A., Pozdnyakov V.M. Relapse of crimes of minors convicted without isolation from society: criminological and psychological aspects. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*, 2013, no. 3, pp. 39–47.
19. RF. The concept of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2020: the order of the Government Russian Federation: November 17, 2008 № 1662-R. (In Russian)
20. Pozdnyakov V.M. Psychological maintenance resocialisation minors condemned in the educational centres with system use public influences. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2012, no. 1, pp. 87–94.
21. Dyadchenko E.A. *Psikhologicheskoe prognozirovanie retsidivnykh prestupleniy nesovershennoletnikh, osuzhdennykh bez lisheniya svobody* [Psychological prediction of recurrent minor crimes, convicted without deprivation of liberty]. Samara, ASGAR Publ., 2014. 230 p.
22. Pozdnyakov V.M. Tasks of penitentiary psychologists in the modern reform of the penal system of Russia. *Psikhologiya i pravo*, 2012, no. 3, pp. 132–142.
23. Chirkina R.V. *Izmenenie ustanovok protivopravnogo povedeniya lichnosti u nesovershennoletnikh*. Dis. kand. psikhol. nauk [Changing the settings of illegal behavior of the individual in minors]. Moscow, 2008. 277 p.
24. Dyadchenko E.A. Features of the personality of minors convicted without isolation from society, and the reasons for their repeated crimes. *Sravnitelno-pravovoy analiz praktiki primeneniya Evropeyskoy konventsii po pravam cheloveka v sistemakh ispolneniya nakazaniy Rossii i zarubezhnykh stran: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Samara, Samarskiy yuridicheskiy institut FSIN Rossii Publ., 2011, pp. 103–104.

**THE PROGRAM FOR THE PREVENTION OF THE RECURRENT CRIMES
AND DELINQUENCY OF THE MINORS SENTENCED CONDITIONALLY.
PART I. PSYCHOLOGICAL PREVENTION**

© 2018

E.A. Dyadchenko, PhD (Psychology),

senior researcher of the Organizational-Scientific and Editorial-Publishing Department
Samara Juridical Institute of Federal Penitentiary Service of Russia, Samara (Russia)

Keywords: minors; sentenced conditionally; recidivism; recurrent crime; risk factors; prevention; resocialization; social adaptation; psychological correction; counseling; psychotherapy; program.

Abstract: The Concept of the development of the penal enforcement system of the Russian Federation until 2020, as one of the main tasks, specifies the reducing of the repetition of crimes among the persons serving sentences. In this regard, the great scientific and practical importance is given to the problem of the prevention of the recurrent crimes and delinquencies of the minors sentenced conditionally which occupy the important place in the activities of psychological services of the institutions and bodies executing the sentences without isolation from the society.

The prevention of the recurrent crimes and delinquencies of the minors sentenced conditionally serves as the priority direction of the improvement of the activities of the corrective services (hereinafter-CS) of the Federal Penitentiary Service of Russia. Today, the CS of the Federal Penitentiary Service of Russia, being a part of the general system of prevention of crimes and delinquencies of minors, should create the necessary conditions for their successful resocialization in order to form the readiness of an adolescent for self-development, self-determination and the responsible attitude towards their life as well as the desire for lawful behavior.

The paper substantiates scientifically the results of the experimental probation of the program of prevention of the recurrent crimes and delinquencies of the minors sentenced conditionally. The author offers the mechanism for the organization of the effective functional cooperation of the psychologists of the corrective service of FPS of Russia with the civil psychologists (psychotherapists), reveals the problematic aspects of their joint activities in the psychological support of different categories of the minors sentenced conditionally. Based on the analysis of the questionnaire survey of the minors sentenced conditionally, the evaluation of the effectiveness of civil psychologists is carried out, the results of which demonstrate the formation of the prosocial values in the pursuance of lawful behavior – 35.7 % of the minors as well as the emergence of the desire to find a job – 21.6 % of the minors. The results of the implementation of the proposed program are reflected in the findings allowing stating that the involvement of civilian specialists-psychologists in the provision of the psychological assistance to the minors sentenced conditionally, promotes the optimization of the activity of psychological services of the CS of FPS of Russia by means of the rational allocation of human resources in the sphere of prevention of the recurrent crimes and delinquencies of the minors sentenced conditionally.

РЕЦЕНЗИЯ

**НА УЧЕБНИК ПРОФЕССОРА И.А. ИВАННИКОВА
«ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ»
(ИВАННИКОВ И.А. ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ.
2-Е ИЗД., ОБНОВЛЕННОЕ. РОСТОВ-НА-ДОНУ; ТАГАНРОГ:
ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, 2018. 354 С.)**

© 2018

Т.А. Золотухина, доктор юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Таганрогский институт управления и экономики, Таганрог (Россия)

Переход российских вузов на многоуровневую систему высшего профессионального образования обуславливает актуальность подготовки нового поколения учебников и учебных пособий для бакалавров, магистрантов и аспирантов, в том числе и по теории государства и права.

Учебник профессора И.А. Иванникова, как отмечает сам автор во введении, подготовлен на основе лекций, которые он читал в вузах Дона и Кубани на протяжении почти 25 лет. Это обновленное, с учетом последних достижений теории государства и права, авторское издание. Необходимо также подчеркнуть, что большинство глав учебника апробированы И.А. Иванниковым на лекциях в Южном федеральном университете и в Сочинском институте (филиале) Российского университета дружбы народов в феврале – марте 2018 года.

При написании учебника автором ставились три цели: 1) изложить материал понятным языком для студента и преподавателя, чтобы его можно было пересказать, 2) изложить ряд тем так, чтобы они были хороши не ответом, а вопросом, и 3) увлечь проблемами права и государства молодых исследователей. Читатель может полемизировать с автором по многим важным проблемам развития государства и права, что будет способствовать поиску оптимальных их форм для России.

В учебнике содержатся как основные традиционные темы по курсу теории государства и права («Предмет и методы исследования теории государства и права», «Проблема происхождения государства и права», «Форма государства», «Правовые отношения» и другие), так и темы, выходящие за рамки обычной общеузовской программы («Правовая политика и правовая жизнь», «Государственно-правовое прогнозирование» и другие).

Первое издание учебника для бакалавров состоялось в 2016 году. В обновленном варианте книги появились новые темы, а некоторые главы подверглись существенной, порой стопроцентной переработке. Совершенно по новому написана глава V «Право и мораль», появились новые параграфы в главе XXI «Правовая культура», совершенно по-новому написан параграф «Социально-правовое государство» в главе XXIII, обновлена последняя глава о прогнозировании государственно-правового развития.

В отличие от предшествующих изданий профессор И.А. Иванников отказался от изложения глав «Государство в политической системе общества», «Форма Российского государства», которые были весьма содержательны и интересны. По словам автора, эти темы носят больше политологический или прикладной характер,

а поэтому рассмотрение их в масштабах отдельных глав в учебнике видится нецелесообразным.

В учебнике отражены проблемы определения понятия государства и понятия права, правового государства, государственно-правового прогнозирования, осуществлено соотношение права и морали, права и силы, права и справедливости, дан анализ правовой политики и правовой жизни, правотворчества и др. Автором даны определения важнейших категорий «Теории государства и права».

Глава III «Сущность и признаки государства» помимо параграфа понятия государства содержит 3 параграфа, которые посвящены признакам государства (первичным, основным вторичным и факультативным). Так, государство понимается как исторически сложившаяся суверенная организация политической власти общества, официально представляющая весь народ и призванная обеспечить правопорядок, производство, распределение и обмен материальных благ в пределах своей территории [1, с. 39]. К числу первичных признаков государства отнесены народ, оседлый образ жизни населения, государственная власть, государственная территория, государственный суверенитет и духовное единство населения. К основным вторичным признакам государства автор причислил монополию на легитимное физическое насилие, монополию на сбор налогов, законодательство, безопасность государства. В числе факультативных признаков государства названы государственный язык, государственная символика, наличие национальной валюты и «признания государства международным сообществом государств, его международной правосубъектности» международным сообществом. Этот признак впервые И.А. Иванниковым выделен еще в 2000 году. Характеризуя этот признак, автор больше внимания уделил Абхазии и Южной Осетии, их процессу суверенизации.

Достоинством учебника является проведенное профессором И.А. Иванниковым в главе XXIII учебника исследование социально-правового и «гуманного» государства [1, с. 327–339] как феноменов идеальных государств в отечественной теории государства и права.

Вызывает интерес и последняя глава учебника «Государственно-правовое прогнозирование». Профессор И.А. Иванников начинает исследование с характеристики эпохи глобализации и определения государственно-правового развития. Государственно-правовое развитие определяется как обобщающее понятие, характеризующее состояние и перспективы практики государственно-правового строительства, исходя из оптимальности взаимоотношений государств, правовых систем

и эффективности государственной власти [1, с. 341]. Заканчивается первый параграф главы определением государственно-правового развития, которое видится как предвидение процесса развития государства и права, изменения политических и правовых отношений, исходя из прошлого опыта государственного строительства, данных об эффективности и структурированности государственной власти, правовой системы, законов взаимодействия государства, общества и личности [1, с. 341].

В свою очередь право определяется как «...воля социальной силы, в конкретно-исторический период обусловленная экономическими, политическими, моральными, религиозными устоями, представляющая систему общеобязательных, формально определенных норм, установленных (санкционированных) государством или международными организациями, охраняемых ими от нарушений и регулирующих общественные отношения путем ограничения свободы индивидов и социальных групп для достижения социальной стабильности» [1, с. 57]. Учебник написан на основе силовой концепции права и государства, в контексте русской культуры.

Автор – сторонник пересмотра существующего подхода к критериям классификации норм права на отрасли и институты. Профессор И.А. Иванников считает, что давно пришло время заявить о новых критериях классификации норм права на отрасли, что кроме основного критерия – предмета правового регулирования, вспомогательными являются: цель и содержание правового регулирования, принципы права, специальные субъекты правовых отношений, метод правового регулирования, самостоятельный вид юридической ответственности и другие критерии [1, с. 346].

Исследуя в главе XIII правовую конструкцию правотворчества, автор рассматривает институт лоббирования в правотворчестве и дает ему собственную аргументированную оценку [1, с. 194], что представляется весьма своевременным.

Рассуждая о праве будущего, автор отмечает, что оно должно быть более гуманным. Поэтому важной проблемой должна являться проблема морального содержания норм права, которое должно быть гуманным [1, с. 346].

Параграф первый в главе XXI «Правовая культура» под названием «Социокод культуры и тип права» написан на основе использования учения выдающегося отечественного философа М.К. Петрова о социокодах культуры [1, с. 288–294]. Параграф написан сложно, но

если его освоить, то теоретический уровень обучающихся будет поднят достаточно высоко. Освоение лично-именного типа кодирования, профессионально-именного типа кодирования и всеобще-именного типа кодирования знания позволяет понять, когда и почему право стало ценностью.

Уделено внимание анализу формы российского государства, проблемы идеала в теории общественного и государственного устройства, государственно-правового прогнозирования и др. Данные темы нуждаются в развитии как в учебном процессе, так и на монографическом уровне.

Примечательно, что в процессе исследования автор уделяет особое внимание соотношению институтов права и морали, права и силы, права и справедливости [1, с. 72–80; 268–286].

Научный интерес представляет глава учебника, раскрывающая понятие, содержание и значение юридических конструкций «правовая политика» и «правовая жизнь», которые на современном этапе исторического развития России приобретают особую актуальность, а их различные аспекты исследуются многими учеными в рамках различных отраслей права [1, с. 178–183]. Достоинством учебника является присутствие в работе оценок философов (Платона, Аристотеля, И. Канта, Г. Радбруха, М.К. Петрова), социологов (М. Вебера, Б.В. Шалютина), специалистов отраслевых юридических наук, что придало работе научную ценность, сделало текст интересным для читателя.

Признавая достоинства и высокий научный уровень рецензируемого учебника, следует отметить, что представленная работа не свободна и от некоторых замечаний. В частности, думается, что к отдельным главам учебника (например, главы V, XII, XX, XXIII и др.) следовало указать больше литературы. Кроме того, считаю, что при проведении исследований по дискуссионным вопросам, поднятым в учебнике, следовало более подробно изложить точки зрения иностранных авторов. Однако эти замечания не снижают научной ценности учебника.

Учебник профессора И.А. Иванникова «Теория государства и права: современные проблемы» будет интересен и полезен не только бакалаврам, магистрантам и аспирантам, но и вузовским преподавателям, научным сотрудникам, государственным служащим, всем, кто интересуется теорией государства и права. Особенно он может быть полезен нашим законодателям и политикам.

REVIEW

**OF THE TEXTBOOK OF PROFESSOR I.A. IVANNIKOV
“THE THEORY OF STATE AND LAW: CONTEMPORARY PROBLEMS”
(IVANNIKOV I.A. TEORIYA GOSUDARSTVA I PRAVA: SOVREMENNYE PROBLEMY
[THEORY OF STATE AND LAW: CONTEMPORARY PROBLEMS].
2nd ED. IZD. OBNOVLENNOE. ROSTOV-ON-DON; TAGANROG,
YUZHNY FEDERALNY UNIVERSITET PUBL., 2018. 354 P.)**

© 2018

*T.A. Zolotukhina, Doctor of Sciences (Law), assistant professor of Chair of Theory and History of State and Law
Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog (Russia)*

**ГЕНЕЗИС КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ О РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ ОСУЖДЕННЫМИ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ**

© 2018

С.А. Копыткин, кандидат юридических наук,*ведущий научный сотрудник центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний
В.В. Горовой*, научный сотрудник центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний
*Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний
Российской Федерации, Москва (Россия)*

Ключевые слова: генезис; криминалистика; знание; расследование; психическое отклонение; преступление.

Аннотация: В научной статье рассматриваются вопросы интеграции генезиса криминалистических знаний при расследовании преступлений совершенных осужденными с психическими расстройствами. Исследование данного вопроса в статье начинается с изучения ретроспективы общественной деятельности, в результате которого установлено наличие лишь фрагментарного представления о периодизации исторической информации, а также выделено наличие противоречащих мнений о формировании подобных знаний. Отмечается актуальность проведения подобных исследований в целях формирования криминалистической методик. Рассматриваются мнения ученых-правоведов, начиная с XX века. Сформулирована задача по интеграции информации о генезисе криминалистических знаний, необходимых для успешного расследования преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами. Определены фундаментальные группы общественных отношений, которые формируют современное научное представление о расследовании преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами. Отдельно рассмотрены группы общественных отношений, которые формируют современное научное представление о расследовании преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами, имеющие наибольшую важность, в сфере рассматриваемой тематики. Проведен анализ обозначенных фундаментальных групп общественных отношений, которые формируют современное научное представление о расследовании преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами. Аргументирован вывод о необходимости продолжения научной дискуссии по вопросам систематизации генезиса криминалистических знаний о расследовании преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами, и определении границ его содержания.

ВВЕДЕНИЕ

Ретроспектива криминалистических знаний о расследовании преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами, во многом складывается из различных по своей природе сегментов [1] общественной деятельности, что в настоящее время, к сожалению, дает весьма фрагментарное представление о периодизации исторической информации, связанной с данным вопросом, а также создает значительное количество, зачастую противоречащих друг другу мнений, об основных тенденциях формирования подобных знаний [2].

Следует особо отметить и острую актуальность подобного рода изысканий для полноценного и всестороннего формирования частной криминалистической методик, поскольку как справедливо отмечали ученые-правоведы еще в начале XX века «проследив происхождение известного института или законоположения, мы узнаем те условия, которые породили его и которые повлияли на его развитие; зная это, мы имеем возможность оценить его современное значение» [3]. В этой связи в качестве аргумента также хотелось бы высказать и мнение о том, что криминалистическая методика любого уровня как составляющая криминалистики имеет синтетическую природу [4] и использует в своем арсенале знания, из любых иных областей науки, подчинив их единой цели повышению эффективности расследования преступлений.

Цель работы – интеграция информации о генезисе криминалистических знаний, связанных с расследованием преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами.

**РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИХ
ОБСУЖДЕНИЕ**

Представляется очевидным, что для решения подобной задачи, необходимо первоначально определить какие же фундаментальные группы общественных отношений формируют современное научное представление о расследовании преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами. Первичными базисными группами общественных отношений, связанных с рассматриваемой тематикой, являются, во-первых, преступная деятельность как особая разновидность социального взаимодействия, основные формы и признаки которой находят свою правовую регламентацию в системе уголовного законодательства [5], и во-вторых, деятельность по расследованию преступлений как закрепленная в нормах уголовно-процессуального законодательства организационно-познавательная деятельность, являющаяся частью реакции общества и государства на совершенное преступление [6]. Вместе с тем уместно добавить, что данные разновидности деятельности в контексте избранной тематики имели в контексте исторического процесса и имеют в настоящий момент значительное количество существенных особенностей [7], которые делают необходимым их рассмотрение лишь с учетом условий (обстановки) осуществления преступной деятельности и деятельности по расследованию преступлений, а также личности осужденного, страдающего психическим расстройством.

Вышеизложенное делает необходимым подробное изучение криминалистических знаний о возникновении, формировании, и тенденциях развития методик

расследования преступлений, совершенных в уголовно-исполнительной системе, а также методик расследования преступлений, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами.

Вместе с тем необходимо отметить тот факт, что в эти информационные группы помимо непосредственно криминалистических знаний [8] следует включить также отдельные результаты эволюции процессуальных [9], криминологических [10] и судебно-психиатрических знаний [11], связанных с расследованием преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами как неотъемлемых составляющих рассматриваемой нами криминалистической методики.

Следующей обширной группой, выделение которой необходимо для определения локализации генезиса криминалистических знаний о расследовании преступлений, совершенных осужденных с психическими расстройствами являются общественные отношения, связанные с исполнением наказаний [12]. Представляется что, исполнение любого вида наказания представляет собой комплексный, системный, динамический процесс, требующий значительного количества сил и средств, направленных не только на решение основной задачи – реализации и поддержании условий наказания к которому было приговорено лицо, но также достойного уровня внешнего и внутреннего взаимодействия, направленного на обеспечение безопасности всех субъектов участвующих в исполнении наказания [13], оказании воспитательного воздействия на осужденного [14], его последующей ресоциализации [15] и профилактической работе по предотвращению совершения им новых преступлений [16]. Помимо этого значительное количество практиковавшихся в истории уголовно-исполнительной системы наказаний помимо физического оказывало существенное психотравмирующее воздействие на личность, пополняя, таким образом, контингент психически неполноценных осужденных [17].

Особое место в системе общественных отношений формирующих генезис криминалистических знаний о расследовании преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами, составляет деятельность, связанная с выявлением, лечением и профилактикой психических расстройств в обществе [18]. На любом этапе истории психические расстройства были объектом пристального внимания медицины и психиатрии в связи со своей существенной общественной опасностью, проблемами в достоверной диагностике, сложностью в лечении и профилактике [19]. Помимо этого измененное психическим расстройством восприятие, неадекватная реакция на происходящее, воздействие алкоголя, наркотических, психотропных и иных сильнодействующих веществ в значительном количестве случаев приводило к совершению лицом преступных действий, что влекло за собой отправление правосудия в отношении лица с психическим расстройством, превращая его в осужденного страдающего аналогичным недугом [20].

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Исходя из вышеизложенного генезис криминалистических знаний о расследовании преступлений, совершенных осужденных с психическими расстройствами в нашем представлении должен включать в себя:

- генезис знаний о формировании и развитии системы исполнений наказаний в России;
- генезис знаний о формировании и развитии преступности в системе исполнения наказаний как особой разновидности преступной деятельности;
- генезис знаний о медико-психиатрической деятельности в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами;
- генезис знаний о преступной деятельности лиц, страдающих психическими расстройствами;
- генезис знаний о возникновении, формировании, и тенденциях развития расследования преступлений, совершенных в уголовно-исполнительной системе;
- генезис знаний о возникновении, формировании, и тенденциях развития расследования преступлений, совершенных лицами, страдающими психическими расстройствами.

Целесообразно обратить внимание на то обстоятельство, что с нашей точки зрения сами приведенные группы общественных отношений, в общем, закладывают лишь фундамент для формирования исторической системы криминалистических знаний о расследовании преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами. Помимо этого следует подчеркнуть глобальность некоторых из приведенных нами групп, которая в отдельных случаях приводила к тому, что значительное количество криминалистически значимой информации, в силу отсутствия системного подхода к ее накоплению и упорядочению в рамках частной криминалистической методики, становилось эмпирическим опытом той или иной группы общественных отношений, напрямую не связанных с расследованием преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами. Сложившаяся ситуация, по нашему мнению, дает возможность продолжения научной дискуссии по вопросам систематизации генезиса криминалистических знаний о расследовании преступлений, совершенных осужденными с психическими расстройствами, и определении границ его содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2005. 287 с.
2. Мохов А.А. Проблемы преподавания судебной медицины и судебной психиатрии на современном этапе // Право и образование. 2003. № 2. С. 104–109.
3. Арболеда-Флорес Х. Судебная психиатрия: современные границы, проблемы и дискуссии // Независимый психиатрический журнал. 2006. № 3. С. 51–55.
4. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинский Е.Р. природа криминологии, ее место в системе научных знаний и тенденции развития // Криминалистика. М.: Юридическая литература, 2006. С. 70–81.
5. Щерба С.П. Расследование и судебное разбирательство в отношении лиц с физическими или умственными недостатками. М.: Юридический Факультет, 1975. 144 с.
6. Александровский Ю.А. Пограничные психические расстройства: руководство для врачей. М.: Медицина, 1993. 400 с.

7. Дмитриева Т.Б. Социальная и судебная психиатрия как два самостоятельных направления современной клинической психиатрии: общее и отличное // Психиатрия и общество: материалы конференции, посвященной 80-летию Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2001. С. 3–18.
8. Положий Б.С. Центр им. В.П. Сербского в развитии социальной психиатрии // Российский психиатрический журнал. 2017. № 1. С. 32–36.
9. Щерба С.П. Расследование и судебное разбирательство по делам лиц страдающих физическими или психическими недостатками. М.: Юридическая литература, 1975. 103 с.
10. Антонян Ю.М., Бородин С.В. Коррекция и реабилитация осужденных с психическими отклонениями // Криминал и психические отклонения. М.: Юридическая литература, 1987. С. 200–206.
11. Петров В.И., Пантелева Н.В., Кралько А.А., Кулешова Е.А., Лукьянчик Е.Н. Психиатрия – наука о лечении души или орудие борьбы с инакомыслием...? (правовые аспекты) // Военная медицина. 2015. № 1. С. 148–151.
12. Блэкберн Р. Психология криминального поведения. СПб.: Питер, 2004. 496 с.
13. Горинов В.В. расстройства личности Dissimulee, критерии диагностики, судебно-психиатрическая оценка // Российский психиатрический журнал. 2004. № 5. С. 57–61.
14. Дебольский М.Г. Методические рекомендации по организации и проведению психологической работы с осужденными за преступления сексуального характера. М.: ФСИН России, 2008. 89 с.
15. Новиков В. Акцентуации характера и их связь с особенностями поведения осужденных в местах лишения свободы // Вестник уголовно-исполнительной системы. 2006. № 3. С. 32–35.
16. Овчаренко И.А. Роль социальной адаптации среди лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в предупреждении рецидива преступления // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2006. № 2. С. 100–106.
17. Детков М.Г., Шамсунов С.Х., Алексушин Г.В. Уголовно-исполнительная система. 130 лет. М.: Юриспруденция, 2009. 233 с.
18. Огурцов С.А. Отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством как основание применения Ч. 3 Ст. 20 УК РФ // Библиотека уголовного права и криминологии. 2015. № 1. С. 39–44.
19. Семке В.Я. Старые и новые проблемы коррекции «болезней личности» // Психотерапия. 2004. № 2. С. 2–8.
20. Упоров А.Г. Безопасность персонала учреждений уголовно-исполнительной системы и особенности ее правового регулирования // Вестник Кузбасского института. 2011. № 3. С. 40–46.
21. Mokhov A.A. Problems of teaching forensic medicine and forensic psychiatry at the present stage. *Pravo i obrazovanie*, 2003, no. 2, pp. 104–109.
22. Arboleda-Flores Kh. Forensic Psychiatry: Contemporary Scope, Challenges and Controversies. *Nezavisimyy psikhiatricheskyy zhurnal*, 2006, no. 3, pp. 51–55.
23. Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskiy E.R. Nature of criminology, its place in the system of scientific knowledge and trends of development. *Kriminalistika*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 2006, pp. 70–81.
24. Shcherba S.P. *Rassledovanie i sudebnoe razbiratelstvo v otnoshenii lits s fizicheskimi ili umstvennymi nedostatkami* [Investigation and trial of persons with physical or mental disabilities]. Moscow, Yuridicheskyy Fakultet Publ., 1975. 144 p.
25. Aleksandrovskiy Yu.A. *Pogranichnye psikhicheskie rasstroystva: rukovodstvo dlya vrachey* [Borderline mental disorders: a guide for physicians]. Moscow, Meditsina Publ., 1993. 400 p.
26. Dmitrieva T.B. Social and judicial psychiatry two independent directions of modern clinical psychiatry: General and excellent. *Psikhiatriya i obshchestvo: materialy konferentsii, posvyashchenoy 80-letiyu Gosudarstvennogo nauchnogo tsentra sotsialnoy i sudebnoy psikhiatrii im. V.P. Serbskogo*. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2001, pp. 3–18.
27. Polozhiy B.S. The V.P. Serbsky Centre in the development of social psychiatry. *Rossiyskiy psikhiatricheskyy zhurnal*, 2017, no. 1, pp. 32–36.
28. Shcherba S.P. *Rassledovanie i sudebnoe razbiratelstvo po delam lits stradayushchikh fizicheskimi ili psikhicheskimi nedostatkami* [Investigation and court proceedings on cases involving persons with physical or mental deficiency]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1975. 103 p.
29. Antonyan Yu.M., Borodin S.V. Correction and rehabilitation of convicts with mental disorders. *Kriminal i psikhicheskie otkloneniya*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1987, pp. 200–206.
30. Petrov V.I., Panteleva N.V., Kralko A.A., Kuleshova E.A., Lukyanchik E.N. The psychiatry – the science about the treatment of the soul or the implement of struggle with thoughts not as everybody. *Voennaya meditsina*, 2015, no. 1, pp. 148–151.
31. Blekbern R. *Psikhologiya kriminalnogo povedeniya* [The psychology of criminal conduct]. Sankt Petersburg, Piter Publ., 2004. 496 p.
32. Gorinov V.V. Personality disorders Dissimulee, diagnostic criteria, forensic psychiatric evaluation. *Rossiyskiy psikhiatricheskyy zhurnal*, 2004, no. 5, pp. 57–61.
33. Debolskiy M.G. *Metodicheskie rekomendatsii po organizatsii i provedeniyu psikhologicheskoy raboty s osuzhdennymi za prestupleniya seksualnogo kharaktera* [Guidelines for the organization and conduct of psychological work with convicted sexual crimes]. Moscow, FSIN Rossii Publ., 2008. 89 p.
34. Novikov V. Accentuation of character and their connection with peculiarities of behavior of convicts in the places of detention. *Vedomosti ugovolno-ispolnitelnoy sistemy*, 2006, no. 3, pp. 32–35.
35. Ovcharenko I.A. The role of social adaptation of persons released from prison, prevention of recidivism.

REFERENCES

1. Rubinshteyn S.L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. Sankt Petersburg, Piter Publ., 2005. 287 p.

- Vestnik Severo-Kavkazskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2006, no. 2, pp. 100–106.
17. Detkov M.G., Shamsunov S.Kh., Aleksushin G.V. *Ugolovno-ispolnitelnaya sistema. 130 let* [The penitentiary system. 130 years old]. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2009. 233 p.
18. Ogurtsov S.A. Backwardness of mental development not associated with a psychological disorder, as a ground for applying the part 3 of the article 20 of the Criminal Law of the Russian Federation. *Biblioteka ugolovnogo prava i kriminologii*, 2015, no. 1, pp. 39–44.
19. Semke V.Ya. Old and new problems of correction of “personality diseases”. *Psikhoterapiya*, 2004, no. 2, pp. 2–8.
20. Uporov A.G. Security of the personnel of penal institutions and peculiarities of its legal regulation. *Vestnik Kuzbasskogo institute*, 2011, no. 3, pp. 40–46.

THE GENESIS OF CRIMINALISTIC KNOWLEDGE ABOUT THE INVESTIGATION OF CRIMES COMMITTED BY THE DEFENDANTS WITH MENTAL DISORDERS

© 2018

S.A. Kopytkin, PhD (Law),

leading researcher of Center for the research of the problems of management and organization of execution of punishments

V.V. Gorovoy, researcher of Center for the research of the problems of management and organization of execution of punishments

Research Institute of FPS of Russia, Moscow (Russia)

Keywords: genesis; criminalistics; knowledge; investigation; mental disorder; crime.

Abstract: The paper considers the issues of integration of criminalistic knowledge genesis when investigating the crimes committed by the defendants with mental disorders. The research of this issue begins in the paper with the study of social activities retrospective. The study determined the existence of only a fragmentary understanding of historical information periodization and specified some contradictory opinions about the formation of such knowledge. The authors highlight the urgency of carrying out similar research to form a criminalistic technique. The opinions of legal scholarship since the XX century were considered. The authors formulated the task of integration of the information on the genesis of criminalistic knowledge necessary for the successful investigation of crimes committed by the defendants with mental disorders, identified the fundamental groups of social relations forming the modern scientific understanding of the investigation of crimes committed by the defendants with mental disorders. The groups of social relations that form the modern scientific understanding of the investigation of crimes committed by the defendants with mental disorders, which are critical within the sphere of the subject under consideration, are considered separately. The authors carried out the analysis of the specified fundamental groups of social relations forming the modern scientific understanding of the investigation of crimes committed by the defendants with mental disorders and reasoned the conclusion about the necessity to continue the scientific discussion on the issues of systematization of the genesis of criminalistic knowledge about the investigation of crimes committed by the defendants with mental disorders and to determine the limits of its content.

ИСТИНА КАК ОСНОВАНИЕ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

© 2018

В.А. Лазарева, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
(Самарский университет), Самара (Россия)

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; процессуальная форма; истина; процесс доказывания; презумпция невиновности; состязательность.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о роли и характере истины в уголовном процессе, по поводу которого в теории уголовно-процессуального права не утихают споры и в настоящее время. Между тем, изменения основ уголовного судопроизводства под влиянием внедрения в него принципов состязательности и презумпции невиновности обуславливают пересмотр традиционных представлений не только о цели уголовного процесса, но и о способах ее достижения.

Дифференциация процессуальной формы есть, прежде всего, дифференциация целей и процесса доказывания, в основе которой лежит принцип презумпции невиновности, ставящий цель, правила и результат доказывания в зависимость от позиции обвиняемого. Дифференциация уголовно-процессуальной формы предполагает не только различия в стандартах доказывания, но также в критериях оценки приговора. На основе обозначенного подхода формулируются предложения, направленные на преодоление теоретических разногласий путем стандартизации результатов уголовно-процессуальной деятельности.

Несмотря на отсутствие целостного представления об основаниях дифференциации уголовно-процессуальной формы, к настоящему времени, в России сложились две относительно обособленные системы производства по уголовным делам. В качестве основного критерия, который позволяет выбрать эффективную для конкретного дела форму судопроизводства, предлагается рассматривать цель уголовного процесса – достижение истины или компромисса, зависящую от позиции обвиняемого. В результате проведенного исследования сделан вывод, о том, как дифференциация процессуальных форм влияет на реализацию принципов уголовного судопроизводства. В работе показано, что современную систему уголовного судопроизводства России нельзя представить без упрощенных процедур.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос об истине до сих пор является краеугольным в научных дискуссиях о направлении совершенствования уголовного судопроизводства. Практически каждый, пишущий об истине, автор имеет по нему либо собственную позицию, либо собственную аргументацию. Но – позволим себе каламбур – истина по вопросу об истине так и не обнаружена. Споры об истине в уголовном процессе не случайны. С истиной ассоциируется такой результат уголовно-процессуальной деятельности, который способен придавать итоговому решению «достаточный моральный авторитет» [1, с. 236], позволяющий принимать это решение как справедливое. Поэтому история уголовного процесса есть развитие его форм, зависящее от изменяющихся представлений о справедливости и способах ее достижения.

Современное состояние российского уголовного процесса характеризуется как неустойчивое. Стремясь к установлению баланса публичных и частных интересов, законодатель бесконечно колеблется, склоняясь под влиянием тех или иных, бесспорно правильных в каком-то смысле, побуждений то в одну, то в другую сторону. Система уголовного судопроизводства потому и не сбалансирована, что стремясь к целостности, она не в состоянии ее обеспечить.

Наличие потребности в дифференцировании форм производства по уголовному делу сегодня, кажется, уже не вызывает сомнений, хотя по вопросу об основаниях дифференциации и количестве дифференцированных форм немало разногласий. Существенно различающиеся между собой, они, тем не менее, образуют единую систему и подчинены единым принципам, хотя следо-

вать им в равной мере не в состоянии. Провозгласив, к примеру, в качестве принципа правило о свободной оценке доказательств, мы не обеспечили ее ни в советский, ни в настоящий период, поскольку, последовательно ужесточая требования к допустимости доказательств и усложняя порядок производства следственных действий, мы фактически узаконили именно формальный подход к оценке доказательств. Во главу угла поставлен его величество протокол, соблюдение правил оформления которого служит главным критерием оценки его содержания, хотя далеко не всегда обеспечивает достоверность доказательства.

Признав состязательность в качестве принципа уголовного процесса, мы не обеспечили реального равноправия сторон, поскольку строгая формализация порядка получения доказательств исключает или, как минимум, значительно ограничивает возможность участия в процессе доказывания обвиняемого и его защитника. Последние по понятным причинам лишены возможности производить следственные действия, но и сведения, собранные доступными им способами, не признаются доказательствами, несмотря на то, что предоставленное законом право участников процесса представлять доказательства ничем не оспаривается.

При этом, мы наблюдаем стремление сохранить именно объективную, а не формальную истину в качестве цели и достижимого результата уголовного судопроизводства не только в теории, но и на уровне законодательных предположений [2], а в реальном законе и на практике имеем устойчивую тенденцию к серьезному упрощению уголовного процесса с его отказом от полного, всестороннего и объективного исследования

обстоятельств совершенного преступления в суде, а в случае применения главы 32.1 УПК – и досудебного производства.

Цель работы – установление роли и характера истины в уголовном процессе.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Как бы мы ни относились к упрощению процессуальной формы, критикуемой многими за неспособность обеспечить достижение истины, тенденция к рационализации судопроизводства продолжает набирать обороты. Так, в феврале текущего года были опубликованы «Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменения нормативных актов в целях их реализации», подготовленные рабочей группой Центра стратегических разработок совместно с Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге [3]. Документ, хотя и является преимущественно судостроительным, задает параметры будущих изменений и в сфере уголовного судопроизводства. Для рационализации судебного процесса и процедур предполагается, в частности, предусмотреть в УПК оглашение в заседании только вводной и резолютивной частей приговора по всем статьям УК; более широко применять правило об изготовлении мотивировочной части решения лишь по запросу стороны; ввести аудиозапись как основное средство фиксации хода судебного заседания. Протокол, становящийся в связи с этим дополнительным средством фиксации, предлагается составлять в сокращенной форме, отражающей лишь минимальный объем сведений о ходе судебного заседания. При этом полный письменный протокол не может служить заменителем аудиозаписи даже в случае ее технической невозможности, которая в таком случае послужит основанием для отложения судебного заседания или объявления перерыва [3].

Эти вполне оправданные, на наш взгляд, предложения затрагивают фундаментальные основы уголовного судопроизводства. Отказ от составления мотивировочной части решения, реализованный в настоящее время в делах упрощенного производства, означает отказ от анализа и оценки доказательств и в тех случаях, когда доказательства в судебном разбирательстве исследовались. С суда фактически снимается ответственность за обоснованность приговора. Судья, не обязанный мотивировать свои выводы, становится более свободным в принятии решения, что имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

Не оценивая общую обоснованность этих предложений или целесообразность отдельных изменений, и не повторяя ранее неоднократно высказанного отношения к концепции объективной истины [4–7] и к упрощенным процедурам [8; 14], зафиксируем главное – стремление уголовного судопроизводства к развитию в двух разных направлениях. С одной стороны, с момента принятия УПК РФ отчетливо прослеживается стремление к реализации максимальных процессуальных гарантий, сконцентрированных в главе 2 УПК. С другой, мы наблюдаем стремление к рационализации производства, к процессуальной экономии, сопряженным с отказом от неоправданно сложных форм и сопутствующих им процессуальных гарантий. Отсюда и раз-

двоение уголовно-процессуального сознания. Мы критикуем упрощенное производство за недостаточные гарантии, несоответствие принципам уголовного процесса, сложные же формы все время пытаемся усовершенствовать, а значит еще более усложнить. При этом практика применения и тех и других нам одинаково не нравится.

В сложившейся ситуации дифференциация стандартов доказанности в том числе применительно к основному вопросу уголовного судопроизводства – виновности лица в совершении преступления, задача вполне логичная, обоснованная, необходимая, а главное, своевременная, и даже можно сказать, частично уже реализованная.

Поясним сказанное.

Процедура производства по уголовному делу (процессуальная форма) обусловлена потребностью установления юридически значимых признаков преступления и его субъекта. Опуская всем известные истины, формулируем главное: степень сложности процессуальной формы, необходимой для установления обстоятельств совершенного преступления, зависит исключительно от степени сложности изобличения лица, его совершившего. Возможность достижения этой цели – изобличения виновного – разными средствами и определяет существование разных по своей сложности форм уголовно-процессуальной деятельности.

Сложность доказывания виновности во все времена соотносилась и продолжает соотноситься с наличием или отсутствием признания вины. Историческая неразвитость способов установления обстоятельств преступления и незрелость представлений о ценности человеческой личности естественным образом делали правосудие зависимым от признания, побуждая прибегать к пытке, как способу дознания. Однако развитие общества не могло не привести к пониманию, что данное под пыткой сознание не имеет никакой цены, и что инстинктивное стремление избавиться от физических страданий может понудить человека сознаться в несуществующей и даже невозможной вине [15], поэтому уже Сводом законов Российской империи «признание, učinенное вне суда, почиталось недействительным», запрещалось чинить пристрастные допросы, истязания, жестокости, а на суд возлагалась обязанность «склонять обвиняемого к сознанию увещеваниями и уликами» [16, с. 206].

Продолжающееся изменение отношения к значению признанию вины отразилось затем на принципах, лежащих в основе Устава уголовного судопроизводства 1864 г.: обвиняемый имеет право на защиту и не обязан свидетельствовать против себя [17]. Право не показывать против себя рассматривается как основание считать признание доказательством; сделанное свободно, без принуждения, оно подлежит оценке наравне с прочими доказательствами.

Принципы эти сохраняют значение по сей день, но отношение к признанию вины все так же двойственно. С одной стороны законодатель требует бесспорной доказанности обвинения (требование обоснованности приговора), с другой, опираясь в особых порядках на признание вины (согласие с подозрением или обвинением), существенно ослабляет эту строгость требований к объективной доказанности обвинения.

В этом противоречии, собственно, и проявляется характер современного уголовного процесса России, публичная сущность которого тяготеет к объективной истине, установление которой считается обязательным условием разрешения уголовного дела, а состязательная считает приемлемым использования в качестве альтернативы разрешение уголовного дела по соглашению сторон. В одном случае производство по уголовному делу стремится к выявлению истины, во втором – к достижению компромисса [18].

В итоге к настоящему времени в России уже сложились две относительно обособленные системы производства по уголовным делам, и хотя целостного представления об основаниях их разграничения по многим причинам еще не сформировалось, мы вполне четко можем назвать тот критерий, который позволяет выбрать эффективную для конкретного дела форму судопроизводства.

Этот выбор в значительной мере предопределен позицией обвиняемого. Согласие обвиняемого с предъявленным ему обвинением как проявление диспозитивности, свойственной состязательному процессу, означает прекращение спора по вопросу, определяющему предмет судебного разбирательства, в данном случае о виновности и, таким образом, устраняет необходимость ее доказывания. Именно поэтому в структуре особого порядка судебного разбирательства нет судебного следствия как формы исследования представленных сторонами доказательств. Обвинительный приговор здесь основан на презумпции виновности лица, которое имея право оспаривать обвинение, отказалось от его реализации. Оправдательный приговор в таком процессе невозможен, поэтому на случай возникновения у суда сомнений в правдивости или добровольности признания законом предусмотрена процедура перехода к общему порядку судебного разбирательства.

Обвиняемый, считающий себя невиновным, защищен презумпцией невиновности. Достоверная доказанность виновности обвиняемого является в этом случае единственным основанием постановления обвинительного приговора. Основанный на доказательствах результат чаще всего и принимают за объективную истину, хотя, строго говоря, он таким может и не являться. Поэтому приговор, вступивший в законную силу, лишь презюмируется как истинный [7; 19], а закон предусматривает возможность его отмены как в кассационном и надзорном порядке, так и при появлении новых или вновь открывшихся обстоятельств. Презумпция истинности приговора как антипод презумпции невиновности, на что указывал И.А. Либус («презумпция невиновности превращается в свою противоположность, а именно в презумпцию истинности приговора») [20, с. 5], фактически означает презумпцию виновности. Судья, постановивший приговор, может быть искренне убежден в соответствии действительности достигнутого в ходе судебного следствия знания, это знание может быть объективным, если судья принял меры к всестороннему исследованию доказательств, однако утверждение, что полученное знание соответствует действительности, ошибочно. По справедливому замечанию А.В. Смирнова, «для того, чтобы абсолютно точно выяснить, соответствует ли какое-либо доказательство действительности, недостаточно исследовать лишь са-

ми доказательства – необходимо каким-то образом исследовать и саму действительность» [1, с. 17], что, как все понимают, невозможно.

Оправдательный приговор, в отличие от обвинительного, ни истинного, ни достоверного знания не требует. Согласно ст. 14 УПК РФ, обвиняемый считается невиновным, пока не доказано обратное. Поэтому при недоказанности обвинения суд обязан вынести оправдательный приговор, даже если невиновность подсудимого не подтверждена доказательствами. Объективная истина в этом случае, что очевидно, не установлена, но приговор не перестает от этого быть законным и обоснованным.

ВЫВОДЫ

Таким образом, разделение уголовно-процессуальной формы на два дифференцированных вида в зависимости от цели производства в действительности имеет своим основанием отношение лица, обвиняемого в совершении преступления, к утверждению о его виновности. Исходя из этого, можно определять стандарты доказывания. Необходимое условие или, вернее, единственное основание постановления обвинительного приговора при наличии спора о вине – достоверная доказанность обвинения. Отрицание обвиняемым своей виновности в совершении преступления требует предоставления ему всяческих гарантий, вытекающих из презумпции невиновности, высоких стандартов доказанности обвинения (доказанность вне разумных сомнений), сложных форм собирания и проверки доказательств. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов обвиняемого в полной мере лежит на обвинителе. Оправдательный приговор – естественное следствие недоказанности обвинения.

Отсутствие спора о вине позволяет разрешить уголовное дело на основе соглашения сторон, компромисса. Обвинительный приговор, являющийся результатом соглашения сторон, не претендует на истину в качестве своего основания и не преследует достижение такой цели. Отсюда отсутствие потребности в сложных формах доказательственной деятельности. Доказывание ограничивается событием преступления, основная обязанность суда – убедиться в добровольности и осознанности признания, соблюдении тех прав обвиняемого, которые позволяют ему действовать осознанно и добровольно. Отказ обвиняемого от оспаривания обвинения означает принятие им бремени последствий, отсюда и ограничение оснований для оспаривания приговора.

При таком раскладе результаты уголовного судопроизводства действительно «определяются усилиями самих участников процесса» [1, с. 237], а бремя доказывания распределяется справедливо и рационально. Справедливость результата во всех случаях обеспечивается презумпцией невиновности, гарантирующей обвиняемому свободу выбора своей позиции.

В завершение. Нет сомнений, что рациональность производства и развитая система процессуальных гарантий одинаково ценны для решения стоящих перед уголовным процессом задач. Но невозможно с одними и теми же критериями подходить к оценке приговора, постановленного без исследования доказательств по уголовному делу, например, поступившему в суд с обвинительным постановлением после производства

дознания сокращенной форме, и приговора по сложному уголовному делу, поступившему в суд с обвинительным заключением. В первом случае не могут быть полностью реализованы принципы уголовного процесса и общие условия судебного разбирательства, во втором они не могут быть реализованы. Мы же критикуем упрощенные процедуры именно за несоответствие принципам, хотя и в сложных делах часто довольствуемся лишь формальным соответствием этим принципам. В результате недорабатываем там, где это действительно необходимо.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Смирнов А.В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. М.: Норма, 2018. 240 с.
- РФ. Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объективной истины по уголовному делу» // Следственный комитет Российской Федерации. URL: sledcom.ru/document/1136.
- Бочаров Т.Ю., Волков В.В., Воскобитова Л.А., Дмитриева А.В., Смола А.А., Титаев К.Д., Цветков И.В. Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменения нормативных актов в целях их реализации. М.: ЦСР, 2018. 116 с.
- Александров А.С. Критика концепции объективной истины в уголовном процессе // Уголовный процесс. 2012. № 6. С. 66–73.
- Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М.: АН СССР, 1955. 384 с.
- Теория уголовного процесса: состязательность. Ч. 1. / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2013. 368 с.
- Теория уголовного процесса: презумпции и преюдиции / под ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2012. 496 с.
- Ветрова Г.Н. К вопросу о дифференциации уголовно-процессуальной формы досудебного производства // Государство и право. 2015. № 3. С. 37–50.
- Трубникова Т.В. Пределы упрощения уголовного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12. С. 131–139.
- Якулин В. Упрощенные формы производства в уголовно-процессуальном законодательстве Словении // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2013. № 6. С. 387–395.
- Доля Е.А. К вопросу об истине в уголовном судопроизводстве России // Российский следователь. 2011. № 22. С. 9–13.
- Доля Е.А. Проблемы истины в современном уголовном судопроизводстве России // Современные проблемы развития уголовного процесса, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности: сборник трудов конференции. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2013. С. 9–12.
- Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокарев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж: Воронеж. ун-т, 1980. 252 с.
- Теория доказательств в советском уголовном процессе / под ред. Н.В. Жогин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрид. лит., 1973. 736 с.
- Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. 2-е изд., изм. и доп. СПб.: Изд. юрид. кн. склада «Право», 1914. 603 с.
- Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М.: Тип. А.П. Поплавского, 1908. 288 с.
- Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Классика Российского права. URL: civil.consultant.ru/sudeb_ustav/.
- Кувалдина Ю.В. Компромисс как способ разрешения уголовно-правовых конфликтов в России. М.: Юстиция, 2016. 252 с.
- Мурашкин И.Ю. Истина в уголовном судопроизводстве // Вестник Омского юридического института. 2011. № 3. С. 54–56.
- Либус И.А. Презумпция невиновности в советском уголовном процессе. Ташкент: Узбекистан, 1981. 136 с.

REFERENCES

- Smirnov A.V. *Formalnye sredstva dokazyvaniya v ugolovnom prave i protsesse* [Formal evidentiary facts in criminal law and procedure]. Moscow, Norma Publ., 2018. 240 p.
- RF. Draft federal law “On amendments being made to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the introduction of the institute of establishment of objective truth in a criminal case”. (In Russian)
- Bocharov T.Yu., Volkov V.V., Voskobitova L.A., Dmitrieva A.V., Smola A.A., Titaev K.D., Tsvetkov I.V. *Predlozheniya po sovershenstvovaniyu sudebnoy sistemy v Rossiyskoy Federatsii i izmeneniya normativnykh aktov v tselyakh ikh realizatsii* [The proposals for improving the judicial system in the Russian Federation and the amendments of normative acts with the purpose of their implementation]. Moscow, TsSR Publ., 2018. 116 p.
- Aleksandrov A.S. Criticism of the objective truth concept in criminal procedure. *Ugolovnyy protsess*, 2012, no. 6, pp. 66–73.
- Strogovich M.S. *Materialnaya istina i sudebnye dokazatelstva v sovetskom ugolovnom protsesse* [The material truth and judicial evidence in the Soviet criminal process]. Moscow, AN SSSR Publ., 1955. 384 p.
- Kolokolov N.A., ed. *Teoriya ugolovnogo protsessa: sostyazatel'nost'* [The theory of criminal process: competitiveness]. Moscow, YurLitinform Publ., 2013. Ch. 1, 368 p.
- Kolokolov N.A., ed. *Teoriya ugolovnogo protsessa: prezumptsii i preyuditsii* [The theory of the criminal procedure: presumptions and prejudices]. Moscow, YurLitinform Publ., 2012. 496 p.
- Vetrova G.N. To the question of differentiation of the criminal procedural from of pre-trial proceedings. *Gosudarstvo i pravo*, 2015, no. 3, pp. 37–50.
- Trubnikova T.V. Limitations to criminal procedure simplification. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2015, no. 12, pp. 131–139.

10. Yakulin V. Simplified forms of proceedings in the criminal procedure legislation of Slovenia. *Problemy ukrepleniya zakonnosti i pravoporyadka: nauka, praktika, tendentsii*, 2013, no. 6, pp. 387–395.
11. Dolya E.A. On the question of the truth in criminal proceedings of Russia. *Rossiyskiy sledovatel*, 2011, no. 22, pp. 9–13.
12. Dolya E.A. The problems of truth in contemporary criminal proceedings. *Sovremennye problemy razvitiya ugolovnoy protsessy, kriminalistiki, operativno-rozysknoy deyatelnosti: sbornik trudov konferentsii*. Moscow, Akademiya Generalnoy prokuratury RF Publ., 2013, pp. 9–12.
13. Alekseev N.S., Daev V.G., Kokarev L.D. *Ocherk razvitiya nauki sovetskogo ugolovnoy protsessy* [Essay on the Development of the Soviet criminal procedure science]. Voronezh, Voronezh. un-t Publ., 1980. 252 p.
14. Zhogin N.V., ed. *Teoriya dokazatelstv v sovetskom ugolovnom protsesse* [The theory of evidence in the Soviet criminal trial]. 2nd ed., ispr. i dop. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1973. 736 p.
15. Rozin N.N. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal proceedings]. 2nd ed., izm. i dop. Sankt Petersburg, Izd. yurid. kn. sklada «Pravo» Publ., 1914. 603 p.
16. Dukhovskoy M.V. *Russkiy ugolovnyy protsess* [Russian criminal trial]. Moscow, Tip. A.P. Poplavskogo Publ., 1908. 288 p.
17. Statute of Criminal Procedure of 1864. *Klassika Rossiyskogo prava*. URL: civil.consultant.ru/sudeb_ustav/.
18. Kuvaldina Yu.V. *Kompromiss kak sposob razresheniya ugolovno-pravovykh konfliktov v Rossii* [Compromise as a method of resolution of criminal legal conflicts in Russia]. Moscow, Yustitsiya Publ., 2016. 252 p.
19. Murashkin I.Yu. The Truth in Criminal Proceedings. *Vestnik Omskogo yuridicheskogo institute*, 2011, no. 3, pp. 54–56.
20. Libus I.A. *Prezumpsiya nevinovnosti v sovetskom ugolovnom protsesse* [Presumption of innocence in Soviet criminal procedure]. Tashkent, Uzbekistan Publ., 1981. 136 p.

THE TRUTH AS A GROUND FOR THE DIFFERENTIATION OF A FORM OF ACTION

© 2018

V.A. Lazareva, Doctor of Sciences (Law), professor of Chair of Criminal Procedure and Criminal Science
Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)

Keywords: criminal proceeding; form of action; truth; proof proceeding; presumption of innocence; competitiveness.

Abstract: The paper considers the question of the role and nature of the truth in criminal procedure, in respect of which the arguments continue at present in the theory of criminal procedure law. However, the changes of fundamental principles of the criminal proceeding under the influence of the introduction of the adversarial principle and the principle of presumption of innocence in it cause the revision of the traditional wisdom both about the goal of criminal procedure and the ways of its achievement.

The differentiation of form of action is initially the differentiation of the goals and the proof proceeding based on the principle of presumption of innocence making the goals, rules and the result of evidence conditional on the position of a defendant. The differentiation of criminally-remedial form of action involves both the differences in the standards of proof and in the criteria of evaluation of a sentence as well. Based on the specified approach, the author formulates the proposals aimed at the overcoming of theoretic differences by standardization of the results of the criminally-remedial activities.

Despite the absence of the whole picture of reasons for the differentiation of criminally-remedial form, two relatively independent systems of criminal proceedings have been formed in Russia by now. As a major criterion that allows selecting the form of action efficient for a certain case, it is offered to consider the goal of the criminal proceeding – reaching the truth or compromise – depending on the position of a defendant. In the result of the study, the author makes the conclusion on how the differentiation of forms of action influences the implementation of the criminal proceeding principles. The paper shows that the modern system of criminal proceeding of Russia cannot be described without simplified procedures.

**ГОСУДАРСТВО, ПРАВО И САМОУПРАВЛЕНИЕ ВО ВЗГЛЯДАХ ТЕОРЕТИКОВ
РОССИЙСКОГО АНАРХИЗМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

© 2018

И.А. Прохоренко, кандидат исторических наук, доцент
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: государство; право; самоуправление; анархизм; анархо-синдикализм; коммуна; М.А. Бакунин; П.А. Кропоткин; Д. Новомирский.

Аннотация: Проблема существования самоуправления и его роли в государстве затрагивается во всех политических теориях, концепциях и учениях, начиная с глубокой древности, являясь актуальной и в наши дни. В данной статье проводится анализ взглядов основоположников российского анархизма М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина на роль государства и самоуправляющихся коммун, продолженные представителем анархо-синдикализма Д. Новомирским. Статья содержит проблемно-хронологический анализ литературы, посвященной данной проблеме. Отмечаются недостаточно исследованные области, касающиеся изучения регуляторов общественных отношений в безгосударственном обществе анархистов. В статье раскрываются истоки отрицания государства и права теоретиками анархизма, которые связывали существование государства с необходимостью юридической и силовой защиты собственности. Отмечается, что в работах М.А. Бакунина нет четкой картины будущего устройства общества, лишь приблизительное описание объединения снизу доверху самоуправляющихся коммун. Раскрывается развитие этих идей в работах П.А. Кропоткина, дающего более детальное описание анархического общества. Раскрывается отношение самоуправляющихся коммун к асоциальным элементам как к большим людям, имеющим в то же время право на жизнь. В обществе анархистов не должно быть страха перед наказанием. В статье рассматривается эволюция идей безгосударственного устройства под влиянием развития промышленности и роста рабочего класса, вызвавшего появление такой его разновидности как анархо-синдикализм. Отмечается специфика взглядов этого направления в анархизме на проблему создания самоуправляющихся коммун. Говорится о новом видении картины общественного устройства, связанного с профсоюзами, их ролью в организации производства. Выделяется преувеличение сознательности и добровольности в соблюдении норм межличностных отношений и отношения к труду. Выявлено значение взаимных договоров, основанных на равенстве, а также третейских судов и координирующих органов. Выявлено, что главным принципом в деятельности коммун является принципу невмешательства во внутренние дела других коммун.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы соотношения самоуправленческих начал и централизованной государственной власти на протяжении многих столетий волновали мыслителей, отражаясь в идеях, теориях и трудах представителей различных социальных и политических движений, групп, группировок и партий. В общественной мысли всегда существовали представления об обществе, основанном на коллективном управлении с участием граждан в решении важнейших государственных вопросов.

На рубеже XIX–XX веков в связи с развернувшейся в России модернизацией, затрагивавшей и политическую сферу, начинается процесс формирования партий и движений. Вопрос о роле самоуправления в государстве звучит в диспутах, находит отражение в программных документах партий и работах партийных теоретиков. Развитие взглядов на соотношение самоуправленческих и государственных начал, роль регуляторов общественных отношений среди людей вследствие множества конкретно-исторических причин существенно отличалась от теоретического идеала, заложенного в программных документах и работах политических партий, течений и движений. В российской науке накоплен значительный пласт исследований, посвященных изучению наследия российского анархизма. Однако оценка теоретических построений анархистов напрямую связана с развитием науки в целом, и политической ситуацией в стране. Характерной чертой для работ, созданных в первые десятилетия XX века, является изложение программных положений

тех или иных партий [1–3] и некоторая попытка их систематизации [4–6].

Работы советских ученых последующих десятилетий характеризует классовый подход, значительная часть из них в той или иной степени были написаны в соответствии с духом сталинского «Краткого курса истории ВКП (б)», что являлось обязательным для этого периода [7; 8]. В то же время несомненным достижением этих исследователей следует считать введение в научный оборот обширного фактического материала, раскрывающего деятельность политических партий и течений, существовавших в России в начале XX века [9; 10].

В конце XX в. в связи с изменениями, произошедшими в России, исследователи получили доступ к архивным материалам, касающимся различных политических партий, позволяющим объективно оценить программы и деятельность политических партий и течений. В результате исследований появилось множество статей, посвященных как истории отдельных партий, так и их лидерам [11–13]. Однако в этих работах не рассматривалась проблема соотношения государственных и самоуправленческих начал, не изучались вопросы, связанные с регуляторами общественных отношений в будущем самоуправленческом обществе анархистов [14–16]. Проблема соотношения управления и самоуправления, всегда была и будет актуальной, так как грамотное решение этой проблемы, на наш взгляд, ведет к снижению социальной напряженности.

Цель исследования – выявление соотношения самоуправленческих начал и регуляторов общественных отношений в идеях теоретиков российского анархизма с применением проблемно-хронологического и сопоставительного методов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема государства, его институтов, в том числе права, и самоуправления занимает центральное место в идеях анархизма, одними из основателей которого считают М.А. Бакунина и П.А. Кропоткина. Основополагающими принципами анархизма являются стремление к свободе и отрицание любой роли государства в будущем общественном устройстве. М.А. Бакунин провозглашал, что целью «социальных революционеров» является разрушение государства, так как пока существует государственность в любом виде русский народ «будет нищим рабом» [17, с. 299]. П.А. Кропоткин писал, то «...анархист отрицает не только все существующие законы, но и всякую возможность власти и авторитета» [18, с. 52].

М.А. Бакунин считал, что государство не может предоставить народу необходимой свободы, так как, по его мнению, даже самое либеральное и демократическое, оно все равно является тюрьмой. Государство основано «на господстве, на насилии, т. е. на деспотизме, скрытом... но тем более опасном» [17, с. 326]. Он противопоставляет народ и государство. Народ стремится к свободе, волной организации снизу вверх, а государство представляет собой тюрьму. «Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; государство без рабства, открытого или маскированного, немыслимо – вот почему мы враги государства» [17, с. 482].

Подобные идеи о роли государства пропагандировал и Кропоткин, считавший государство «вредной и бесполезной надстройкой» [19, с. 360]. Цель государства состоит в том, чтобы подчинить своим законам все проявления человеческой деятельности, не останавливаясь ни перед какими преградами. «...все виды политической власти, несмотря на их красивые названия, основаны на господстве сильного, возведенном в систему, на разврате, на подавлении всякой свободы, всякого прогресса...» [20, с. 3].

П.А. Кропоткин отмечал огромную роль воспитания и образования в деле приучения людей к мысли о спасительной роли государственных институтов, которая привела их к ошибочной, по его мнению, идее, что «если бы не постоянная бдительность полиции и властей, то люди перегрызли бы, как дикие звери, и что если бы государственная власть вдруг рухнула, то на земле водворился бы полный хаос» [21, с. 137].

М.А. Бакунин не стремился специально разработать идеал будущего общественного устройства. Оба теоретика российского анархизма неоднократно в своих трудах подчеркивали, что никакая наука не может выработать формы будущего общественного устройства, это будет сделано только посредством народного творчества. Бакунин отмечал, что в глубинах пролетариата появилось направление, которое стремится к уничтожению эксплуатации и политического или юридического насилия, т. е. к уничтожению государства.

У него можно найти лишь приблизительную картину будущего общества, это будет «вольное устройство

народной жизни сообразно народным потребностям... снизу вверх... вольный союз земледельческих и фабричных рабочих товариществ, общин, областей и народов...» [17, с. 324.]. С точки зрения М.А. Бакунина основой самоуправления является отрицание парламентаризма и замена его принципом «революционного делегирования», когда координирующие органы создаются местными структурами и не могут вмешиваться во внутренние дела создающих их групп [11, с. 72].

П.А. Кропоткин уделил большее внимание программе построения нового вольного общества. Главное в этом вопросе заключается в правильном перераспределении созданных материальных благ. Перераспределение должно совершиться народной социальной революцией при помощи экспроприации. «Только полная экспроприация может удовлетворить всех страждущих и угнетенных...» [18, с. 174]. В результате общественной собственностью станут не только предприятия и земля, но и все «жизненные припасы».

П.А. Кропоткин показывает картину общества, основанного на свободе, равенстве и взаимном договоре. Оно будет представлять собой федерацию независимых общин или коммун, связанных лишь взаимным договором или временным соглашением. «Это общество будет состоять из множества союзов, объединенных между собой для всех целей, требующих объединения, – из промышленных федераций для всякого рода производства... из потребительских общин» [18, с. 378].

П.А. Кропоткин выделял три вида коллективов, которые могли охватить все сферы жизни, и таким образом, удовлетворяли все общественные потребности. Первый вид – это сельские и городские общины, связанные по месту жительства их членов; второй вид – профессиональные союзы, объединяющие людей по роду их деятельности. К третьему виду, Кропоткин относил союзы, которые объединяют людей в соответствии с их интересами (умственными, художественными и т. д.). Эти союзы или общины, охватывающие одну или несколько стран, будут объединяться между собой по свободному соглашению.

Общество будущего, по мнению Кропоткина, будет все время изменяться в результате своего развития. В нем появится полная свобода для расцвета новых форм производства и различных организаций, будет поощряться личная инициатива, а стремление к однородности и централизации – подавляться. Кропоткин считал, что в таком обществе исчезнут противоречия: «случаи столкновений неизбежно уменьшатся, а те, которые будут возникать, могут разрешаться третейским судом» [22, с. 379].

В будущем коммунистическом обществе не будет государственного закона, суда, страха перед наказанием. Если какой-либо член общины не желает работать в ней, то ему следует предоставить право искать ту работу, которая была бы ему по душе, при условии, что эта работа приносит пользу другим. В противном случае ему будет обеспечен лишь минимум материальных благ. С этим человеком будут поступать как с больным, предоставляя ему лишь то, что необходимо для поддержания жизни, т. к. как и все люди, он имеет право на жизнь. Вместо тюрем для тех, кто совершает противобщественные поступки, по мнению Кропоткина, будут существовать больницы. Однако таких асоциальных

людей, будет немного, так как собственность всех на общественные блага, обеспечение довольства для всех, перестройка условий жизни приведут к радикальному изменению природы человека.

Анархизм никогда не был однородным политическим движением. В нем всегда существовало огромное количество течений. Одним из них был анархо-синдикализм, появившийся в России в начале XX века. Характерной чертой анархо-синдикализма является идея опоры на профсоюзы, которые анархо-синдикалисты рассматривают как высшую форму организации рабочих.

Анархо-синдикалисты также являлись противниками государства. Д. Новомирский связывал возникновение и развитие государства с потребностями господствующего класса охранять свою собственность и привилегии: «Государство это организация для охраны существующей формы собственности, т. е. данной формы эксплуатации» [23, с. 18]. Новомирский считал, что государство выполняет в истории исключительно консервативную роль.

Идеалом будущего общественного устройства Новомирский считает союз свободных рабочих ассоциаций. Огромное значение для построения нового общества имеют синдикаты. Именно они и должны осуществить капитализма к коммунизму. «Федерация синдикатов овладевает орудиями труда и организует производство и обмен на коммунистических началах» [24, с. 20]. Эта роль профсоюзов связана с тем, что они являются организацией рабочих, занимающих одинаковое положение в производственном процессе. Профсоюзы занимаются вопросами, связанными с организацией труда рабочих, поэтому они могут взять на себя и все функции по организации производства. Новомирский весьма патетично спрашивал, «почему капиталисты могут прекрасно регулировать производство без помощи, иногда и за спиной государства, посредством простых договоров, а рабочие ассоциации этого не смогут сделать?» [23, с. 24].

Переход к новому обществу должен начинаться в каждом городе, каждой деревне с провозглашения Коммуны – союза всех свободных рабочих ассоциаций. Городская Коммуна заключает союз с окрестными сельскими Коммунами, а затем может вступать и в национальные или международные федерации.

Следовательно, в будущем общество будет состоять из огромного количества свободных союзов, объединенных в федерации. Каждая федерация будет являться собственником средств производства и продуктов труда. Собственность на орудия производства будет общая, они будут принадлежать рабочим данного союза. «С течением времени эта федерация станет всемирной, тогда все средства труда станут собственностью всего человечества» [24, с. 45].

Основой общественной жизни в таком обществе будет коллективная работа. Общество будет свободным сотрудничеством. Отмечая свободу в такой Анархической Коммуне, Новомирский отмечал ограничение свободы интересами коллективного производства. «Только индивидуальное производство и индивидуальное распределение может служить базой полной свободы личности» [24, с. 19].

ВЫВОДЫ

В результате анализа программных работ теоретиков российского анархизма можно сделать следующие выводы:

1) Анархизм полностью отрицает любую форму государственного устройства общества и юридически закреплённых основ регулирования общественных отношений.

2) В работах российских анархистов различных течений нет детальной картины будущего общественного устройства.

3) Анархисты преувеличивали сознательность и добровольность в человеческой деятельности.

4) Будущее общество должно быть основано на добровольных соглашениях между отдельными личностями и между отдельными коммунами. Каких-либо принудительных инструментов для регулирования отношений не предусматривалось.

5) Регуляторами общественных отношений анархисты полагали взаимные договоры, основанные на равенстве, третейские суды и координирующие органы, созданные по принципу невмешательства во внутренние дела коммун.

Таким образом, анархисты в своих работах и идейных воззваниях предлагали наиболее радикальный вариант общественного развития. Они не брали в расчет все увеличивающуюся по мере развития человечества сложность структуры общества и отношений внутри него между отдельными социальными классами, группами, стратами, народами и этносами. Не учитывали и специфики человеческой природы, которая делает необходимым существование государства и права, их регулирующей и стабилизирующей роли. Но они ставили очень важные и нужные вопросы о правах личности, в том и числе и основополагающем праве на жизнь, качественном и количественном разграничении между правами и обязанностями отдельного индивидуума и обязанностях общества по защите этих прав и свобод.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Изгоев А.С. Наши политические партии. Петроград: Синодальная Типография, 1917. 44 с.
2. Велихов Л. Сравнительная таблица русских политических партий. Систематизация современных политических направлений. СПб.: Американская книгопечатня, 1906. 1 скл. табл.
3. Велихов Л. Сравнительная таблица русских политических партий. Ч. II. Новые партии и союзы. СПб.: Север, 1906. 1 скл. табл.
4. Горев Б.И. Анархисты, максималисты и махаевцы. Анархические течения в первой русской революции. М.: Книга, 1918. 69 с.
5. Плеханов Г.В. Анархизм и социализм // Сочинения. Т. IV. М.: Госиздат, 1923. С. 1–54.
6. Святловский В.В. Очерки по анархизму. Петроград: Гос. изд-во, 1922. 72 с.
7. Ярославский Е. Анархизм в России. М.: Госполитиздат, 1939. 116 с.
8. Комин В. Анархизм в России. Калинин: Гос. пед. ин-т, 1969. 244 с.
9. Канев С.Н. Октябрьская революция и крах анархизма. Борьба партии большевиков против анархизма. 1917–1922 годы. М.: Мысль, 1974. 431 с.

10. Канев С.Н. Революция и анархизм: из истории борьбы революционных демократов и большевиков против анархизма. 1870–1917 годы. М.: Мысль, 1987. 328 с.
11. Борисенко Ю.А., Олейников Д.И. Михаил Александрович Бакунин // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 55–76.
12. Блауберг И.И. Анархизм: что мы о нем знаем? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 165–170.
13. Лебедева Т.П. К проблеме анализа некоторых идей теоретиков анархизма // Социально-политические науки. 1990. № 8. С. 96–105.
14. Пирумова Н. Мятежный князь // Аргументы и факты. 1990. № 40.
15. Твардовская В.А., Итенберг Б.С. К. Маркс и М.А. Бакунин: борьба идей и амбиций // Новая и новейшая история. 1997. № 3. С. 58–77.
16. Шубин А.К. безвластие через самоорганизацию трудящихся – лозунг русских анархистов // Наука и жизнь. 1991. № 5. С. 34–53.
17. Бакунин М.А. Государственность и анархия // Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. С. 291–527.
18. Кропоткин П.А. Речи бунтовщика. СПб.: Редактор-издатель Валерий Бродский, 1906. 178 с.
19. Кропоткин П.А. Современная наука и анархия // Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990. С. 320–642.
20. Кропоткин П.А. Представительное государство. М.: Своб. Коммуна, 1908. 15 с.
21. Кропоткин П.А. Хлеб и воля // Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М.: Правда, 1990. С. 3–319.
22. Кропоткин П.А. Записки революционера. М.: Мысль, 1990. 526 с.
23. Новомирский Д. Манифест анархистов-коммунистов. М.: Московская федерация анархических групп, 1918. 33 с.
24. Новомирский Д. Из программы синдикального анархизма. Одесса: Голос труда, 1907. 96 с.
5. Plekhanov G.V. Anarchism and Socialism. *Sochineniya*. Moscow, Gosizdat Publ., 1923. Vol. IV, pp. 1–54.
6. Svyatlovskiy V.V. *Ocherki po anarkhizmu* [Essays on Anarchism]. Petrograd, Gos. izd-vo Publ., 1922. 72 p.
7. Yaroslavskiy E. *Anarkhizm v Rossii* [Anarchism in Russia]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1939. 116 p.
8. Komin V. *Anarkhizm v Rossii* [Anarchism in Russia]. Kalinin, Gos. ped. in-t Publ., 1969. 244 p.
9. Kanev S.N. *Oktyabrskaya revolyutsiya i krakh anarkhizma. Borba partii bolshevikov protiv anarkhizma. 1917–1922 gody* [October revolution and the failure of anarchism. The struggle of party of bolsheviks against anarchism. 1917–1922]. Moscow, Mysl' Publ., 1974. 431 p.
10. Kanev S.N. *Revolutsiya i anarkhizm: iz istorii borby revolyutsionnykh demokratov i bolshevikov protiv anarkhizma. 1870–1917 gody* [Revolution and anarchism: excerpts on the history of the struggle of the revolutionary democrats and bolsheviks against anarchism. 1870–1917]. Moscow, Mysl' Publ., 1987. 328 p.
11. Borisenok Yu.A., Oleynikov D.I. Mikhail Aleksandrovich Bakunin. *Voprosy istorii*, 1994, no. 3, pp. 55–76.
12. Blauberger I.I. Anarchism: what do we know about it? *Voprosy filosofii*, 1990, no. 3, pp. 165–170.
13. Lebedeva T.P. On the problem of the analysis of some ideas of the anarchism theoreticians. *Sotsialno-politicheskie nauki*, 1990, no. 8, pp. 96–105.
14. Pirumova N. The rebellious prince. *Argumenty i fakty*, 1990, no. 40.
15. Tvardovskaya V.A., Itenberg B.S. K. Marx and M.A. Bakunin: the struggle of ideas and ambitions. *Novaya i noveyshaya istoriya*, 1997, no. 3, pp. 58–77.
16. Shubin A. To the anarchy through the self-organization of working people – the slogan of Russian anarchists. *Nauka i zhizn'*, 1991, no. 5, pp. 34–53.
17. Bakunin M.A. Statehood and anarchy. *Filosofiya. Sotsiologiya. Politika*. Moscow, Pravda Publ., 1989, pp. 291–527.
18. Kropotkin P.A. *Rechi buntovshchika* [Speeches of a rebel]. Sankt Petersburg, Redaktor-izdatel Valeriy Brodskiy Publ., 1906. 178 p.
19. Kropotkin P.A. Modern science and anarchy. *Khleb i volya. Sovremennaya nauka i anarkhiya*. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 320–642.
20. Kropotkin P.A. *Predstavitelnoe gosudarstvo* [A representative state]. Moscow, Svob. Kommuna Publ., 1908. 15 p.
21. Kropotkin P.A. Bread and Will. *Khleb i volya. Sovremennaya nauka i anarkhiya*. Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 3–319.
22. Kropotkin P.A. *Zapiski revolyutsionera* [Notes of a revolutionary]. Moscow, Mysl' Publ., 1990. 526 p.
23. Novomirskiy D. *Manifest anarkhistov-kommunistov* [Manifesto of Communist anarchists]. Moscow, Moskovskaya federatsiya anarkhicheskikh grupp Publ., 1918. 33 p.
24. Novomirskiy D. *Iz programmy sindikalnogo anarkhizma* [From the program of syndical anarchism]. Odessa, Golos truda Publ., 1907. 96 p.

REFERENCES

1. Izgoev A.S. *Nashi politicheskie partii* [Our political parties]. Petrograd, Sinodalnaya Tipografiya Publ., 1917. 44 p.
2. Velikhov L. *Sravnitel'naya tablitsa russkikh politicheskikh partiy. Opyt sistematizatsii sovremennykh politicheskikh napravleniy* [Comparative table of Russian political parties. The experience of systematization of modern political trends]. Sankt Petersburg, Amerikanskaya knigopечатnaya Publ., 1906. 1 skl. tabl.
3. Velikhov L. *Sravnitel'naya tablitsa russkikh politicheskikh partiy. Novye partii i soyuzy* [Comparative table of Russian political parties. New parties and unions]. Sankt Petersburg, Sever Publ., 1906. Ch. 2, 1 skl. tabl.
4. Gorev B.I. *Anarkhisty, maksimalisty i makhaevtsy. Anarkhicheskie techeniya v pervoy russkoy revolyutsii* [Anarchists, maximalists and "makhaevists". Anarchic trends in the first Russian revolution]. Moscow, Kniga Publ., 1918. 69 p.

STATE, LAW, AND SELF-GOVERNMENT IN THE VIEWS OF THEORETICIANS
OF RUSSIAN ANARCHISM OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

© 2018

I.A. Prokhorenko, PhD (History), assistant professor of Chair of Theory and History of State and Law
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: state; law; self-government; anarchism; anarcho-syndicalism; commune; M.A. Bakunin; P.A. Kropotkin; D. Novomirsky.

Abstract: The issue of self-government and its role in the state is addressed in all political theories, concepts, and doctrines starting from the extreme antiquity and is important nowadays as well. The author of this paper carries out the analysis of the views of Russian anarchism originators M.A. Bakunin and P.A. Kropotkin on the role of the state and self-governing communes that were followed by the anarcho-syndicalism representative D. Novomirsky. The paper contains the problematic-chronological analysis of the literature covering this problem. The author indicates not adequately investigated spheres concerning the study of regulators of social relations in a nonstate community of anarchists. The paper reveals the sources of the negation of state and law by the anarchism theoreticians who proved that the existence of a state was caused by the necessity of legal and powerful defense of the property. It is noted that the works of M.A. Bakunin do not demonstrate a clear image of the future arrangement of the society, but only a rough description of the uniting from top to bottom of self-governing communes. The paper reveals the development of these ideas in the works of P.A. Kropotkin who gave the detailed description of the anarchistic community and the attitude of self-governing communes to the asocial elements as to ill people who however have the right to life. The community of anarchists should not have fear to be punished. The paper considers the evolution of the ideas of nonstate arrangement under the influence of the development of industry and the growth of working class that caused the formation of such its variant as the anarcho-syndicalism. The author notes the specificity of the views of this trend in anarchism on the problem of creation of self-governing communes, writes about a new vision of the community arrangement caused by trade unions and their role in the industrial management. The exaggeration of awareness and voluntariness in observing the regulations of the interpersonal relations and attitude toward labor is highlighted. The author determines the importance of mutual agreements based on the equity as well as the arbitration court and coordinating authorities. It is specified that the main principle in the communes' activity is the principle of non-intervention in the internal affairs of other communes.

**К ВОПРОСУ ОБ ИТОВОМ СУДЕБНОМ РЕШЕНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ
В ОТНОШЕНИИ УМЕРШЕГО**

© 2018

А.Р. Тахаутдинова, доцент кафедры «Уголовное право и процесс»
Ю.О. Мецержакова, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: уголовное дело в отношении умершего; уголовное судопроизводство; умерший подсудимый; уголовный процесс; прекращение уголовного дела.

Аннотация: Актуальность настоящей статьи обусловлена наличием пробелов в правовом регулировании порядка производства по уголовному делу в условиях смерти подсудимого. Объектом исследования являются формы итоговых решений, принимаемых судом по уголовному делу в отношении умершего подсудимого. В основу исследования положена позиция Конституционного Суда РФ, высказанная им в Постановлении от 14.07.2011 N 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко».

В статье рассмотрена сущность оправдательного и обвинительного приговора как итогового судебного решения, разрешающего вопрос о виновности подсудимого. Особое внимание обращено на сущность постановления о прекращении уголовного дела как итогового судебного акта, а также на условия его вынесения по нереабилитирующим основаниям. Возможность вынесения судом по уголовному делу в отношении умершего приговора или постановления о прекращении уголовного дела рассмотрена в работе в свете принципа презумпции невиновности. По результатам исследования сделан вывод о том, что при установлении в ходе судебного разбирательства по уголовному делу виновности умершего подсудимого подлежит постановлению обвинительный приговор без назначения наказания, поскольку со смертью общественная опасность лица утрачивается, а применение к нему наказания становится невозможным. Вместе с тем, не подтверждение виновности умершего в ходе судебного разбирательства указывает на необходимость постановления оправдательного приговора.

ВВЕДЕНИЕ

При рассмотрении жалобы С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко на несоответствие Конституции РФ положений п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ Конституционный Суд РФ разъяснил, что оспариваемые положения ст. 24 УПК РФ не соответствуют Конституции РФ, поскольку не позволяют близким родственникам умершего подозреваемого (обвиняемого) настаивать на продолжении производства по уголовному делу в отношении умершего [1].

Уголовно-процессуальный закон не устанавливает процедуру производства по уголовному делу в отношении умершего, хотя очевидно, что данное производство имеет свои особенности в виду отсутствия субъекта, подлежащего привлечению к уголовной ответственности.

Вопросы уголовного судопроизводства в отношении умершего подозреваемого (обвиняемого) в юридической литературе ранее не поднимались и не исследовались. Однако данные уголовной статистики свидетельствуют об актуальности рассмотрения вопроса о порядке производства по уголовному делу в отношении умершего. Так, в 2017г. по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в России было прекращено 15031 уголовных дела, что составляет 7,4 % от общего числа уголовных дел, прекращенных по нереабилитирующим основаниям. Результаты изучения судебной практики показали, что ежегодно в районных судах Самарской области на основании п.4 ч.1 ст.24 УПК РФ прекращается порядка 5 % уголовных дел.

Цель работы – рассмотрение вопроса о форме итогового судебного решения по уголовному делу в отношении умершего.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Вопрос о форме окончания судебного рассмотрения уголовного дела в отношении умершего в юридической литературе является дискуссионным, по нему выражены две основные точки зрения.

Сторонники первой считают, что по итогам судебного разбирательства в отношении умершего, точно также, как и в случае прижизненного осуждения подлежит вынесению оправдательный или обвинительных приговор, поскольку производство по уголовному делу в отношении умершего в случае наличия возражений его близких родственников и других заинтересованных лиц предполагает разрешение вопроса о виновности умершего по существу. Эту позицию поддерживают многие процессуалисты, однако со своими нюансами в том числе Е.Г. Бендерская, Л.В. Головкин [2; 3].

Несколько иную позицию занимает Верховный Суд РФ. В соответствии с его разъяснениями по уголовному делу в отношении умершего могут быть вынесены либо оправдательный приговор, либо постановление о прекращении уголовного дела [4]. При этом Верховный Суд РФ указал, что постановление о прекращении уголовного дела на основании ст. 254 УПК РФ может быть вынесено при условии установления вины умершего в совершении преступления. Для разрешения вопроса о форме окончания судебного разбирательства в отношении умершего необходимо проанализировать виды процессуальных решений, которые могут быть приняты судом по уголовному делу в отношении умершего.

В уголовном судопроизводстве выделяют три вида решений: приговор, постановление, определение. Различие указанных актов состоит в юридических последствиях их постановления.

Основным итоговым решением суда первой инстанции является приговор. Рассмотрение большинства уголовных дел заканчивается именно постановлением приговора. Приговор – это решение о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении его от наказания, вынесенное судом первой или апелляционной инстанции (п. 28 ст. 5 УПК РФ).

В энциклопедической литературе термин «приговор» трактуется по-разному. Так в Юридической энциклопедии под приговором понимается вынесенное по результатам судебного разбирательства решение, констатирующее виновность или невиновность подсудимого, устанавливающее наказание и иные правовые последствия [5].

В юридическом словаре О.Е. Кутафина приговор определяется как акт правосудия по уголовному делу, вынесенный и провозглашенный от имени государства и завершающий судебное производство по уголовному делу [6].

Анализ законодательного определения приговора, юридической литературы и разъяснений высших судов позволил нам выделить ряд основных признаков приговора выделяющих его из числа иных итоговых процессуальных актов. Так, приговор как процессуальный акт обладает следующими основными признаками: 1) постановляется только от имени Российской Федерации судом первой или апелляционной инстанции; 2) является окончательным судебным решением, которым дело разрешается по существу; 3) постановляется с целью разрешения вопроса о виновности подсудимого и назначения наказания или освобождения от него. Выделяются и иные признаки приговора [7].

В юридической литературе предлагаются различные классификации приговоров [8; 9]. Не вдаваясь в рассмотрение вопроса об основаниях классификации и видах приговоров, остановимся лишь на законодательном делении приговоров на обвинительные и оправдательные.

Случаи постановления оправдательного приговора перечислены в ч.2 ст. 302 УПК РФ. В соответствии с принципом презумпции невиновности постановление оправдательного приговора возможно в случае недоказанности его вины в совершении преступления. Аналогичная точка зрения выражена и в юридической литературе [10].

В отличие от оправдательного, обвинительный приговор, напротив, может быть постановлен лишь в случае подтвержденности вины подсудимого собранными по делу доказательствами. В основание обвинительного приговора должна быть положена совокупность доказательств, исследованных в ходе судебного разбирательства и признанных судом достаточными для вывода о виновности подсудимого. При этом в зависимости от обстоятельств дела может быть постановлен один из видов обвинительного приговора, указанных в ч. 5 ст. 302 УПК РФ.

Важно отметить, что как оправдательный, так и обвинительный приговор постановляется в случае разрешения вопроса о виновности подсудимого в совершении инкриминируемого ему деяния, и является итогом рассмотрения вопроса о виновности. Главным содержанием и обвинительного и оправдательного приговора

является именно разрешение вопроса о виновности подсудимого. Положения п. 28 ст. 5 УПК РФ прямо указывают на то, что приговор постановляется с целью утверждения вины подсудимого или его невиновности. Никакой иной акт не может устанавливать виновность подсудимого, этим приговор отличается от всех иных процессуальных актов [7; 11].

Вынесение постановления о прекращении уголовного дела также является формой окончания судебного производства по уголовному делу [12; 13]. А.Я. Дубинский отмечал, что при принятии решения о прекращении уголовного судопроизводства, судом также осуществляется систематизация и оценка собранных по делу доказательств и формируются выводы по существу дела [14]. В.А. Михайлов указывает, что постановлением о прекращении уголовного дела оно также разрешается по существу [15]. С изложенными мнениями невозможно не согласиться. Несомненно, постановление о прекращении уголовного дела также как и приговор играет роль итогового процессуального акта. Однако правовые последствия вынесения постановления о прекращении уголовного дела и приговора суда отличаются.

В то же время прекращение уголовного дела по не реабилитирующим основаниям не означает признание лица виновным. Признание лица, обвиненного в совершении преступления, виновным по смыслу ст. 49 Конституции РФ, есть результат опровержения презумпции невиновности в открытом состязании равноправных сторон, при прекращении уголовного дела необходимость опровержения презумпции невиновности отсутствует. Здесь нет официального признания лица виновным в совершении преступления. Субъект, принимающий решение об освобождении от уголовной ответственности без проведения полноценного судебного разбирательства, полагаясь на подтверждающие обвинение доказательства и согласие обвиняемого, предполагает обвиняемого виновным, но презумпция невиновности остается непровергнутой. Тем не менее, прекращение уголовного дела по не реабилитирующим основаниям, в том числе в связи со смертью подсудимого, предполагает установление факта совершения конкретным лицом преступления и его согласие с данным выводом.

Сущность постановления о прекращении уголовного дела заключается в том, что оно констатирует отсутствие оснований для привлечения к уголовной ответственности и назначения наказания [16].

Таким образом, в случае если близкими родственниками умершего были заявлены возражения против прекращения уголовного дела на основании п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, уголовное дело в отношении умершего подлежит рассмотрению судом по существу, т. е. должен быть разрешен вопрос о виновности умершего в совершении преступления, что означает необходимость вынесения по итогам рассмотрения уголовного дела приговора.

Данный вывод подтверждается и позицией Конституционного Суда РФ. При рассмотрении жалобы В.Ю. Глазкова и В.Н. Степанова, Конституционный Суд РФ отметил, что для принятия решения о прекращении производства по уголовному делу в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности требуется согласие подсудимого. Если подсудимый возражает против прекращения, судебное

разбирательство уголовного дела должно быть проведено в полном объеме. Суду следует установить и непосредственно исследовать все доказательства, представленные сторонами, и дать им правовую оценку. При этом если по итогам судебного рассмотрения уголовного дела вина подсудимого все-таки будет установлена, прекращение уголовного дела за истечением сроков давности уже становится невозможным, а суду следует вынести обвинительный приговор [17].

Представляется, что аналогичный подход может быть применен и при разрешении вопроса о форме итогового решения по уголовному делу в отношении умершего. Так, постановление о прекращении уголовного дела в отношении умершего может быть вынесено судом только при условии отсутствия возражений близких родственников умершего против прекращения уголовного дела в отношении умершего, а также при условии, что судом не будет усмотрено оснований для прекращения уголовного дела по иным основаниям.

Рассматривая вопрос о форме итогового судебного решения по уголовному делу в отношении умершего следует остановиться на рассмотрении еще одного вопроса. В силу того, что умерший как субъект права отсутствует, при условии установления судом его виновности в совершении преступления, назначение наказания умершему невозможно. Поэтому в отношении умершего, признанного судом виновным в совершении преступления подлежит постановлению приговор без назначения наказания (ч. 5 ст. 302 УПК РФ).

Однако некоторые процессуалисты считают невозможным постановление обвинительного приговора без назначения наказания, поскольку УПК РФ не определяет условий его постановления [18].

Основания постановления обвинительного приговора без назначения наказания определены в юридической литературе. Так, например, П.А. Лупинская к числу таких оснований относит утрату признака общественной опасности деянием или лицом его совершившим. В этом случае, по ее мнению, есть основания для признания подсудимого виновным, но нет необходимости в назначении ему наказания [19]. Аналогичное разъяснение дал Пленум Верховного Суда РФ [20].

ВЫВОДЫ

При установлении в ходе судебного разбирательства по уголовному делу виновности умершего подсудимого подлежит постановлению обвинительный приговор без назначения наказания, поскольку со смертью общественная опасность лица утрачивается, а применение к нему наказания становится невозможным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. РФ. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.И. Александрина и Ю.Ф. Ващенко» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: legalacts.ru/doc/Postanovlenie-KS-RF-16_P-ot-14_07_11/.
2. Бендерская Е.Г. Рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого: международно-правовое регулирование и законодательство европейских государств // Международное уголовное право и международная юстиция. 2009. № 4. С. 36–40.
3. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.
4. РФ. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 25 декабря 2012 г. № 52-О12-9 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 10.
5. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. М.: Юриформцентр, 2002. 927 с.
6. Юридический энциклопедический словарь / под ред. О.Е. Кутафина. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 558 с.
7. Бандурин С.Г., Громов Н.А., Ивенский А.И. Приговор итог правосудия // Российский судья. 2005. № 1. С. 34–37.
8. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. М.: Юридическая литература, 1976. 168 с.
9. Орлов А.В., Ивенский А.И. Многоосновная классификация приговоров // Российский судья. 2006. № 6. С. 8–12.
10. Вандышев В.В. Уголовный процесс. СПб.: Питер, 2002. 528 с.
11. Татьяна Л.Г. Особый порядок принятия судебного решения // Законность. 2003. № 12. С. 30–33.
12. Юридическая энциклопедия / под ред. Б.Н. Топорнина. М.: Юнити-Дана, 2001. 846 с.
13. Давыдов П.М., Мирский Д.Я. Прекращение уголовных дел в советском уголовном процессе. М.: Госюриздат, 1963. 99 с.
14. Дубинский А.Я. Прекращение уголовного дела в стадии предварительного расследования. Киев: КВШ МВД СССР, 1975. 132 с.
15. Михайлов В.А. Процессуальный порядок прекращения уголовных дел в стадии предварительного расследования. Волгоград: НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1970. 139 с.
16. Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н. Предварительное следствие в советском уголовном процессе. М.: Юридическая литература, 2005. 367 с.
17. РФ. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2017 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Ю. Глазкова и В.Н. Степанова» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: legalacts.ru/sud/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02032017-n-4-p/.
18. Бойков А.Д. Некоторые вопросы ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 8. С. 9–13.
19. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство и практика. М.: Юристъ, 2006. 174 с.

20. РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 "О судебном приговоре" // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: legalacts.ru/sud/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-29112016-n-55/.

REFERENCES

1. RF. The Resolution of Constitutional Court of the 14th of July 2011 No. 16-P "On the case of verification of the constitutionality of the provisions of paragraph 4 of the first part of Article 24 and paragraph 1 of Article 254 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure in connection with the complaints of citizens S.I. Aleksandrin and Yu.F. Vashchenko". (In Russian)
2. Benderskaya E.G. Consideration of Criminal Case Absente Reo: International Legal Regulation and Legislation of European Countries. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*, 2009, no. 4, pp. 34–40.
3. Golovko L.V., ed. *Kurs ugovnogo protsessa* [Criminal process]. 2nd izd., ispr. Moscow, Statut Publ., 2017. 1280 p.
4. The order of the Judicial Chamber on Criminal Cases of the Supreme Court of the RF dated the 25 of December 2012 № 52-O12-9. *Byulleten Verkhovnogo Suda RF*, 2013, no. 10.
5. Tikhomirova L.V., Tikhomirov M.Yu. *Yuridicheskaya entsiklopediya* [Juridical encyclopedia]. Moscow, Yurinformtsentr Publ., 2002. 927 p.
6. Kutafin O.E., ed. *Yuridicheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Encyclopaedic Dictionary of Law]. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2002. 558 p.
7. Bandurin S.G., Gromov N.A., Ivenskiy A.I. The verdict is the outcome of justice. *Rossiyskiy sudya*, 2005, no. 1, pp. 34–37.
8. Lupinskaya P.A. *Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve. Ikh vidy, sodержание i formy* [Decisions in Criminal Proceedings. Their Types, Forms and Content]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1976. 168 p.
9. Orlov A.V., Ivenskiy A.I. Multispecial classification of sentences. *Rossiyskiy sudya*, 2006, no. 6, pp. 8–12.
10. Vandyshev V.V. *Ugovnyy protsess* [Criminal Procedure]. Sankt Petersburg, Piter Publ., 2002. 528 p.
11. Tatyana L.G. Special procedure of making a judicial decision. *Zakonost'*, 2003, no. 12, pp. 30–33.
12. Topornina B.N., ed. *Yuridicheskaya entsiklopediya* [Juridical encyclopedia]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2001. 846 p.
13. Davydov P.M., Mirskiy D.Ya. *Prekrashchenie ugovnykh del v sovetskom ugovnom protsesse* [Termination of criminal cases in Soviet criminal proceeding]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1963. 99 p.
14. Dubinskiy A.Ya. *Prekrashchenie ugovnogo dela v stadii predvaritelnogo rassledovaniya* [Termination of criminal proceedings in the preliminary investigation stage]. Kiev, KVSh MVD SSSR Publ., 1975. 132 p.
15. Mikhaylov V.A. *Protseussualnyy poryadok prekrashcheniya ugovnykh del v stadii predvaritelnogo rassledovaniya* [Procedural order of termination of criminal cases at the preliminary investigation stage]. Volgograd, NIiRIO VSSh MVD SSSR Publ., 1970. 139 p.
16. Zhogin N.V., Fatkullin F.N. *Predvaritelnoe sledstvie v sovetskom ugovnom protsesse* [Preliminary investigation in the Soviet criminal procedure]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 2005. 367 p.
17. RF. The Resolution of the RF Constitutional Court dated the 2nd of February 2017 №4-P "On the case of verification of the constitutionality of the provisions of paragraph 3 of the first part of Article 24, paragraph 1 of Article 254 and part 8 of Article 302 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure in connection with the complaint of citizens V.Yu. Glazkov and V.N. Stepanov". (In Russian)
18. Boykov A.D. Certain issues of responsibility for misappropriation of state funds. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*, 2005, no. 8, pp. 9–13.
19. Lupinskaya P.A. *Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatelstvo i praktika* [Decisions in criminal justice: theory, law and practice]. Moscow, Yurist' Publ., 2006. 174 p.
20. RF. The Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated the 29th of November 2016 № 55 "On judicial judgment". (In Russian).

**THE QUESTION OF FINAL JUDGMENT
ON THE CRIMINAL CASE AGAINST THE DECEASED**

© 2018

A.R. Takhautdinova, the assistant professor of Chair “Criminal law and procedure”

J.O. Meshcheryakova, senior lecturer of Chair “Criminal law and procedure”

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: criminal case against the deceased; criminal proceedings; the deceased defendant; criminal procedure; termination of criminal case.

Abstract: The relevance of this paper is caused by the gaps in legal regulation of the arrangements for criminal proceedings within the conditions of the death of a defendant. The object of the study is the forms of final judgments taken by the court in a criminal case against a deceased defendant. The research is based on the position of the Russian Federation Constitutional Court expressed in its Resolution of the 14th of July 2011 No. 16-P “On the case of verification of the constitutionality of the provisions of paragraph 4 of the first part of Article 24 and paragraph 1 of Article 254 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure in connection with the complaints of citizens S.I. Aleksandrin and Yu.F. Vashchenko”. The paper considers the essence of the acquittal and conviction judgments as a final judicial decision resolving the question of a defendant's guilt. The authors pay special attention to the essence of the decision about the criminal case termination as the final judicial act, as well as to the conditions for its pronouncement based on the non-exonerating grounds. The possibility of rendering a judgment by the court on a criminal case against the deceased or a decision on termination of a criminal case is considered in terms of the principle of the presumption of innocence. According to the results of the study, the authors make the conclusion that when establishing the deceased defendant's guilt during a criminal trial, a conviction judgment without a punishment should be rendered, since the danger of a deceased person to the public is being lost with his or her death, and the application of a punishment to the deceased becomes impossible. However, no confirmation of guilt of the deceased during the trial indicates the necessity to deliver an acquittal judgment.

**ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ
СОБСТВЕННИКОВ МНОГОКВАРТИРНОГО ДОМА
В СВЕТЕ ПРИНЯТИЯ СТ. 181.5 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

© 2018

Е.В. Чукова, кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Предпринимательское и трудовое право»
Д.А. Купцов, магистрант
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: управляющая организация; собрание собственников; договор управления многоквартирным домом; ничтожность решений; недействительная сделка; ничтожная сделка; оспоримая сделка; срок исковой давности.

Аннотация: В статье исследуется проблема защиты прав и законных интересов собственников многоквартирного дома в свете принятия статьи 181.5 Гражданского кодекса Российской Федерации, входящей в состав «главы 9.1 решение собраний» Гражданского кодекса Российской Федерации, её применение, последствия применения судами указанной правовой нормы при защите собственниками многоквартирного дома нарушаемых прав и законных интересах, возникающих в результате проведения общедомовых собраний. Предметом исследования являются нормы гражданского и жилищного законодательства, закрепляющие недействительность решений собраний гражданско-правовых сообществ к коим относят собственников помещений в многоквартирных домах с учетом отведенного процессуальным законодательством времени на судебную защиту нарушенных прав и законных интересов.

Предмет исследования также составляют судебные акты судов общей юрисдикции и руководящие разъяснения Пленума Верховного Суд Российской Федерации по вопросам применения ст.181.5 Гражданского кодекса Российской Федерации во взаимосвязи со сроками исковой давности.

В рамках исследования использовался, прежде всего, формально-юридический метод, автор применял различные способы толкования гражданско-правовых норм. При проведении исследования нашел применение сравнительно-правовой метод, который выразился в сопоставлении положений различных нормативных правовых актов. Автором были применены философские категории общего, особенного и частного.

В результате проведенного исследования автором делаются выводы о том, каким образом суды общей юрисдикции истолковывают и применяют исследуемые правовые нормы. Автором также затрагиваются некоторые проблемы, связанные с перспективами совершенствования института нормативного регулирования в гражданском и жилищном праве.

ВВЕДЕНИЕ

Древнегреческий писатель и философ, общественный деятель Плутарх в конце I начале II века, писал: “Piscis primum a capite foetat”. Буквально переводится как: «Рыба начинает пахнуть с головы». В XXI веке данное выражение свою актуальность не потеряло и проверяется на примере законодательной инициативы, результатом которой является множество законопроектов и проектов постановлений [1]. К сожалению, скорость и качество таких инициатив у неподготовленного человека – собственника помещения в многоквартирном доме, может вызвать непонимание.

Р.С. Бевзенко описал 7 (семь) причин такого положения дел [2]:

во-первых, наше законодательство стало «событийным»;

во-вторых, отсутствует политическая конкуренция на всех уровнях общественной жизни;

в-третьих, неправильно устроен законодотворческий (и законодательный процесс). Мнение экспертного сообщества не стоит ничего, ведь они – эксперты – могут помешать угодить заказчику, «политическому» или «экономическому»;

в-четвертых, сильное лобби при принятии законодательной инициативы;

в-пятых, в России до сих пор работает «отсталая система государственного менеджмента», работающая по схеме «поручение – отчет об исполнении»;

в-шестых, законодотворчество все более и более основывается на постулате государственного вмешательства во все сферы жизни и деятельности;

в-седьмых, «махровый позитивизм» в сфере юридического образования.

Таким образом, можно предположить, в чьих интересах принимаются законы, и меняется, в ключевых вопросах, толкование правовых норм, а как следствие судебная практика.

В цепочке оказания коммунальных и жилищных услуг: «Потребитель» ↔ «Управляющая организация» ↔ «Ресурсоснабжающие организации» имеется субъект естественной монополии, в связи с чем, государство не может не учитывать интересы крупного бизнеса.

После распада СССР в конце 1991 года Российская Федерация была признана международным сообществом как государство-продолжатель Союза ССР. Примерно с этого времени возродился институт частной собственности. Основным документом о защите частной собственности является Конституция РФ [3], а также Гражданский Кодекс РФ, принятый государственной Думой 21 октября 1994 года [4].

В действующей редакции № 91 от 29.12.2017 года, Гражданский кодекс РФ имеет в своем содержании статьи 209 и 210, согласно которым, собственник имеет право владеть, распоряжаться, пользоваться своим имуществом, и он же, собственник, обязан нести бремя

его содержания, если иное не закреплено в законе или договоре.

С момента образования Российской Федерации как государства и по настоящее время прошло более 26 лет. Хотелось надеяться, что граждане нашего государства стали более юридически образованными людьми, а государство, в лице судов общей юрисдикции, более социально ориентированным.

Конституция РФ в статье 3 декларирует, что носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ. Жилищный Кодекс РФ [5] в ст. 44 закрепляет, что общее собрание собственников является высшим органом управления многоквартирным домом, к исключительной компетенции которого относится выбор способа управления многоквартирным домом. Таким образом, на собраниях собственников многоквартирных домов избирают управляющую организацию, согласовывают условия работы, права и обязанности сторон, цену договора управления многоквартирным домом и иные существенные и остальные условия договора.

Пункт 1 ст. 1 ГК РФ закрепляет свободу договора в качестве одного из начал гражданского законодательства. Статья 2 ГК РФ закрепляет определение предпринимательской деятельности как деятельности самостоятельной, основанной на риске, имеющей целью – систематическое извлечение прибыли лицами, зарегистрированными в установленном законом порядке.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 06 мая 2011 года №354 [6], под исполнителем понимается юридическое лицо любой организационно-правовой формы, ИП, которые предоставляют коммунальные услуги потребителю.

Согласно пункту №14 указанного постановления, управляющая организация, которую собственники многоквартирного дома выбрали для оказания им коммунальных услуг, приступает к их предоставлению либо с даты, указанной в решении общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме о выборе управляющей организации, либо со дня заключения договора управления многоквартирным домом.

Таким образом, жилищное законодательство предполагает, что жилищные услуги управляющей организацией населению оказываются в соответствии с нормами жилищного законодательства, где в обязательном порядке установлен обязательный минимальный объем оказываемых работ и услуг по цене не ниже, утвержденной муниципалитетом, с одной стороны. С другой стороны, учитывая свободу заключения договоров, установленную гражданским законодательством, законодатель предоставил самим гражданско-правовым сообществам избирать управляющую организацию, определять объемы оказываемые данной организацией услуг и работ и её цену.

Изложенное следует из положений подпункта 1.1. пункта 1 статьи 8 ГК РФ, в соответствии с которым гражданские права и обязанности возникают из оснований предусмотренных нормативными правовыми актами, а именно из решений собраний в случаях, предусмотренных законом.

Именно в указанной области происходит столкновение мнений различных субъектов, составляющих казалось-бы единое гражданско-правовое сообщество. От-

стаивание жилищных интересов каждого из собственников многоквартирного дома, в соответствии с действующим законодательством ложится на плечи каждого из собственников, обладающих такими юридическими категориями, как правоспособность и дееспособность.

Цель работы – формулирование понятия признания собрания недействительным в гражданском и жилищном законодательстве с целью защиты нарушаемых прав и законных интересов членов гражданско-правовых сообществ.

ЗАЩИТА ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ СОБСТВЕННИКОВ МНОГОКВАРТИРНОГО ДОМА

Защищать права и законные интересы можно двумя способами: в административном порядке путем направления жалоб и (или) обращений в органы Прокуратуры, Жилищного надзора, Полиции, муниципалитета, так и в судебном порядке, путем обращения в суды общей юрисдикции в соответствии с правилами подсудности и подведомственности. Второй вариант разрешает спор по существу окончательно и бесповоротно.

Одним из материально-правовых требований к инициативной группе гражданско-правового сообщества может являться требование о признании результатов общего собрания собственников многоквартирного дома, на котором принято решение о выборе (смене) способа управления многоквартирным – недействительным.

Нормы гражданского законодательства Российской Федерации говорят о том, что недействительным решением собрания может быть признано судом (оспоримое решение собрания), либо быть недействительным независимо от такого признания – (ничтожное решение собрания). Указанное положение отражено в диспозиции правовой нормы, закрепленной в ст. 166 ГК РФ.

Согласно статье 167 ГК РФ, недействительная сделка влечет только те последствия, которые связаны с ее недействительностью, и является таковой с момента ее совершения. Статья 181 ГК РФ устанавливает срок исковой давности в три года по требованиям о применении последствий недействительности ничтожной сделки и о признании сделки недействительной. Срок исковой давности по требованиям о признании оспоримой сделки недействительной и о применении последствий такой сделки более короткий – 1 год.

В 2015 году в Гражданский Кодекс РФ введена статья 181.5 ГК РФ, содержащая основания признания решения собрания недействительным по причине его ничтожности:

- 1) оно было принято по не включенному в повестку дня вопросу, кроме случаев, когда голосовали все участники;
- 2) оно было принято без наличия требуемого кворума;
- 3) оно было принято вне рамок компетенции собрания;
- 4) оно противоречит основам правопорядка или нравственности.

Таким образом, законодатель разграничивает основания ничтожности и оспоримости результатов собраний, а также разграничивает сроки для обращения в суд

с целью защиты прав и законных интересов по видам материально-правовых требований. Наличие пороков в проведенном собрании, перечисленных в ст. 181.5 ГК РФ приводит к ничтожности решений общего собрания, в силу чего, результаты указанных собраний являются недействительными.

Ничтожная сделка недействительна с момента ее совершения, то есть она изначально не порождает правовых последствий. Однако, нормы жилищного законодательства, являющиеся специальными по отношению к нормам ГК РФ, сокращают срок исковой давности до 6 (шести) месяцев.

Статья 46 Жилищного кодекса РФ устанавливает следующие сроки обжалования решения общего собрания собственников помещений многоквартирного дома собственником помещения в многоквартирном доме: в случае, если этот собственник не принимал участие в собрании или голосовал против принятия решения, если этим решением нарушены его права и интересы, он может подать заявление в суд в течение шести месяцев со дня, когда узнал или должен был узнать о решении.

Какими мотивами законодателя вызвано сокращение срока для обжалования решений общих собраний собственников многоквартирного дома до шести месяцев можно предположить, если обратиться к пояснительной записке к законопроекту, которым была введена новая редакция статьи 46 ЖК РФ. Хотя верно замечание Р.С. Бевзенко, указавшего, что сами пояснительные записки состоят из одного предложения, а потому выяснить действительный смысл законодателя весьма затруднительно.

Смеем предположить, что целью законодателя была идея максимально снизить нагрузку на суды, а также «легитимировать» решение собственников, пускай даже ничтожные, в интересах ресурсоснабжающих организаций, тем самым, придав правоотношениям большую определенность, нежели чем могло быть.

Логичным следствием изложенного является публикация Верховным Судом Российской Федерации руководящих разъяснений для нижестоящих судов, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». В п. 112 указанного постановления закреплено, что срок исковой давности для признания ничтожным решения собрания исчисляется по аналогии с правилами, установленными пунктом 5 статьи 181.4 ГК РФ [7].

Обратившись с п.5 ст. 181.4 ГК РФ, мы увидим, что решение собрания может быть оспорено в суде в течение шести месяцев со дня, когда лицо, права которого нарушены этим решением, узнало или должно было узнать об этом, но не позднее чем в течение двух лет со дня, когда сведения о принятом решении стали общедоступными. А это уже никак не три года, как указано в общей части ГК РФ.

К примеру, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2010 г. N 1-П город Санкт-Петербург, указывается на недопустимость придавать обратную силу законодательным предписаниям путем толкования, ухудшающего положение субъекта в его отношениях с государством [8]. Можно сказать, что указанное Постановление Конституционного

Суда Российской Федерации от 21 января 2010 г. N 1-П в указанном случае не применимо. Однако нормы ст. 181.5 ГК РФ, как указано в п. 112 Постановления Пленума ВС № 25 применяются по аналогии и по своей сути узаконивают ничтожные решения общих собраний собственников многоквартирного дома, начиная с 2015 года.

Как отмечается в правоприменительной практике, то суды указывают, что срок исковой давности для признания ничтожного решения собрания недействительным исчисляется по аналогии с правилами, установленными пунктом 5 статьи 181.4 ГК РФ. Отказывая в удовлетворении исковых требований, суды, руководствуясь названными нормами права, исходят из вышеуказанных обстоятельств, и приходят к выводу о пропуске срок исковой давности, установленного п. 5 ст. 181.4 ГК РФ для оспаривания решения собрания, доказательств наличия уважительности причин для его восстановления нет [9].

Таким образом, ничтожное по своей сути решение собрания собственников в многоквартирном доме может быть легитимировано судом, только на том основании, что прошло более шести месяцев для его оспаривания.

К аналогичным выводам приходят и суды иных областей. К примеру, Саратовский областной суд в качестве основания для отказа в исковых требованиях указал на пропуск истцом срока исковой давности, отказав в ходатайстве на его восстановление [10]. В другом гражданском деле, рассмотренным Московским городским судом апелляционной инстанцией от 28 февраля 2018 года по делу №33-5630/2018, также в мотивировочной части судебного акта указано на пропуск истцом срока исковой давности [11].

Интересное гражданское дело №2-2-1631/2018 было рассмотрено в Автозаводском районном суде г. Тольятти Самарской области и вынесено отказное решение суда, вступившее в законную силу 15.05.2018 года [12]. Фабулой дела являлись обстоятельства, согласно которым инициатор собрания действовал от имени собственников многоквартирного дома без надлежаще заверенных доверенностей на голосование, т.е. имея доверенности в простой письменной форме. Вместе с тем, жилищное законодательство предъявляет к таким доверенностям особые требования. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 48 ЖК РФ, доверенность на голосование должна содержать сведения о представляемом собственнике помещения в соответствующем многоквартирном доме и его представителе (имя или наименование, место жительства или место нахождения, паспортные данные) и должна быть оформлена в соответствии с требованиями пунктов 3 и 4 ст. 185.1 ГК РФ или удостоверена нотариально. В соответствии с п. 3 и 4 ст. 185.1 ГК РФ, помимо нотариуса, доверенность может быть удостоверена: организацией, в которой доверитель работает или учится; администрацией стационарного лечебного учреждения, в котором он находится на лечении; доверенность от имени юридического лица выдается за подписью его руководителя или иного лица, уполномоченного на это в соответствии с законом и учредительными документами. В силу статьи 60 ГПК РФ обстоятельства дела, должны подтверждаться определенными средствами доказывания и не могут быть подтверждены не иначе, как только этими средствами доказывания.

Если доверенности, на основании которых один из отечественных-инициатор собрания принимал участие в ничтожном собрании, не удостоверены, то есть, не оформлены надлежащим образом, как требует законодательство, то все его голоса не могут быть учтены при подсчете. Таким образом, закон говорит, что решения собрания ничтожны, в связи с тем, что отсутствует кворум. По этому вопросу есть соответствующая правоприменительная практика: апелляционное определение Саратовского областного суда от 09 июня 2016 года по делу N 33-3375/2016, апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 31 января 2017 года по делу N 33-520/2017 [13], апелляционное определение Магаданского областного суда от 16 августа 2016 года N 33-700/2016 [14], определение Саратовского областного суда от 27 октября 2015 года по делу N 33-7086/2015 [15] и другие.

Таким образом, ничтожная сделка недействительна с момента ее совершения, то есть она изначально не порождает правовых последствий. Срок исковой давности по требованиям о применении последствий недействительности ничтожной сделки и о признании такой сделки недействительной составляет три года.

Полагаем, что при установлении факта ничтожности решений общего собрания в силу отсутствия необходимого для его проведения кворума, другие основания, возражения и доводы противной стороны не могут иметь для суда правового значения для принятия обоснованного и законного решения.

При вынесении судебного решения, когда сделка выступает в качестве основания заявленного требования или возражения суду необходимо дать надлежащую правовую оценку такой сделке [16]. Кроме, того отношения в сфере ЖКХ немислимы без использования персональных данных, например, при установлении видеодомофона [17], продажи квартиры [18], перечня работ, общих положений ГК и самого понимания договора оказания услуг и выполнения работ [19; 20].

ВЫВОДЫ

Защита прав и законных интересов собственников многоквартирного дома, при оспаривании результатов общих собраний, в том случае, если результаты такого собрания ничтожны и не порождают, согласно действующему законодательству, соответствующих правовых последствий, могут быть легитимированы судами при пропуске срока исковой давности. Полагаем, что идеи законодателя, положенные в основу ст.181.5 ГК РФ, и срок давности, установленный в п. 5 ст.181.4 ГК РФ приносит для собственника больше вреда чем пользы, однако для государственной судебной системы, это дает возможность экономить свое процессуальное время для более качественного изложения судебных актов.

На основании изложенного считаем, что для законодателя в настоящее время в области жилищного права, не имеет существенного значения по каким основаниям недействительны решения собственников многоквартирного дома, т.к. и ничтожные решения собраний и оспоримые, признаются недействительными в одном и том же порядке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Система обеспечения законодательной деятельности // СОЗД. URL: sozd.parlament.gov.ru/.
2. Бевзенко Р.С. «Законорея» или Почему у нас такие плохие законы. И почему они в ближайшем будущем вряд ли станут лучше // *Zakon.ru*: первая социальная сеть для юристов. URL: zakon.ru/blog/2018/03/22/zakonoreya_ili_pochemu_u_nas_takie_plohie_zakony_i_pochemu_oni_v_blizhajshem_buduschem_vryad_li_stanut_luchshe // *Zakon.ru*: первая социальная сеть для юристов.
3. Конституция Российской Федерации с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ: ред. от 29.07.2017: с изм. и доп., вступ. в силу с 06.08.2017 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Жилищный Кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 188-ФЗ: ред. от 03.04.2018 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/.
6. Постановление Правительства РФ от 06.05.2011 N 354: ред. от 27.03.2018 «О предоставлении коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов» (вместе с «Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов») // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_114247/.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 января 2010 г. N 1-П город Санкт-Петербург // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96788/.
9. РФ. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 28 сентября 2017 года по делу N 33-14775/2017 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SARB;n=112390#02234185444568062.
10. РФ. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 09.06.2016 по делу N 33-3375/2016 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOPV;n=244920#0521325064416617.
11. РФ. Апелляционное определение московского городского суда от 28.02.2018 по делу N 33-5630/2018 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система. URL: consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=RAMSMARB;n=1418656#0008022856836050307.
12. РФ. Решение Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области по делу № 2-2-1631/2018 от 10 апреля 2018 года // Автозаводский районный суд г. Тольятти. URL: avtozavodsky-sam.sudrf.ru/modules.php?name=gbook.

13. РФ. Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 30.01.2017 по делу N 33-520/2017 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.
URL: consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOPV;n=292157.
14. РФ. Апелляционное определение Магаданского областного суда от 16.08.2016 N 33-700/2016 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.
URL: consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SODV;n=87607#046999430857723545.
15. РФ. Определение Саратовского областного суда от 27.10.2015 по делу N 33-7086/2015 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.
URL: consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=SOPV;n=224794#006959674300965768.
16. Рожкова М.А., Новоселова Л.А. К вопросу о силе судебных актов арбитражного суда // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2003. № 5. С. 69–78.
17. Как установить видеонаблюдение в жилом доме? // Электронный журнал «Азбука права». 2018. URL: consultant-dv.ru/o-sisteme/azbuka-prava/.
18. Бычков А.И. Квартирный вопрос. Приобретение, реализация и защита права собственности на квартиру. М.: Инфотропик Медиа, 2016. 316 с.
19. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. Кн. 1. М.: Статут, 1999. 848 с.
20. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: договоры о выполнении работ и оказании услуг. Кн. 3. М.: Статут, 2002. 1055 с.
2018. *Konsultant-Plyus: spravochno-pravovaya sistema*.
URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/.
6. RF. RF Government Regulation dated the 06 of May 2011 N 354: edition dated the 27 of March 2018 “Concerning the providing of communal services to the owners and users of premises in the multi-apartment houses and dwelling houses” (along with “The rules for providing of communal services to the owners and users of the premises in the multi-apartment houses and dwelling houses”). (In Russian)
7. RF. Resolution of Plenum of the Supreme Court of the RF dated the 23 of June 2015 N 25 “Concerning the application by the courts of certain provisions of paragraph I of part one of the Civil Code of the Russian Federation”. (In Russian)
8. RF. Resolution of Constitutional Court of the Russian Federation dated the 21 of January 2010 N 1-P, St. Petersburg. (In Russian)
9. RF. Appellate decision of St. Petersburg municipal court dated the 28 of September 2017 on the case N 33-14775/2017. (In Russian)
10. RF. Appellate decision of Saratov regional court dated the 09 of June 2016 on the case N 33-3375/2016. (In Russian)
11. RF. Appellate decision of Moscow municipal court dated the 28 of February 2018 on the case N 33-5630/2018. (In Russian)
12. RF. Decision of Avtozavodsky district court of Togliatti of Samara region on the case № 2-2-1631/2018 dated the 10 of April 2018. (In Russian)
13. RF. Appellate decision of the Supreme Court of the Udmurt Republic dated the 30 of January 2017 on the case N 33-520/2017. (In Russian)
14. RF. Appellate decision of Magadan regional court dated the 16 of August 2016 N 33-700/2016. (In Russian)
15. RF. Decision of Saratov regional court dated the 27 of October 2015 on the case N 33-7086/2015. (In Russian)
16. Rozhkova M.A., Novoselova L.A. On the question of the power of the arbitration acts. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*, 2003, no. 5, pp. 69–78.
17. How to install video monitoring in a dwelling house? *Elektronnyy zhurnal “Azбуka prava”*, 2018.
URL: consultant-dv.ru/o-sisteme/azbuka-prava/.
18. Bychkov A.I. *Kvartirnyy vopros. Priobretenie, realizatsiya i zashchita prava sobstvennosti na kvartiru* [The housing question. The acquisition, implementation and protection of the rights of ownership of a flat]. Moscow, Infotropik Media Publ., 2016. 316 p.
19. Braginskiy M.I., Vitryanskiy V.V. *Dogovornoe pravo: obshchie polozheniya* [Contract law: general provisions]. Moscow, Statut Publ., 1999. Kn. 1, 848 p.
20. Braginskiy M.I., Vitryanskiy V.V. *Dogovornoe pravo: dogovory o vypolnenii rabot i okazanii uslug* [Contract law: agreements on performance of works and rendering of services]. Moscow, Statut Publ., 2002. Kn. 3, 1055 p.

REFERENCES

1. Legislative activity supporting system. *SOZD*.
URL: sozd.parlament.gov.ru/.
2. Bevzenko R.S. “Zakonoreya”, or Why we have such bad laws. And why they will hardly become better in a very near future. *Zakon.ru: pervaya sotsialnaya set dlya yuristov*.
URL: zakon.ru/blog/2018/03/22/zakonoreya_ili_pochemu_u_nas_takie_plohie_zakony_i_pochemu_oni_v_blizhajshem_buduschem_vryad_li_sta#comment_460522.
3. Constitution of the Russian Federation as amended by the Laws of the Russian Federation on the amendments to the Constitution of the Russian Federation dated the 30 of December 2008 N 6-FKZ, dated the 30 of December 2008 N 7-FKZ, dated the 05 of February 2014 N 2-FKZ, dated the 21 of July 2014 N 11-FKZ. *Konsultant-Plyus: spravochno-pravovaya sistema*.
URL: consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
4. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated the 30 of November 1994 N 51-FZ: edition dated the 29 of July 2017: as amended and supplemented, enacted from the 06 of August 2017. *Sobranie zakonodatelstva RF*, 1994, no. 32, st. 3301.
5. Housing Code of the Russian Federation dated the 29 of December 2004 N 188-FZ: edition dated the 03 of April

**THE PROBLEM OF THE PROTECTION OF RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS
OF THE JOINT OWNERS OF A MULTI-APARTMENT HOUSE IN THE CONTEXT
OF THE ADOPTION OF THE ARTICLE 181.5 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

© 2018

E.V. Chuklova, candidate of Legal Sciences, assistant professor of Chair “Business and Labor Law”

D.A. Kuptsov, graduate student

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: managing organization; meeting of owners; agreement for multi-apartment house management; nullity of decisions; invalid transaction; insignificant deal; voidable transaction; limitation of actions.

Abstract: The paper studies the problem of the protection of rights and legitimate interests of the joint owners of a multi-apartment house in the context of the adoption of the Article 181.5 of the Civil Code of the Russian Federation that is a part of “Chapter 9.1 of the decisions of the meetings”, its application, and the effect of the application of this legal norm by the courts when protecting by the joint owners of a multi-apartment house the violated rights and legitimate interests resulting from the holding of the house general meetings.

The object of the study is the norms of civil and housing law validating the nullity of the decisions of meetings of civil communities that are the owners of the premises in the multi-apartment houses considering the time allocated by the procedural law for the judicial protection of violated rights and legitimate interests.

The object of the study is also the judicial acts of general courts and the directives of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the application of the Article 181.5 of the Civil Code of the Russian Federation in conjunction with the limitations of actions.

In the context of the study, the authors used the formal legal method and various ways of interpretation of the civil norms. During the study, the comparative-judicial method was used which is demonstrated in the comparison of the provisions of various regulatory legal acts. The authors applied the philosophical categories of general, particular and private.

In the result of the research, the authors conclude about the ways the general courts interpret and apply the legal norms being studied and deal with some issues related to the prospects of the improvement of the institute of regulatory control in the civil and housing law.

О СООТНОШЕНИИ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ И ПРАВА НА ЗАЩИТУ

© 2018

С.В. Юношев, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
(Самарский университет), Самара (Россия)

Ключевые слова: правосудие; уголовное судопроизводство; состязательность уголовного судопроизводства; обвиняемый; право на защиту; право на квалифицированную юридическую помощь.

Аннотация: Данная статья посвящена рассмотрению права обвиняемого на защиту в его соотношении с конституционным правом на квалифицированную юридическую помощь. Обосновывается тезис, что участие защитника в уголовном судопроизводстве призвано компенсировать процессуальное неравенство стороны защиты по сравнению с возможностями стороны обвинения в связи с возрастающим усложнением уголовно-процессуальной формы. Показывается, что сам обвиняемый, как правило, не обладает знаниями и навыками для того, чтобы эффективно противостоять обвинению. При этом обращается внимание, что Конституция РФ гарантирует право на получение квалифицированной юридической помощи каждому лицу, независимо от наличия или отсутствия у него формального статуса в рамках уголовного судопроизводства. Исходя из этого, обосновывается задача переосмысления роли адвокатуры в уголовном судопроизводстве. Поскольку действующий УПК РФ провозгласил защиту прав и свобод личности в качестве единственного назначения уголовного судопроизводства, то деятельность всех без исключения официальных участников уголовного судопроизводства (дознатель, следователь, прокурор, суд) должна быть посвящена защите прав и свобод человека, прежде всего, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого с целью не допустить нарушения их прав. В свете этого в статье и деятельность адвоката рассматривается как направленная на обеспечение интересов правосудия – выявляя нарушения со стороны органов расследования и суда, обжалуя действия официальных участников процесса, добиваясь восстановления нарушенных прав, адвокат работает на повышение качества уголовно-процессуальной деятельности в целом. Из этого выводится публично-правовая функция адвокатуры. По итогам проведенного в статье анализа делается вывод, что право на квалифицированную юридическую помощь выступает важнейшей гарантией реализации права на защиту. Ограничение же права на квалифицированную юридическую помощь отрицательно сказывается как на эффективности уголовного судопроизводства в целом, так и в особенности на состоянии правовой защиты личности.

ВВЕДЕНИЕ

Право на защиту от обвинения или подозрения с конца XVIII века признается не только оплотом демократического и состязательного уголовного судопроизводства, опирающегося на основные начала разума и справедливости [1], но и в более широком политическом смысле выступает индикатором самого государства, его политического режима. Фактическое наполнение статуса обвиняемого эффективной системой процессуальных гарантий, препятствующей необоснованному обвинению, а равно не допускающей произвольного ограничения прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности, по меткому выражению А.М. Ларина, предстает «пробным камнем гуманности политического режима» [2, с. 62], посредством которого «правдиво отражается истинный тип как самого государства, так и его правовой системы» [3, с. 92]. А И.Я. Фойницкий еще в конце XIX столетия отмечал, что «чем свободнее личность в государстве, тем полноправнее обвиняемый в уголовном процессе» [4, с. 13].

В свою очередь, без права на профессиональную юридическую помощь со стороны адвоката – защитника немисливо не только собственное право на защиту, но и правосудие как таковое. Тот же И. Я. Фойницкий писал: «Процесс, где обвиняемый поставлен лицом к лицу против обвинения, вооруженного всесильною помощью государства, недостоин имени судебного разбирательства: он превращается в травлю» [5, с. 15].

Не вызывает сомнений, что правосудие эффективно и справедливо только тогда, когда неукоснительно со-

блюдается известный принцип древнеримского права “*audiatur et altera pars*” («да будет выслушана и другая сторона»).

И действительно, право обвиняемого на защиту и состязательность уголовного судопроизводства не просто взаимосвязаны, но второе немисливо без первого. Обвиняемый или подозреваемый, как правило, не обладают правовыми знаниями и навыками для того, чтобы сколько-нибудь эффективно противостоять обвинению, он может быть ограничен в свободе или подвергнут иным существенно ограничивающим его возможности мерам. Участие защитника в уголовном судопроизводстве призвано компенсировать это неравенство сторон, обеспечить баланс возможностей.

Цель работы – анализ соотношения двух системообразующих процессуальных прав обвиняемого – права на защиту и право на квалифицированную юридическую помощь.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

В центре сталкивающихся при производстве по уголовному делу интересов – человек, его права и свободы. Выраженное в назначении уголовного судопроизводства стремление законодателя уравновесить интересы пострадавшей и преследуемой сторон привели к существенному усложнению правовых форм уголовно-процессуальной деятельности. Ориентироваться в этих сложных правилах судопроизводства непросто даже тем субъектам, которые обладают специальными юридическими знаниями и соответствующим опытом.

Следственная и судебная практика порождает огромное количество ошибок, обусловленных не только ригидностью профессионального мышления и сформировавшимися в условиях иной правовой реальности стереотипами, но и объективными трудностями применения сложных и тесно взаимосвязанных институтов уголовно-процессуального права. Человеку же, волею судьбы вовлеченному в орбиту уголовного судопроизводства, каким бы ни был его процессуальный статус, участвовать в уголовном судопроизводстве без советов и помощи профессионала практически невозможно.

В части 1 статьи 48 Конституции РФ каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Имевшие место на первых порах попытки ограничить круг субъектов, имеющих право на юридическую защиту, теми, кто имеет формальный статус подозреваемого или обвиняемого, были пресечены апеллированием к позиции Конституционного суда РФ, высказанной им в постановлении по делу В.И. Маслова: факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него (в частности, разъяснением в соответствии со статьей 51 (часть 1) Конституции Российской Федерации права не давать показаний против себя самого) [6]. Поскольку такие действия направлены на выявление уличающих лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, фактов и обстоятельств, ему должна быть безотлагательно предоставлена возможность обратиться за помощью к адвокату (защитнику).

В полном соответствии с названной правовой позицией Конституционного Суда РФ и в теории и практике уголовного судопроизводства утвердился постулат: право на получение квалифицированной юридической помощи не может ставиться в зависимость от наличия или отсутствия формального процессуального статуса лица, нуждающегося в такой помощи. Поскольку решение о наделении лица тем или иным процессуальным статусом является исключительной прерогативой самих официальных субъектов производства по уголовному делу, иной подход означал бы открытую дорогу к потенциальным злоупотреблениям со стороны органов предварительного расследования, преследующих цель ограничения или вовсе лишения конкретного лица права на юридическую помощь путем непредоставления ему формального процессуального статуса.

Названная гарантия права на юридическую помощь в свою очередь обеспечивает фактическую реализацию целого спектра иных значимых прав лица, привлекаемого к уголовной ответственности, таких как, знать о своих правах и обязанностях, знать о предъявленном в отношении него обвинении и многих других, а значит в конечном счете гарантирует само право на защиту, но помимо этого также выступает и гарантией против признания недопустимыми полученных в ходе расследования доказательств. Такая позиция Конституционного суда позволяет иначе оценить роль адвокатуры в уголовном судопроизводстве.

В традиционных для советского периода дискуссиях о роли адвоката-защитника в уголовном процессе референдом звучала мысль о том, что адвокат является помощником суда в установлении истины [7–9]. Однако, в условиях того времени эта по сути правильная мысль извращала смысл адвокатской деятельности, ибо требовала от адвоката той же объективности и принципиальности, что и от прокурора. В связи с этим, в литературе высказывались мнения о том, что адвокат-защитник не может и не должен следовать версии подсудимого, поскольку она является субъективной версией заинтересованного в исходе дела лица [9; 10], а отрицание возможности позиционного расхождения между защитником и подзащитным при непризнании вины последним мотивировалось стремлением не допустить превращения защитника в слугу обвиняемого [11].

В условиях не состязательного, но декларативно-демократического судопроизводства иной взгляд на роль адвоката по-видимому был просто невозможен. Формальное и строго дозированное допущение адвоката в уголовный процесс [12] после разоблачений вопиющего беззакония, царившего в сталинскую эпоху, было необходимым символом нового времени. Однако никакие демократические лозунги не могли скрыть оттенка пренебрежительности в отношении к адвокатуре, как к сообществу представителей частных интересов отдельных лиц, противостоящих публичным интересам, защищаемым следователем, прокурором и судом [13].

Содержание статьи 6 УПК РФ заставляет иначе воспринимать смысл всей уголовно-процессуальной деятельности государства. Не борьба с преступностью, олицетворявшаяся в статье 2 УПК РСФСР требованиями быстрого и полного раскрытия преступлений и изобличения и осуждения виновных, и не пресловутое установление истины, а защита прав и свобод личности провозглашены в качестве единственного назначения уголовного судопроизводства [3]. Из этого со всей неизбежностью вытекает, что деятельность всех без исключения официальных участников уголовного судопроизводства (в их числе дознаватель, следователь, прокурор, суд) теперь посвящена защите прав и свобод человека, прежде всего, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого с целью не допустить нарушения их прав в рамках уголовного судопроизводства. При таком подходе новый смысл обретают требования законности и обоснованности процессуальных действий и решений: каждое процессуальное действие совершается для определенной цели, но в конечном итоге для достижения назначения уголовного судопроизводства. Нарушение прав участника уголовного процесса есть искажение сущностного смысла процессуальной деятельности органов расследования, прокуратуры и суда. Защита прав одного лица не может производиться за счет необоснованного ограничения прав других лиц.

Инициаторами возбуждения и дальнейшего стадийного движения уголовного дела выступают безусловно официальные органы и должностные лица, преследующих публичный интерес и ответственные за достижение результатов процесса. Однако только их деятельности оказывается явно недостаточно для обеспечения прав конкретного лица, вовлеченного в орбиту уголовного судопроизводства. Именно здесь надо искать основание для допуска в процесс неофициальных

профессиональных участников – адвокатов – в качестве защитников или представителей. Защищая частный интерес, адвокат в конечном счете работает на интересы правосудия в целом. Выявляя нарушения и ошибки со стороны органов расследования и суда, обжалуя действия официальных участников процесса, добиваясь восстановления нарушенных прав доверителей, адвокат работает на повышение качества уголовно-процессуальной деятельности как таковой. Именно в этом видится «публично-правовая функция адвокатуры» [14, с. 105].

Сказанное ни в какой мере не следует понимать, как указание на тотальную незаконность предварительного расследования или судебного разбирательства. Суть в другом. Она состоит в состязательности уголовного судопроизводства и её гарантиях. Признав, что органы предварительного расследования выполняют функцию уголовного преследования и что адвокат-защитник, выполняющий противоположную процессуальную функцию, имеет равные со стороной обвинения процессуальные возможности, законодатель создал такую конструкцию, при которой стороны взаимно контролируют друг друга. Такое построение уголовного процесса справедливо, поскольку позволяет суду получить действительно разносторонний и объективный взгляд на обстоятельства дела, а, следовательно, принять верное решение.

Расширение возможности участия адвоката в уголовном судопроизводстве имеет значение и для совершенствования процессуального закона. Несвязанный ведомственными интересами и не скованный в проявлении инициативы бюрократическими рамками, ищущий наилучшие возможности для выполнения своей функции, адвокат чаще, чем кто-либо другой видит недостатки законодательной регламентации, препятствующие ему повысить эффективность своей деятельности. Сказанное не нуждается в особом обосновании, достаточно обратить внимание на количество инициированных адвокатами жалоб, по которым Конституционный суд РФ принял судьбоносные для отечественного уголовного судопроизводства решения [15].

В свете сказанного представляется очевидным, что ограничение права на квалифицированную юридическую помощь, а также недостатки правового регулирования статуса защитника отрицательно сказываются как на эффективности уголовного судопроизводства в целом, так и в особенности на состоянии правовой защиты личности в обществе.

В самом общем виде задачи защитника состоят в сопоставлении предъявленного лицу обвинения, обосновании его меньшей виновности, наличия обстоятельств, смягчающих ответственность обвиняемого, а также в оказании ему иной юридической помощи (консультирование, разъяснение сущности процессуальных актов, согласование позиции и т. д.). Адвокат стремится разрушить или, как минимум, ослабить обвинение. В связи с этим на страницах печати все чаще стали появляться высказывания, формирующие представление о защите по уголовному делу как деятельности, препятствующей объективному расследованию, обладающей все возрастающим арсеналом разрушительных возможностей и вынуждающей субъектов расследования испытывать трудности в преодолении противодействия со стороны защитника-адвоката [16; 17]. УПК РФ подвергается же-

стой критике за то, что во всем уголовном процессе порождена порочная практика увеличения прав обвиняемого и его защитника за счет уменьшения прав следователя и возложения на него все больших обязанностей [18–20].

В этом и подобных ему случаях наука явно используется для создания ложных представлений об осуществляемой по уголовному делу защите как о намеренном, умышленном противодействии расследованию, неизменно называемому объективным, с целью воспрепятствовать справедливому возмездию. Насаждение таких представлений способно иметь чрезвычайно негативные последствия.

Представляется, что причины рассматриваемой тенденции коренятся в неразвитости традиций состязательного судопроизводства и, как следствие, в искаженных представлениях о роли и назначении адвоката-защитника в уголовном процессе.

ВЫВОДЫ

Итак, из сказанного можно сделать вывод, что право на квалифицированную юридическую помощь можно признать одной из основных и наиболее действенных гарантий реализации права обвиняемого (подозреваемого) на защиту. Адвокат-защитник, отстаивая и восстанавливая права и законные интересы конкретного подозреваемого и обвиняемого, вместе с тем действует и в интересах правосудия в целом, поскольку препятствует одностороннему обвинительному взгляду на существо дела.

Защита обвиняемого в совершении преступления лица имеет высокий нравственный смысл, является общественным служением, поскольку только справедливая судебная процедура, обеспечивающая обвиняемому право на защиту, и может рассматриваться как правосудие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб.: Наука, 2000. 224 с.
2. Ларин А.М. Презумпция невиновности. М.: Наука, 1982. 152 с.
3. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. 465 с.
4. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 1. СПб.: Альфа, 1996. 552 с.
5. Фойницкий И.Я. Защита в уголовном процессе как служение общественное. СПб.: Типо-литография А.М. Вольфа, 1885. 66 с.
6. Заливин А.Н. Защитник на стадии возбуждения уголовного дела. Правило Маслова // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2. С. 36–38.
7. Адвокат в советском уголовном процессе: пособие для адвокатов. М.: Госюриздат, 1954. 324 с.
8. Мотовиловкер Я.О. Некоторые вопросы советского уголовного процесса в свете нового уголовно-процессуального законодательства. Часть 2. Кемерово: Кн. изд-во, 1964. 152 с.
9. Алексеев Н.С., Макарова З.В. Ораторское искусство в суде. Л.: Ленинградский ун-т, 1985. 175 с.

10. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 470 с.
11. Элькин П.С. Право обвиняемого на защиту в советском уголовном процессе // Вопросы защиты по уголовным делам. Л.: Ленинградский ун-т, 1967. С. 7–44.
12. Фаткуллин Ф.Н., Зинатуллин З.З., Аврах Я.С. Обвинение и защита по уголовным делам. Казань: Казанский ун-т, 1976. 168 с.
13. Яртых И.С. Адвокатура и власть. М.: Юрлитинформ, 2003. 176 с.
14. Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. I. М.: ТК Велби, 2004. 224 с.
15. Памятники российского права. В 35 т. Т. 29. Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР / под ред. В.А. Лазаревой, Р.Л. Хачатурова. М.: Юрлитинформ, 2016. 608 с.
16. Павлов А.А. Формы противодействия расследованию преступлений со стороны защитника // Актуальные проблемы теории и практики уголовного судопроизводства и криминалистики. М.: Академия управления МВД России, 2004. С. 173–183.
17. Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. М.: Экзамен, 2005. 512 с.
18. Погодин С.Б. Проблемы правовой регламентации состязательности уголовного процесса // Российский судья. 2004. № 11. С. 13–15.
19. Бойков А.Д. Новый УПК России и проблемы борьбы с преступностью // Уголовное право. 2002. № 3. С. 63–69.
20. Быков В. Подозреваемый как участник уголовного судопроизводства со стороны защиты // Российская юстиция. 2003. № 3. С. 43–44.
6. Zalivin A.N. Protector on the stage of the initiation of a criminal case. Maslov's Rule. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2013, no. 2, pp. 36–38.
7. *Advokat v sovetskom ugovolnom protsesse: posobie dlya advokатов* [Advocate in Soviet criminal procedure: reference book for the defense lawyers]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1954. 324 p.
8. Motovilovker Ya.O. *Nekotorye voprosy sovetskogo ugovolnogo protsessa v svete novogo ugovolno-protsessualnogo zakonodatelstva* [Some issues of Soviet criminal procedure in terms of new criminal procedure legislation]. Kemerovo, Kn. izd-vo Publ., 1964. 152 p.
9. Alekseev N.S., Makarova Z.V. *Oratorskoe iskusstvo v sude* [Public speaking in the court]. Leningrad, Leningradskiy un-t Publ., 1985. 175 p.
10. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugovolnogo protsessa* [A course in Soviet criminal procedure]. Moscow, Nauka Publ., 1968. Vol. 1, 470 p.
11. Elkind P.S. Benefit of counsel in Soviet criminal procedure. *Voprosy zashchity po ugovolnym delam*. Leningrad, Leningradskiy un-t Publ., 1967, pp. 7–44.
12. Fatkullin F.N., Zinatullin Z.Z., Avrakh Ya.S. *Obvinenie i zashchita po ugovolnym delam* [Criminal prosecution and defense]. Kazan, Kazanskiy un-t Publ., 1976. 168 p.
13. Yartykh I.S. *Advokatura i vlast* [Advocacy and authority]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2003. 176 p.
14. Petrukhin I.L. *Teoreticheskie osnovy reformy ugovolnogo protsessa v Rossii* [Theoretical foundations of the reform of the criminal process in Russia]. Moscow, TK Velbi Publ., 2004. 224 p.
15. Lazareva V.A., Khachaturov R.L., eds. *Pamyatniki rossiyskogo prava. Ugovolno-protsessualnye kodeksy RSFSR* [Monuments of Russian law. Criminal Procedure Codes of the RSFSR]. Moscow, Yurлитinform Publ., 2016. Vol. 29, 608 p.
16. Pavlov A.A. The forms of counter force to the crime investigation on the part of a defense lawyer. *Aktualnye problemy teorii i praktiki ugovolnogo sudoproizvodstva i kriminalistiki*. Moscow, Akademiya upravleniya MVD Rossii Publ., 2004, pp. 173–183.
17. Garmaev Yu.P. *Nezakonnaya deyatelnost advokатов v ugovolnom sudoproizvodstve* [Illegal activities of the defense lawyers in criminal proceedings]. Moscow, Ekzamen Publ., 2005. 512 p.
18. Pogodin S.B. The issues of legal regulation of competition of criminal procedure. *Rossiyskiy sudya*, 2004, no. 11, pp. 13–15.
19. Boykov A.D. New Criminal Procedure Code of Russia and the problems of struggle against criminality. *Ugovolnoe pravo*, 2002, no. 3, pp. 63–69.
20. Bykov V. A suspect as a party to a criminal proceeding on the part of the defense. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2003, no. 3, pp. 43–44.

REFERENCES

1. Smirnov A.V. *Modeli ugovolnogo protsessa* [Models of criminal procedure]. Sankt Petersburg, Nauka Publ., 2000. 224 p.
2. Larin A.M. *Prezumptsiya nevinovnosti* [Presumption of Innocence]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 152 p.
3. Lazareva V.A., Tarasova A.A., eds. *Ugovolno-protsessualnoe pravo. Aktualnye problemy teorii i praktiki* [Criminal Procedural Law. Important Issues of Theory and Practice]. 3rd izd., pererab. i dop. Moscow, Yurayt Publ., 2016. 465 p.
4. Foynitskiy I.Ya. *Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva* [Course on Criminal Process]. Sankt Petersburg, Alfa Publ., 1996. Vol. 1, 552 p.
5. Foynitskiy I.Ya. *Zashchita v ugovolnom protsesse kak sluzhenie obshchestvennoe* [Defense in criminal procedure as public service]. Sankt Petersburg, Tipolitografiya A.M. Volfa Publ., 1885. 66 p.

**CONCERNING THE INTERRELATION OF THE DEFENDANT'S RIGHT
TO HAVE COMPETENT LEGAL ASSISTANCE AND THE RIGHT OF DEFENSE**

© 2018

S.V. Yunoshev, PhD (Law), assistant professor of Chair of Criminal Procedure and Criminal Science
Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)

Keywords: justice; criminal procedure; criminal procedure competition; defendant; right of defense; right to have competent legal assistance.

Abstract: This paper considers the defendant's right of defense in its interrelation with the constitutional right to have competent legal assistance. The author substantiates the thesis that the participation of a defense lawyer in criminal procedure is intended to compensate the procedural disparity of the defense party against the opportunities of the prosecution party in respect of the growing complicacy of the criminal procedural form. It is displayed that, as a rule, the defendant does not have knowledge and skills to countervail the prosecution. Moreover, the author pays attention to the fact that the RF Constitution guarantees every person the right to have competent legal assistance irrespective of his or her formal status within the criminal procedure. Given this, the task of reinterpretation of the advocacy role in criminal procedure is substantiated. As the current Russian Federation Code of Criminal Procedure proposed the defense of person's rights and freedoms as the only purpose of criminal procedure, the activity of any and all official participants of criminal procedure (interrogator, crime investigator, prosecutor, court) should deal with the defense of the rights and freedoms of a person, first of all, of a complainant, suspect, and defendant not to commit the violations of the rights. In light of this, the paper considers the defense lawyer's activity as the activity focused on the serving the interests of justice – when detecting the violations on the part of the investigation bodies and the court, appealing against the actions of the official participants of legal proceedings, struggling for the restoration of violated rights, the defense lawyer works for the improvement of quality of the criminal procedure activity in the whole. Thereout, the public function of a defense lawyer is derived. Following the results of the study carried out in the paper, the author makes the conclusion that the right to have competent legal assistance is the essential guarantee of the enforcement of the right for defense. The limitation of the right to have competent legal assistance affects negatively both the effectiveness of the criminal procedure in the whole and the state of the personality legal defense in particular.

НАШИ АВТОРЫ

Бородина Нелли Игоревна, преподаватель кафедры «Конституционное и административное право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова 57.

Тел.: 8 937 664-17-74

E-mail: replicantcaloengrin@mail.ru

Гамбарян Артур Сиреканович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права».

Адрес: Российско-Армянский университет, 0051, Республика Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123.

E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

Горовой Владислав Викторович, научный сотрудник центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт» Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

Адрес: Научно-исследовательский институт ФСИН России, 125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15А.

Тел.: (495) 983-93-88

E-mail: gorovoy1988@list.ru

Дядченко Елена Александровна, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник организационно-научного и редакционно-издательского отдела.

Адрес: Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Россия, Самара, ул. Рыльская, 24 В.

Тел.: 8 987 441-35-80

E-mail: alenadyadchenko@yandex.ru

Золотухина Татьяна Александровна, доктор юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики».

Адрес: Таганрогский институт управления и экономики, 347900, Россия, Таганрог, ул. Петровская, 45.

Тел.: (863) 200-20-76

E-mail: ttzoloto@yandex.ru

Копыткин Сергей Александрович, ведущий научный сотрудник центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт» Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации.

Адрес: Научно-исследовательский институт ФСИН России, 125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, 15 А.

Тел.: (495) 983-93-88

E-mail: anykey@mail.ru

Купцов Дмитрий Анатольевич, магистрант института права, кафедры «Предпринимательское и трудовое право».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 59.

Тел.: 8 917 966-65-65

E-mail: kuffz@mail.ru

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева Самара (РФ).

Адрес: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443011, Россия, г. Самара, ул. Академика Павлова 1, корпус № 24.

Тел.: 8 927 020-33-58

E-mail: v.a.lazareva@mail.ru

Мещерякова Юлия Олеговна, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-93-65

E-mail: julia.maksimikhina@legalclinic.ru

Прохоренко Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права.

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Ушакова 57.

Тел.: 8 917 120-38-97

E-mail: Irina.A.Pr@mail.ru

Тахаутдинова Алия Рахимзяновна, доцент кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

Тел.: (8482) 53-93-65

E-mail: moya_karamalka@mail.ru

Чуклова Елена Валериевна, доцент кафедры предпринимательского и трудового права.

Адрес: Тольяттинский государственный университет, 445667, Россия, Тольятти, ул. Ушакова, 59.

Тел.: 8 917 121-80-57

E-mail: elenachuklova@mail.ru

Юношев Станислав Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики.

Адрес: «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», 443086, Россия, Самара, ул. Московское шоссе, 34.

Тел.: 8 917 154-99-31

E-mail: svyunoshev@gmail.com

OUR AUTHORS

Borodina Nelly Igorevna, lecturer of Chair “Constitutional and administrative law”.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.

Phone: 8 937 664-17-74

E-mail: replicantcaloengrin@mail.ru

Chuklova Elena Valerievna, assistant professor of Chair “Business and Labor Law”.

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 59.

Tel.: 8 917 121-80-57

E-mail: elenachuklova@mail.ru

Ghambaryan Artur Sirekanovich, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of Chair of Theory and History of State and Law.

Address: Russian-Armenian University, 0051, the Republic of Armenia, Yerevan, Hovsep Emin Street, 123.

E-mail: artur.ghambaryan@gmail.com

Gorovoy Vladislav Viktorovich, researcher of Center for the research of the problems of management and organization of execution of punishments in the penal system of Federal Government Institution “Research Institute” of Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

Address: Research Institute of FPS of Russia, 125130, Russia, Moscow, Narvskaya Street, 15 A.

Tel.: (495) 983-93-88

E-mail: gorovoy1988@list.ru

Dyadchenko Elena Aleksandrovna, PhD (Psychology), senior researcher of the Organizational-Scientific and Editorial-Publishing Department.

Address: Samara Juridical Institute of Federal Penitentiary Service of Russia, 443022, Russia, Samara, Rylskaya Street, 24 V.

Tel.: 8 987 441-35-80

E-mail: alenadyadchenko@yandex.ru

Kopytkin Sergey Aleksandrovich, leading researcher of Center for the research of the problems of management and organization of execution of punishments in the penal system of Federal Government Institution “Research Institute” of Federal Penitentiary Service of the Russian Federation.

Address: Research Institute of FPS of Russia, 125130, Russia, Moscow, Narvskaya Street, 15 A.

Tel.: (495) 983-93-88

E-mail: anykey@mail.ru

Kuptsov Dmitry Anatolievich, graduate student of Chair “Business and Labor Law” of the Institute of Law.

Address: Togliatti State University, 445667, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 59.

Tel.: 8 917 966-65-65

E-mail: kuffz@mail.ru

Lazareva Valentina Aleksandrovna, Doctor of Sciences (Law), professor of Chair of Criminal Procedure and Criminal Science of Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (RF)

Address: Academician S.P. Korolev Samara National Research University, 443011, Russia, Samara, Academician Pavlov Street, 1, building 24.

Tel.: 8 927 020-33-58

E-mail: v.a.lazareva@mail.ru

Meshcheryakova Yulia Olegovna, senior lecturer of chair “Criminal law and procedure”.

Address: Togliatti State University, 445667, Togliatti, Russia, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: (8482) 53-93-65

E-mail: julia.maksimikhina@legalclinic.ru

Prokhorenko Irina Anatolievna, PhD (History), assistant professor of Chair of Theory and History of State and Law.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Ushakov Street, 57.

Tel.: 8 917 120-38-97

E-mail: Irina.A.Pr@mail.ru

Takhautdinova Aliya Rakhimzyanovna, assistant professor of chair “Criminal law and procedure”.

Address: Togliatti State University, 445667, Togliatti, Russia, Belorusskaya Street, 14.

Tel.: (846) 337-99-63

E-mail: moya_karamalka@mail.ru

Yunoshev Stanislav Viktorovich, PhD (Law), assistant professor of Chair of Criminal Procedure and Criminal Science.
Address: Academician S.P. Korolev Samara National Research University, 443086, Russia, Samara, Moskovskoye Shosse Street, 34.
Tel.: 8 917 154-99-31
E-mail: svyunoshev@gmail.com

Zolotukhina Tatyana Aleksandrovna, Doctor of Sciences (Law), assistant professor of Chair of Theory and History of State and Law of Law Department of PEI HE "Taganrog Institute of Management and Economics".
Address: Taganrog Institute of Management and Economics, 347900, Russia, Taganrog, Petrovskaya Street, 45.
Tel.: (863) 200-20-76
E-mail: ttzoloto@yandex.ru